

ЖУРНАЛ 2022

ISSN 2072-0513 (print)
ISSN 2072-0521 (online)

МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

3-4 (102-103)

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Главный редактор:
Андрей Владимирович
Селиванов

Редакционный совет:
Алексей Данильченко
(председатель)
Сергей Балашенко
Елена Давыденко
Елена Довгань
Елена Достанко
Руслан Есин
Людмила Павлова
Анатолий Розанов
Андрей Русакович
Олег Старовойтов
Александр Шарапо
Наталья Юрова

**Редактор английского
текста:**
Полина Чернопинская

Художник:
Василий Гоголушко

Корректор:
Елена Мельникова

Юридический адрес:
Беларусь, 220004, Минск,
ул. Короля, 3, пом. 8
Почтовый адрес:
Беларусь, 220050, Минск, а/я 245
Международное общественное
объединение по научно-исследо-
вательским и информационно-
образовательным программам
«Развитие»

тел.: +375 17 209 57 40,
+375 29 659 61 85

e-mail:
beljournal@evolutio.info

INTERNET:
<http://www.beljournal.evolutio.info/>

Издание зарегистрировано
в Министерстве информации
Республики Беларусь.
Свидетельство № 804
от 27 ноября 2009 г.

Учредитель и издатель:

Международное обще-
ственное объединение
по научно-исследо-
вательским и информаци-
онно-образовательным
программам «Развитие»

международное право

ПРАВО МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Правовая оценка введения санкций за злона-
меренные действия в информационном про-
странстве *Е. Ф. Довгань* 3

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Ориентир коллизионного регулирования в со-
временных условиях глобализации *Е. Б. Леанович* 1 2

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Межпоколенческая справедливость в контек-
сте прав человека и глобального изменения
климата в зарубежной судебной практике *А. И. Игнатович* 2 1

международные отношения

Политика России в отношении США в период
третьего президентства В. В. Путина: от «пере-
загрузки» к новой конфронтации *А. П. Косо* 2 8

Политика США в отношении постсоветской
интеграции в контексте трансформации пре-
зидентских внешнеполитических доктрин в
1991—2022 гг. *Е. В. Мацулевич* 3 7

Дипломатия «воина-волка» и общественное
мнение: китайско-американские отношения в
2020—2022 гг. *И. В. Варивончик* 4 5

Китайско-американские отношения в политиче-
ской сфере в 1969—1993 гг. *Ли Мэн* 5 1

Развитие гуманитарного сотрудничества КНР и
Республики Беларусь в 2005—2013 гг. *Сунь Шэнцзы* 5 8

Роль институтов Конфуция в развитии культур-
но-гуманитарного сотрудничества между Кита-
ем и Казахстаном в 2003—2022 гг. *Чжан Хунчао* 6 6

Реализация интересов Китая в ходе проведе-
ния миротворческих операций ООН в Африке *Цзян Юймэн* 7 3

О концептуальных основах внешней политики
КНР в период председательства Ху Цзиньтао *Чжоу Лэчжэн* 8 2

Торгово-экономическое сотрудничество между
Республикой Корея и Республикой Беларусь
в 1992—2012 гг. *Хван Джон Хва* 8 7

Концепция молдовенизма в Республике Мол-
дова (1989—2009 гг.) *Н. А. Косяк* 9 2

Мусульманская диаспора Ирландии: поиск но-
вой идентичности *И. В. Котляров,
П. О. Потапейко* 9 6

международные экономические отношения

Влияние торговой войны США и Китая на пока-
затели развития Республики Беларусь *Коу Синьсянь* 1 0 2

Эволюция научных взглядов на теории трудо-
вой миграции *Чжуаньсунь Цяочу* 1 0 8

JOURNAL 2022

ISSN 2072-0513 (print)
ISSN 2072-0521 (online)

OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

'3-4 (102-103)

IN THIS ISSUE

Editor-in-chief:
Andrey Selivanov

Editoring Board:
Alexey Danilchenko
(chairman)
Sergey Balashenko
Alena Dastanka
Elena Davydenko
Alena Douhan
Ruslan Esin
Ludmila Pavlova
Anatoly Rozanov
Andrei Rusakovich
Oleg Starovoitov
Alexandr Sharapo
Natalia Yurova

English Text Editor:
Polina Chernopinskaya

Art Editor:
Vasily Gogolushko

Corrector:
Elena Melnikova

International Non-governmental
Association for Scientific Research,
Information and Educational
Programmes «Evolutio»

Legal address:
3, Korolya str., room 8,
Minsk, 220004, Belarus
Postal address:
PO Box 245,
Minsk, 220050, Belarus

tel.: +375 17 209 57 40,
+375 29 659 61 85

e-mail:
beljournal@evolutio.info

INTERNET:
<http://www.beljournal.evolutio.info/>

The journal is licenced by the
Ministry of Information
of the Republic of Belarus.
Certificate N 804
27 November 2009

The founder and publisher:
 International Non-governmental
Association for Scientific Research, Infor-
mation and Educational
Programmes «Evolutio»

INTERNATIONAL LAW

INTERNATIONAL SECURITY LAW

Legal Status of Sanctions Introduced in Response
to Malicious Activity in Cyberarea..... *Alena Douhan* 3

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

A Landmark of the Conflict of Regulation Laws in
Modern Conditions of Globalisation..... *Elena Leanovich* 1 2

HUMAN RIGHTS

Intergenerational Justice in the Context of Human
Rights and Global Climate Change in the Foreign
Judicial Practice..... *Anastasiya Ihnatovich* 2 1

INTERNATIONAL RELATIONS

Russia's Policy towards the United States during
Vladimir Putin's Third Presidency: from «Reset» to
a New Confrontation..... *Alexandr Kosov* 2 8

U.S. Policy Regarding Post-Soviet Integration in
the Context of the Transformation of Presidential
Foreign Policy Doctrines in 1991—2022..... *Evgeniya Matsulevich* 3 7

«Wolf Warrior» Diplomacy and Public Opinion:
Sino-US Relations in 2020—2022..... *Ivan Varivonchik* 4 5

Sino-American Political Relations in 1969—1993..... *Li Meng* 5 1

Development of Humanitarian Cooperation
between the People's Republic of China and the
Republic of Belarus in 2005—2013..... *Sun Shengzi* 5 8

The Role of Confucius Institutes in the Development
of Cultural and Humanitarian Cooperation between
China and Kazakhstan in 2003—2022..... *Zhang Hongchao* 6 6

Implementation of China's Interests during of UN
Peacekeeping Operations in Africa..... *Jiang Yumeng* 7 3

On the Conceptual Foundations of China's Foreign
Policy during the Presidency of Hu Jintao..... *Zhou Lezheng* 8 2

Trade and Economic Cooperation between the
Republic of Korea and the Republic of Belarus in
1992—2012..... *Hwang John Hwa* 8 7

Concept of Moldovenism in the Republic of
Moldova (1989—2009)..... *Nikita Kosyak* 9 2

Muslim Diaspora of Ireland: Looking for New
Identity..... *Igor Kotlyarov,
Pavel Patapeika* 9 6

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Impact of the Trade War between the United
States and China on the Development Indicators
of the Republic of Belarus..... *Kou Xinxian* 1 0 2

Study of the Development of Views on Theories of
Labour Migration..... *Zhuansun Qiaochu* 1 0 8

ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ВВЕДЕНИЯ САНКЦИЙ ЗА ЗЛОНАМЕРЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Елена Довгань

Настоящая статья посвящена правовой оценке возможности применения санкций Советом Безопасности ООН и в одностороннем порядке государствами и региональными международными организациями в ответ на злонамеренные действия в информационном пространстве. Проанализированы основные случаи введения санкций в ответ на такую деятельность (атаки в отношении критической инфраструктуры; атаки, достигающие уровня вооруженного нападения; распространение враждебной либо злонамеренной информации; подрыв безопасности государства с использованием информационных технологий; совершение киберпреступлений) и дана их правовая оценка с точки зрения международного права.

Ключевые слова: доступ к правосудию; злонамеренные действия в информационном пространстве; информационная безопасность; киберпреступность; односторонние санкции; санкции.

«Legal Status of Sanctions Introduced in Response to Malicious Activity in Cyberarea» (Alena Douhan)

Current article focuses on the legal assessment and the possibility to use sanctions by the UN Security Council as well as states and regional organisations unilaterally in response to the malicious activity in cyberarea. The article identifies the main situations when sanctions were introduced with reference to malicious cyberactivity such as: attacks over critical infrastructure; attacks which can be qualified as an armed attack; dissemination of hostile propaganda or malicious information; cybercrimes; undermining state security through cybermeans, and presents legal qualification on the use of sanctions from the international law point view.

Keywords: access to justice; cybercrimes; cybersecurity; malicious activity in cyberarea; sanctions; unilateral sanctions.

Современные информационные технологии (далее — ИТ) существенным образом изменили мир. Все чаще деятельность с использованием ИТ, даже если она осуществляется физическими и юридическими лицами, признается в качестве угрозы международному миру и безопасности, безопасности государств и личности (резолюции Совета Безопасности ООН (далее — СБ ООН) 2419 (2018) [52], 2490 (2019) [53], 2462 (2019) [54].

В результате ряд государств и международных организаций, включая США, Европейский союз (далее — ЕС), Великобританию, Австралию, разработали национальное законодательство, позволяющее введение санкций без полномочий, полученных от СБ ООН, в отношении государств, физических и юридических лиц, в том числе граждан — резидентов третьих стран, за злонамеренную деятельность с использованием ИТ. При этом правовая оценка предпринимаемых мер обычно не осуществляется. Данная проблема также практически не исследована в международном праве,

несмотря на появление единичных работ в 2021—2022 гг. [1; 9]. В связи с вышеизложенным актуальность темы исследования не подлежит сомнению.

В настоящее время применение, а также виды, формы, цели и методы осуществления санкций существенно расширяются. Отдельные авторы понимают киберсанкции как «санкции, уполномочивающие внесение в списки иностранных граждан, юридических лиц и правительственные учреждения третьих стран за различные виды злонамеренной деятельности в информационном пространстве, включая кибератаки» [11], что, на наш взгляд, некорректно не только в свете ссылки на наличие права введения таких санкций, которое в международном праве отсутствует, но и в связи с тем, что традиционно виды санкций определяются исходя из вида принимаемых мер (экономические, финансовые) либо объекта, к которому они применяются (целевые, секторальные). Как будет отражено ниже, предпринимаемые государствами и междуна-

Автор:

Довгань Елена Фёдоровна — доктор юридических наук, профессор кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: alena.f.douhan@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Douhan Alena — Doctor of Law, Professor of the Department of International Law of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: alena.f.douhan@gmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

родными организациями меры со ссылкой на злонамеренную деятельность с использованием ИТ осуществляются различными методами, включая финансовые, целевые и пр. В связи с этим в настоящей статье термин «киберсанкции» не используется.

СБ ООН рассматривал вопрос о создаваемых деятельностью в сфере ИТ угрозах в ряде случаев. Так, Совет признал, что деятельность отдельных физических и юридических лиц в информационном пространстве может создавать угрозу международному миру и безопасности; определил риски использования ИТ в террористической деятельности; закрепил обязанность государств обеспечить безопасность своих граждан в первую очередь от террористической активности во всех формах, в том числе путем контроля информационных потоков, оборота криптовалют, предотвращения легализации преступных доходов и финансирования терроризма (резолюция 2462 (2019) [54, para. 19]), данных о пассажирах на авиасообщениях (резолюция 2482 (2019) [51, para. 15(c)]), расследования террористических преступлений; обратил внимание, что распространение информации может носить злонамеренный характер, возбуждать ненависть, вспышки экстремизма, радикализацию населения и создавать угрозу поддержанию международного мира и безопасности (резолюция 2490 (2019) [13; 53, para. 2]); создал Панель экспертов для оценки использования ИТ Северной Кореей (далее — КНДР) в качестве механизма обхода санкций (резолюция 1874 (2009) [48]). Единственный случай принятия санкций СБ ООН в отношении ряда и лиц и организаций, в том числе ответственных за подготовку атак с использованием ИТ, касается ситуации в Йемене: заморожены счета и активы, введены запрет на поездки (резолюция 2140 (2014) [55, para. 11–19]) и эмбарго на поставку вооружений лицам, в отношении которых введены санкции, или организациям под их контролем (резолюция 2216 (2015) [56, para. 14–19]). Соответствующие лица квалифицируются как вовлеченные в террористическую деятельность.

В отличие от СБ ООН, практика государств и региональных организаций по введению санкций со ссылкой на злонамеренную деятельность в информационном пространстве в последние пять лет активно расширяется.

Так, законодательство США предусмотрело введение санкций за действия с использованием ИТ путем атак на критическую инфраструктуру, вмешательства в избирательный процесс, нарушения функционирования компьютерных систем или операций, неправомерного использования финансовых средств и персональных данных и пр. (исполнительный приказ 13694 от 1 апреля 2015 г. (в ред. исполнительного приказа 13757 от 28 декабря 2016 г.) [7; 58]), существенных деструктивных вирусных атак,

предотвращения доступа к системам (Акт о снижении влияния России в Европе и Евразии [60, para. 224]), подрыва доверия к выборам в США, скрытой пропаганды и дезинформации, распространяемой с использованием ИТ (исполнительный приказ 13848 от 12 сентября 2018 г. [30]), предотвращения доступа, ухудшения качества, прерывания функционирования информационных технологий и систем, несанкционированного доступа, уничтожения, распространения данных, осуществления информационного влияния (Акт о противодействии противникам Америки посредством санкций [23, para. 224], исполнительный приказ 14024 от 15 апреля 2021 г. [8]). На основании указанных документов США введены санкции в отношении 303 физических и юридических лиц более чем из 10 государств [6], в том числе со ссылкой на незаконное вмешательство в выборы в отношении 2 государственных органов Российской Федерации, 46 граждан и 13 компаний Российской Федерации и Украины [67]; за совершение хищений имущества с использованием ИТ в отношении 5 граждан Нигерии [63]. Возможно также внесение в санкционные списки лиц, сотрудничающих с уже находящимися под санкциями лицами и организациями, например КНДР (так называемые вторичные санкции [40]). Санкции США вводятся путем замораживания счетов, запрета на въезд и размещения информации о лице в качестве преступника, террориста либо угрозы национальной безопасности США.

ЕС впервые принял законодательство, предусматривающее введение санкций за деятельность в информационном пространстве в 2019 г., оговорив возможность запретов на выдачи виз, разрешений на въезд и заморозку счетов включенных в списки лиц (регламент ЕС 2019/796 от 17 мая 2019 г. [22, р. 1]) в связи с тем, что их деятельность создает угрозу ЕС либо осуществлению внешней политики ЕС (пп. 5–6). В результате были введены санкции в отношении 8 лиц и 4 организаций из России, Китая и КНДР (имплементирующие регламенты Совета 2020/1125 от 30 июля 2020 г. [19, р. 4–9], 2020/1536 от 22 октября 2020 г. [20, р. 1–4]). Регламент ЕС 2022/350 от 1 марта 2022 г. также запретил вещание российских СМИ *Sputnik* и *RT* в ЕС, квалифицировав их как распространяющие дезинформацию, пропаганду, манипуляцию общественным мнением, подтасовку фактов (пп. 3, 5–7), представляющие «гибридную угрозу», угрозу безопасности и публичному порядку ЕС (пп. 3, 8) [18; 21].

Регламент о киберсанкциях Великобритании [61] во многом дублировал регламент ЕС и ввел санкции в отношении тех же лиц, которые уже находились под санкциями ЕС [9, р. 933]. В декабре 2021 г. Австралия внесла изменения в Акт об автономных санкциях, закрепив возможность их введения в ответ на «злонамеренную деятельность в киберпространстве» [5, para. 4].

Применение санкций и иных видов принудительных мер в ответ на злонамеренные действия с использованием ИТ вызывает ряд серьезных вопросов с точки зрения международного права. Определенные рамки устанавливаются СБ ООН в рамках борьбы с международным терроризмом. Так, СБ ООН прямо закрепляет обязанность государств принять широкий перечень необходимых мер для предотвращения использования ИТ в целях «распространения враждебной пропаганды, разжигания насилия, отмывания денег и финансирования терроризма, оправдания террористической деятельности и идеологии, вовлечения в террористическую деятельность, планирования и совершения террористических актов» (резолюции 2419 (2018) [52, preamble], 2462 (2019) [54, preamble, para. 19, 20]). Фактически СБ ООН оставляет разработку совокупности законодательных, административных и иных мер в указанных случаях на усмотрение каждого конкретного государства, указывая, однако, на их обязанность обеспечить соответствие предпринимаемых мер их обязательствам, вытекающим из международного права, международного гуманитарного права, права прав человека и права беженцев (резолюции 2501 (2019) [49, preamble], 2535 (2020) [50, para. 7], 2482 (2019) [51, preamble, para. 15(c)], 2462 (2019) [54, para. 6, 24]).

Вместе с тем введение государствами односторонних санкций в отношении государственных органов, должностных, физических и юридических лиц в рамках противодействия злонамеренной деятельности с использованием ИТ значительно выходит за рамки борьбы с терроризмом и вызывает ряд вопросов с точки зрения их правовой квалификации.

Так, возможность применения односторонних санкций государствами для реализации санкций СБ ООН, концепция подразумеваемой, молчаливой или общей санкции [7, p. 401; 28, p. 373; 33, p. 538; 34, p. 17–19; 36, p. 125; 39, p. 63–64] либо возможность применения принудительных мер за нарушение санкционного режима СБ ООН без предоставления им дополнительных полномочий неоднократно осуждались в международно-правовой доктрине [29, p. 13–15; 35, p. 282; 57, p. 654]. Уже с 1998 г. Генеральная Ассамблея ООН призвала государства «прекратить использование односторонних принудительных мер, которые не санкционированы соответствующими органами ООН» (резолюция 52/181 [66, para. 2]). Именно поэтому применение дополнительных мер государствами для обеспечения реализации санкций СБ ООН, применяемых в отношении КНДР, либо контртеррористических целевых санкций против лидеров оппозиционных хуситских групп в Йемене при отсутствии санкции СБ ООН неправомерно.

Устав ООН не закрепляет возможность применения односторонних принудительных мер без санкции СБ ООН. Вследствие этого, как и любые иные односторонние санкции, санкции в ответ на злонамеренную деятельность в информационном пространстве могут применяться лишь в тех случаях, если они не нарушают международных обязательств государств, включая обязательства в области прав человека, либо если их противоправность может быть исключена в порядке контрмер в соответствии с правом международной ответственности [см.: 25].

Следует учитывать, что право государства действовать в порядке контрмер не является неограниченным. В соответствии со статьей 49(1) Проекта статей об ответственности государств за международные противоправные деяния 2001 г. (далее — ПСОГ) «государство-жертва может принимать контрмеры против государства, ответственного за совершение международного противоправного деяния с тем, чтобы побудить его выполнять его международные обязательства» [26, p. 43–59; 62]. Согласно статье 48 ПСОГ контрмеры могут применяться иными, чем непосредственно затронутое государство, странами в случае нарушения обязательств *erga omnes*, например совершения актов агрессии, геноцида, военных преступлений. Таким образом, государства могут применять односторонние санкции в порядке контрмер к государству в ответ на нарушение им международных обязательств, непосредственно затрагивающих права применяющего меры государства, либо в случае совершения нарушения обязательств *erga omnes* при соблюдении ограничений статей 49–51 ПСОГ, а именно необходимость, пропорциональность допущенному нарушению, запрет нарушать императивные нормы международного права, применять силу, репрессалии по международному гуманитарному праву, нарушать основополагающие права человека [26, para. 6; 27, s. 66; 65, p. 136–137]. В доктрине справедливо подчеркивается, что санкции не могут носить характер наказания [32, p. 62], а должны применяться в соответствии с международно-правовыми стандартами.

Таким образом, в качестве контрмер могут быть квалифицированы только односторонние санкции, применяемые к государству за нарушение его международных обязательств для того, чтобы обеспечить их выполнение с должным учетом атрибутивности злонамеренной деятельности государства в информационной сфере (ПСОГ, стст. 4–11) [26, p. 40–52].

С учетом вышеизложенного возможность квалифицировать применение односторонних санкций в ответ на злонамеренную деятельность с использованием ИТ весьма сомнительна. Так, применение санкций к государственным органам и должностным лицам государства не соответствует принципу

суверенного равенства государств как императивной норме международного права, положениям об иммунитетах государств и их собственности, особенно, когда в результате введения санкций налагается арест на имущество всех компаний, находящихся под контролем соответствующего государственного органа.

Представляется невозможным согласиться с позицией некоторых авторов, в соответствии с которой иммунитеты государственной собственности распространяются лишь на механизмы судебного разбирательства согласно обычным нормам международного права, закрепленным в Конвенции о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности, и неприменимы в отношении принятия административных решений [11, р. 935]. Иммунитет государств и их собственности носит абсолютный характер, является производным от наличия государственного суверенитета и принципа суверенного равенства государств и служит для целей обеспечения функционирования государства. Поскольку административное решение предоставляет еще меньше гарантий по сравнению с судебным процессом, отказ в предоставлении иммунитета на основании такого решения является нарушением международного права. Более того, ни в одном из случаев введения санкций против государственных органов или должностных лиц третьих стран не приводились факты нарушения международных обязательств соответствующим государством.

Показательной также является формулировка документов о введении санкций в рассматриваемых ситуациях. Так, статья 1(6) регламента ЕС 2019/796 закрепляет возможность вводить санкции, «где это необходимо для достижения совместной внешней политики и политики безопасности» [22, р. 4], что не соответствует требованиям статьи 49 ПСОГ [26, р. 129–131]. Провозглашение же возможности введения санкций «в ответ на кибератаки, которые оказывают существенное воздействие на третьи страны и международные организации», если это представляется необходимым для достижения целей союза, не соответствует целям контрмер, субъекту, который уполномочен предпринимать действия в порядке контрмер (непосредственно затронутое государство либо любое государство в случае нарушения обязательств *erga omnes*), основанию применения контрмер (причинение значительного ущерба, а не нарушение международного обязательства, как предусмотрено ПСОГ) [26, р. 129–131].

В доктрине отмечается, что соответствующий регламент ЕС должен «обеспечить ЕС финансовыми рычагами для того, чтобы наказывать за кибератаки напрямую, более жестко и эффективно» [1, р. 317], введение санкций мешает развитию добрососедских от-

ношений между государствами. Однако вводящие санкции государства предпочитают использовать данный подход, поскольку привлечение к уголовной ответственности с соблюдением бремени доказательства и требований должного процесса в отношении кибератак на практике весьма сложно [1, р. 320].

Как отмечалось выше, США вводят односторонние санкции за действия в информационном пространстве, которые в отдельных случаях даже не могут быть квалифицированы в качестве преступных, а доказательства их атрибутивности конкретному государству отсутствуют. Примечательно также, что в подавляющем большинстве случаев санкции представляются в качестве мер, направленных против государств (например, Акт о снижении влияния России в Европе и Евразии, Акт о противодействии противникам Америки посредством санкций) [37, р. 5], несмотря на то, что они применяются к конкретным физическим и юридическим лицам. На практике это создает дополнительные репутационные риски для государств и влечет овер-комплаенс (применение ограничений государствами и частными субъектами, даже если они прямо не предусматриваются санкционными режимами).

В этой связи весьма актуальной остается проблема атрибутивности деяния государству, что согласно решению Международного суда ООН по делу о военной и квазивоенной деятельности против Никарагуа 1986 г. [12, р. 62–65] и решению Международного уголовного трибунала по делу Тадича [42] требует всеобъемлющего контроля. Тот же подход отражен в таллинском руководстве 2.0, где указано, что для атрибутивности деяний в информационном пространстве физическое либо юридическое лицо должно действовать под прямым руководством либо контролем государства [59, р. 94–96], что не позволяет рассматривать действия физических и юридических лиц, в отношении которых введены односторонние санкции, в качестве деяний государства. Как следствие, полагаем, что исключения согласно праву международной ответственности в данной ситуации неприменимы. Контрмеры не могут применяться и к физическим и юридическим лицам, обвиняемым в совершении киберпреступлений (таллинское руководство 2.0, правила 20–21) [59, р. 111–122].

Показательным в этой связи является введение США санкций в отношении шести граждан Нигерии за «хищение более чем 6 млн дол. США путем мошенничества с использованием информационных технологий» [62]. Изданный американским Управлением по контролю за иностранными активами (OFAC) пресс-релиз содержит информацию об инкриминируемых деяниях и их схемах, фотографии и личные данные лиц, их совершивших, что и служит основанием для введения в отношении них санкций [64].

Полагаем, однако, что сама возможность введения санкций в рамках борьбы с киберпреступностью является весьма спорной. СБ ООН требует от государств предпринимать действия по ее предотвращению и пресечению посредством традиционных механизмов международно-правового сотрудничества (заключение договоров, оказание правовой помощи, обмен опытом, реализация рекомендаций Межправительственной комиссии по финансовому мониторингу), равно как и путем привлечения ответственных в их совершении лиц к уголовной ответственности [24; 44].

При наличии финансового ущерба американским гражданам США обязаны были возбудить уголовное преследование в отношении подозреваемых лиц, провести расследование в соответствии с требованиями уголовного процесса, запросить о помощи полицию в целях сбора доказательств и привлечения виновных лиц к ответственности.

Полагаем также, что введение односторонних санкций со ссылкой на совершение преступлений против государства, граждан государства либо его юридических лиц с использованием ИТ путем принятия решений органами исполнительной, а не судебной власти существенным образом затрагивает право на должный процесс и доступ к правосудию. По данным, получаемым из конфиденциальных источников, решения принимаются на основании закрытых секретных данных и не разглашаются. В результате лицо теряет возможность защиты своих прав в суде, а при введении против него санкций его имущественные права, свобода передвижения, право на защиту личной жизни, репутацию, экономические, трудовые и социальные права нарушаются без возможности обеспечения их эффективной защиты посредством обращения к судебным механизмам [25, р. 98–112].

Введение односторонних санкций в отношении подозреваемых лиц на основании решения исполнительного органа власти (OFAC) вместо возбуждения уголовного дела недопустимо, поскольку имеет крайне низкие стандарты доказывания, лишает лиц права на доступ к справедливому судебному разбирательству, нарушает презумпцию невиновности.

Необходимо отдельно остановиться на обеспечении презумпции невиновности согласно статье 14(2) Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [31] (далее — МПГПП) при введении односторонних санкций со ссылкой на злонамеренную деятельность в информационном пространстве. Комитет по правам человека (далее — КПЧ) в пункте 30 замечания общего порядка № 32 закрепляет, что «вина не может презюмироваться, пока вина обвиняемого не доказана, с тем, чтобы дать ему возможность воспользоваться выгодами разумного сомнения», и требует от государств воздерживаться

от публичных заявлений о вине обвиняемого до вступления в законную силу решения суда [3]. Ни одно из указанных требований в случае введения санкций за совершение киберпреступлений не соблюдается.

Более того, даже возможность обжалования внесения в санкционные списки США весьма ограничена, длительна (до 5 лет), ресурсо- и финансово затратна. Договор о функционировании ЕС предусматривает возможность обжалования введения санкций в Суд ЕС (ст. 275 [13]), однако последний обычно фокусируется на оценке обеспечения минимальных процессуальных гарантий, избегая затрагивать вопрос о праве собственности как подлежащий ограничению при определенных условиях [9, р. 938], равно как и вопросы презумпции невиновности и репутационных рисков. До настоящего момента заявлений о пересмотре санкций, введенных со ссылкой на злонамеренность действий в информационном пространстве, не отмечалось.

Таким образом, введение односторонних санкций государствами со ссылкой на совершение лицами преступлений с использованием ИТ без возбуждения уголовного дела нарушает право на справедливое судебное разбирательство, презумпцию невиновности и пр.

Не менее сложным является вопрос о возможности введения запрета на вещание СМИ, в том числе в Интернет-пространстве. Полагаем, что в данном случае любые ограничения также могут вводиться только с соблюдением международно-правовых стандартов. Совет ООН по правам человека подчеркивает важность свободного, справедливого, сбалансированного доступа к информации (резолюция 33/3 от 29 сентября 2016 г. [41, para. 6j]) для обеспечения права на развитие. Возможные ограничения предусмотрены в ряде международных договоров, включая пункт 3 статьи 19, статью 20 МПГПП [31]. В частности, запрещаются:

- пропаганда войны;
- выступления в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющие собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию (ст. 20 МПГПП [31]);
- приказы не оставлять никого в живых (ст. 40 Дополнительного протокола I [43]);
- прямое и публичное побуждение к совершению актов геноцида (ст. 3 Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. [17]);
- распространение детской порнографии (ст. 9 Конвенции о киберпреступности [16]);
- распространение расистских и ксенофобских материалов посредством онлайн-средств, угрозы и оскорбления (стст. 3–5 Протокола к Конвенции о киберпреступности 2003 г. [2]);
- отрицание, чрезвычайная минимизация, одобрение или оправдание геноцида или преступлений против человечества (ст. 6 Протокола к Конвенции о киберпреступности 2003 г. [2]);

— призывы к свержению правительства, вовлечение в террористическую деятельность (пп. 24—29 доклада Специального докладчика по свободе выражения мнений [46]).

Согласно статье 19(3) МПГПП возможно также введение ограничений «для уважения прав и репутации других лиц, охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения». Аналогичный подход отражен в Уставе Международного телекоммуникационного союза (ст. 34) [15]. При этом любые ограничения могут вводиться исключительно на основании закона согласно замечанию общего порядка № 34 [4] при должном уважении свободы выражения мнений в качестве приоритета (пп. 24—30, 46 доклада Генеральной Ассамблеи ООН 66/290 [47]).

Специальный докладчик ООН по свободе выражения мнений неоднократно настаивал на том, что бремя доказывания обоснованности введения ограничений, включая соответствие международным договорам, обоснованность, необходимость и пропорциональность, лежит на государстве (пп. 32—35 резолюции Совета ООН по правам человека 29/32 [45]; пп. 41, 45 доклада 67/357 [46]). При этом ограничения должны толковаться максимально узко, для того чтобы избежать злоупотребления со стороны государства (п. 45 доклада 67/357 [46]).

Документы ЕС, уполномочивающие введение ограничений на вещание российских информационных источников *RT* и *Sputnik* в ЕС, содержат отсылку на нарушение безопасности и публичного порядка и приверженность свободе выражения мнения (п. 8 регламента 2022/350) и вводятся в законодательном порядке, что в целом соответствует требованиям статьи 19 МПГПП. Вместе с тем регламент не отображает ни одного из критериев, выработанных КПЧ в замечаниях общего порядка. Обоснование принятия регламента не было озвучено и каким-либо иным способом обосновано. Попытка канала *RT France* оспорить введение запрета на вещание и потребовать его снятия в качестве обеспечительных мер не была удовлетворена Судом общей компетенции ЕС в «связи с недоказанностью наличия гуманитарного и социального вреда», обязанность доказывания которого лежит на канале *RT France* [38]. Фактически в данном случае Суд переложил бремя доказывания необходимости введения ограничений на свободу вещания с ЕС на медиакомпанию, что противоречит приведенным выше резолюциям органов ООН, а также требованию пункта 35 замечаний общего порядка № 34 [4].

В доктрине также поднимаются вопросы о соответствии санкций, вводимых со ссылкой на злонамеренные действия в киберсфере, с точки зрения двусторонних договоров, норм международного торгового и инвестиционного права [9], что требует отдельного подробного исследования.

На основании вышеизложенного представляется возможным сделать следующие выводы.

Совершенствование ИТ значительным образом повлияло на развитие общественных отношений и любых форм взаимодействия между государствами. К сожалению, создание правовых норм, особенно в области международного права, существенно отстает, и зачастую государства действуют, либо игнорируя существующие правовые нормы, либо толкуя их излишне широко. Значительные проблемы возникают в свете все более активного принятия национальных правовых актов и применения односторонних санкций со ссылкой на злонамеренную деятельность в информационном пространстве.

Устав ООН не препятствует СБ ООН принимать принудительные меры с использованием либо без использования вооруженных сил в случае угрозы миру, нарушения мира или актов агрессии, в том числе, если такие действия совершаются с использованием ИТ. В настоящее время, однако, Совет рассматривает данную проблему в разрезе противодействия терроризму и применяет целевые санкции к вовлеченным лицам за террористическую деятельность независимо от использования ими ИТ в любых формах.

Имплементация решений СБ ООН должна осуществляться в соответствии с нормами международного права. Расширенное толкование санкций СБ ООН, одностороннее принятие принудительных мер государствами, в том числе для обеспечения выполнения таких санкций, нарушает положения Устава ООН и недопустимо. Применение односторонних санкций государствами для имплементации санкций СБ ООН возможно только в случае принятия последним дополнительной резолюции, непосредственно уполномочивающей на совершение таких действий.

При введении санкций в отношении государственных органов и должностных лиц в полном объеме должен соблюдаться принцип суверенного равенства, юрисдикционных иммунитетов государств и их собственности. Не допускается отступление от международно-правовых норм и стандартов в области прав человека со ссылкой на административный, а не судебный либо законодательный порядок принятия решений.

Уголовная ответственность за противоправную деятельность, осуществляемую с использованием ИТ, не должна подменяться применением государствами односторонних санкций. Применение целевых санкций в таких случаях нарушает экономические права, право на собственность, свободу передвижения, презумпцию невиновности, гарантии должного процесса и право на защиту репутации. Недоступность возможности обжалования, помимо репутационных рисков, влечет невозможность защиты нарушенных прав и доступа к правосудию.

Любые односторонние меры в отношении деятельности СМИ, социальных сетей и платформ могут иметь место только в том случае, если они не нарушают международных обязательств государств, в том числе в отношении свободы прессы, доступа к информации и выражения мнения. Любые ограничения могут вводиться исключительно в строгом соответствии со статьями 19—20 МПГПП, иными нормами международного права, вступившими в силу для государства для запрета пропаганды войны, геноцида, выступлений в пользу нацио-

нальной, расовой или религиозной ненависти, представляющих собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, предотвращению распространения детской порнографии, уважения прав и репутации других лиц, охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения и пр. при соблюдении критериев добросовестности, обоснованности, необходимости и пропорциональности. Бремя доказывания обоснованности соответствующих ограничений лежит на государстве.

Список использованных источников

1. Abusedra, A. Use of Cyber Means to Enforce Unilateral Coercive Measures in International Law / A. Abusedra, M. A. Bakar, I. Md. Toriqul // *Unilateral Sanctions in International Law* / ed. by S. P. Subedi. — Oxford: Hart, 2021. — P. 301—326. (<http://dx.doi.org/10.5040/9781509948413.ch-012>)
2. Additional Protocol to the Convention on Cybercrime, concerning the criminalisation of acts of a racist and xenophobic nature committed through computer systems: Strasbourg, 28 Jan. 2003 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <<https://rm.coe.int/168008160f>>. — Date of access: 20.04.2022.
3. Article 14: Right to equality before courts and tribunals and to a fair trial: general comment N 32: UN Doc. CCPR/C/GC/32 [Electronic resource] // UN Treaty Body Database. — Mode of access: <https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2fC%2fGC%2f32&Lang=en>. — Date of access: 24.04.2022.
4. Article 19: Freedom of opinion and expression: general comment N 34: UN Doc. CCPR/C/GC/34 [Electronic resource] // Office of the High Commissioner United Nations for Human Rights. — Mode of access: <<http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrc/docs/gc34.pdf>>. — Date of access: 24.04.2022.
5. Autonomous Sanctions Amendment (Magnitsky-style and Other Thematic Sanctions) Act 2021 [Electronic resource] // legislation.gov.uk. — Mode of access: <<https://www.legislation.gov.uk/Details/C2021A00128>>. — Date of access: 24.04.2022.
6. Bartlett, J. Sanctions by the Numbers: Spotlight on Cyber Sanctions / J. Bartlett, M. Ophel [Electronic resource] // Center for a New American Security. — 04.05.2021. — Mode of access: <<https://www.cnas.org/publications/reports/sanctions-by-the-numbers-cyber>>. — Date of access: 24.04.2022.
7. Blocking the Property of Certain Persons Engaging in Significant Malicious Cyber-Enabled Activities: Executive Order 13694 of 1 Apr. 2015 [Electronic resource] // Discover U.S. Government Information. — Mode of access: <<https://www.govinfo.gov/content/pkg/CFR-2016-title3-vol1/pdf/CFR-2016-title3-vol1-eo13694.pdf>>. — Date of access: 24.04.2022.
8. Blocking Property with Respect to Specified Harmful Foreign Activities of the Government of the Russian Federation: Executive Order 14024 of 15 Apr. 2021 [Electronic resource] // Federal Register. — Mode of access: <<https://www.federalregister.gov/documents/2021/04/19/2021-08098/blocking-property-with-respect-to-specified-harmful-foreign-activities-of-the-government-of-the>>. — Date of access: 24.04.2022.
9. Bogdanova, I. Unilateral Cyber Sanctions: Between Questioned Legality and Normative Value / I. Bogdanova, M. M. Callo-Müller // *Vanderbilt Journal of Transnational Law*. — 2021. — Vol. 54, N 4. — P. 911—954. (<https://doi.org/10.48350/161762>)
10. Byers, M. Terrorism, the Use of Force and International Law after 11 September 2001 / M. Byers // *International & Comparative Law Quarterly*. — 2002. — Vol. 51, N 2. — P. 401—414. (<https://doi.org/10.1093/iclq/51.2.401>)
11. Callo-Müller, M. V. Unilateral Cyber Sanctions and Global Cybersecurity Law-Making / M. V. Callo-Müller, I. Bogdanova [Electronic resource] // *OpinioJuris*. — 24.01.2022. — Mode of access: <<http://opiniojuris.org/2022/01/24/unilateral-cyber-sanctions-and-global-cybersecurity-law-making/>>. — Date of access: 24.04.2022.
12. Case concerning military and paramilitary activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States Of America): judgment of 27 June 1986 [Electronic resource] // International Court of Justice. — Mode of access: <<https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/70/070-19860627-JUD-01-00-EN.pdf>>. — Date of access: 16.12.2021.
13. Chainoglou, K. Psychological warfare / K. Chainoglou [Electronic resource] // *Oxford Public International Law*. — August 2016. — Mode of access: <<https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law/epil/9780199231690/law-9780199231690-e385>>. — Date of access: 13.02.2022.
14. Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union // *Official Journal of the European Union*. — 2012. — Vol. 55, C 326. — P. 47—390.
15. Constitution of the International Telecommunication Union: entered into force 1 July 1994 [Electronic resource] // International Telecommunication Union. — Mode of access: <<https://www.itu.int/en/council/Documents/basic-texts/Constitution-E.pdf>>. — Date of access: 24.04.2022.
16. Convention on Cybercrime: Budapest, 23 Nov. 2001 [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <<https://rm.coe.int/1680081561>>. — Date of access: 20.04.2022.
17. Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide [Electronic resource] // United Nations. — Mode of access: <https://www.un.org/en/genocideprevention/documents/atrocities-crimes/Doc.1_Convention%20on%20the%20Prevention%20and%20Punishment%20of%20the%20Crime%20of%20Genocide.pdf>. — Date of access: 24.04.2022.
18. Council Decision (CFSP) 2022/351 of 1 March 2022 amending Decision 2014/512/CFSP concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // *Official Journal of the European Union*. — 2022. — Vol. 65, L 65. — P. 5—7.
19. Council Implementing Regulation (EU) 2020/1125 of 30 July 2020 implementing Regulation 2019/796 concerning restrictive measures against cyber-attacks threatening the Union or its Member States // *Ibid.* — 2020. — Vol. 63, L246. — P. 4—9.
20. Council Implementing Regulation (EU) 2020/1536 of 22 October 2020 of implementing Regulation (EU) 2019/796 concerning restrictive measures against cyber-attacks threatening the Union or its Member States // *Ibid.* — Vol. 63, L351I. — P. 1—4.
21. Council Regulation (EU) 2022/350 of 1 March 2022, amending Regulation (EU) N 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // *Ibid.* — 2022. — Vol. 65, L 65. — P. 1—4.
22. Council Regulation 2019/796 of 17 May 2019 concerning restrictive measures against cyber-attacks threatening the Union or its Member States // *Ibid.* — 2020. — Vol. 62, L 129I. — P. 4—9.

23. Countering America's Adversaries Through Sanctions Act, 2 August 2017 [Electronic resource] // congress.gov. — Mode of access: <<https://www.congress.gov/115/plaws/publ44/PLAW-115publ44.htm>>. — Date of access: 24.04.2022.
24. Countering the Use of the Internet for Terrorist Purposes: decision N 7/06: Doc. MC.DEC/7/06, 5 Dec. 2006 [Electronic resource] // Organization for Security and Co-operation in Europe. — Mode of access: <<https://www.osce.org/files/f/documents/d/3/23078.pdf>>. — Date of access: 24.04.2022.
25. Douhan, A. F. Regional Mechanisms of Collective Security: The New Face of Chapter VIII of the UN Charter? / A. F. Douhan. — Paris: L. Harmattan, 2013. — 244 p.
26. Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with commentaries // Yearbook of the International Law Commission. — 2001. — Vol. II, Part Two [Electronic resource] // Office of Legal Affairs of the United Nations. — Mode of access: <https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_6_2001.pdf>. — Date of access: 24.04.2022.
27. Geyrhalter, D. Friedenssicherung durch Regionalorganisationen ohne Beschluß des Sicherheitsrates / D. Geyrhalter. — Cologne: LIT, 2001. — 239 s.
28. Gowlland-Debbas, V. The Limits of Unilateral Enforcement of Community Objectives in the Framework of UN Peace Maintenance / V. Gowlland-Debbas // European Journal of International Law. — 2000. — Vol. 11, N 2. — P. 361—383. (<https://doi.org/10.1093/ejil/11.2.361>)
29. Hofmann, R. International Law and the Use of Military Force against Iraq / R. Hofmann // German Yearbook of International Law. — 2002. — Vol. 45. — P. 9—34.
30. Imposing Certain Sanctions in the Event of Foreign Interference in a United States Election: Executive Order 13848 of 12 Sept. 2018 [Electronic resource] // Federal Register. — Mode of access: <<https://www.federalregister.gov/documents/2018/09/14/2018-20203/imposing-certain-sanctions-in-the-event-of-foreign-interference-in-a-united-states-election>>. — Date of access: 24.04.2022.
31. International Covenant on Civil and Political Rights [Electronic resource] // Refworld. — Mode of access: <<https://www.refworld.org/docid/3ae6b3aa0.html>>. — Date of access: 28.04.2022.
32. Kern, A. Economic sanctions: Law and Public Policy / A. Kern. — New York: Palgrave Macmillan, 2009. — 359 p.
33. Körbs, H. Die Friedensdichtung der Vereinten Nationen und Regionalorganisationen / H. Körbs. — Bochum: Brockmeyer, 1997. — 595 p.
34. Malanczuk, P. Humanitarian Intervention and the Legitimacy of the Use of Force / P. Malanczuk. — Amsterdam: Spinhuis, 1993. — 69 p.
35. McWhinney, E. International Law-based Responses to the September 11 International Terrorist Attacks / E. McWhinney // Chinese Journal of International Law. — 2002. — Vol. 1, N 1. — P. 280—286. (<https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.cjilaw.a000421>)
36. Müllerson, R. Jus ad Bellum and International Terrorism / R. Müllerson // International Law and the War on Terror / ed. F. L. Borch and P. S. Wilson. — Naval War College, 2003. — P. 75—127.
37. North Korea Sanctions Program: updated on 2 Nov. 2016 [Electronic resource] // U.S. Department of the Treasury. — Mode of access: <<https://home.treasury.gov/system/files/126/nkorea.pdf>>. — Date of access: 24.04.2022.
38. Opération militaire en Ukraine: le président du Tribunal rejette la demande de RT France visant à suspendre les sanctions adoptées par le Conseil Tribunal de l'Union européenne: communiqué de presse N 54/22, Luxembourg, le 30 mars 2022 [Electronic resource] // Court of Justice of the European Union. — Mode of access: <<https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2022-03/cp220054fr.pdf>>. — Date of access: 24.04.2022.
39. Orakhelashvili, A. The Impact of Peremptory Norms / A. Orakhelashvili // European Journal of International Law. — 2005. — Vol. 16, N 1. — P. 59—88. (<https://doi.org/10.1093/ejil/chi103>)
40. PRK Cyber Threat Advisory 'Guidance on the North Korean Cyber Threat', 15 Apr. 2020 [Electronic resource] // U.S. Department of the Treasury. — Mode of access: <https://home.treasury.gov/system/files/126/dprk_cyber_threat_advisory_20200415.pdf>. — Date of access: 24.04.2022.
41. Promotion of a democratic and equitable international order: UN Doc. A/HRC/RES/33/3 [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <<https://undocs.org/en/A/HRC/RES/33/3>>. — Date of access: 24.04.2022.
42. Prosecutor v. Tadic: appeal judgment of 27 Febr. 2001 [Electronic resource] // International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia since 1991. — Mode of access: <<https://www.icty.org/x/cases/tadic/acjug/en/vuj-aj010227e.pdf>>. — Date of access: 16.12.2021.
43. Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 Aug. 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I) [Electronic resource] // International Humanitarian Law Databases. — Mode of access: <<https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/api-1977>>. — Date of access: 24.04.2022.
44. Regional Workshop on Countering the Use of the Internet for Terrorist Purposes for Judges, Prosecutors and Investigators from South Eastern Europe, 16—17 Nov. 2016, Skopje: Doc. CIO.GAL/224/16, 8 Feb. 2017 [Electronic resource] // Organization for Security and Co-operation in Europe. — Mode of access: <<https://www.osce.org/files/f/documents/7/e/299091.pdf>>. — Date of access: 24.04.2022.
45. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, David Kaye: UN Doc. A/HRC/29/32 [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <<https://undocs.org/en/A/HRC/29/32>>. — Date of access: 24.04.2022.
46. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression: UN Doc. A/67/357 [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <<https://undocs.org/en/A/67/357>>. — Date of access: 24.04.2022.
47. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression: UN Doc. A/66/290 [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <<https://undocs.org/en/A/66/290>>. — Date of access: 24.04.2022.
48. Resolution 1874 (2009) adopted by the Security Council at its 7426th meeting, on 14 April 2015: UN Doc. S/RES/2216(2015) [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <[https://undocs.org/en/S/RES/2216\(2015\)](https://undocs.org/en/S/RES/2216(2015))>. — Date of access: 24.04.2022.
49. Resolution 2501 (2019) adopted by the Security Council at its 8686th meeting, on 16 December 2019: UN Doc.S/RES/2501(2019) [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <[https://undocs.org/en/S/RES/2501\(2019\)](https://undocs.org/en/S/RES/2501(2019))>. — Date of access: 24.04.2022.
50. Resolution 2535 (2020) adopted by the Security Council at its 8748th meeting, on 14 July 2020: UN Doc. S/RES/2535(2020) [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <[https://undocs.org/en/S/RES/2535\(2020\)](https://undocs.org/en/S/RES/2535(2020))>. — Date of access: 24.04.2022.
51. Resolution 2482 (2019) adopted by the Security Council at its 8582nd meeting, on 19 July 2019: UN Doc. S/RES/2482(2019) [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <[https://undocs.org/en/S/RES/2482\(2019\)](https://undocs.org/en/S/RES/2482(2019))>. — Date of access: 24.04.2022.

52. Resolution 2419 (2018) adopted by the Security Council at its 8277th meeting, on 6 June 2018, UN Doc. S/RES/2419 (2018) [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <[https://undocs.org/en/S/RES/2419\(2018\)](https://undocs.org/en/S/RES/2419(2018))>. — Date of access: 24.04.2022.
53. Resolution 2490 (2019) adopted by the Security Council at its 8624th meeting, on 20 September 2019: UN Doc. S/RES/2490(2019) [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <[https://undocs.org/en/S/RES/2490\(2019\)](https://undocs.org/en/S/RES/2490(2019))>. — Date of access: 24.04.2022.
54. Resolution 2462 (2019) adopted by the Security Council at its 8496th meeting, on 28 March 2019: UN Doc. S/RES/2462 (2019) [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <[https://undocs.org/en/S/RES/2462\(2019\)](https://undocs.org/en/S/RES/2462(2019))>. — Date of access: 24.04.2022.
55. Resolution 2140 (2014) Adopted by the Security Council at its 7119th meeting, on 26 February 2014: UN Doc. S/RES/2140(2014) [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <[https://undocs.org/en/S/RES/2140\(2014\)](https://undocs.org/en/S/RES/2140(2014))>. — Date of access: 24.04.2022.
56. Resolution 2216 (2015) adopted by the Security Council at its 7426th meeting, on 14 April 2015: UN Doc. S/RES/2216(2015) [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <[https://undocs.org/en/S/RES/2216\(2015\)](https://undocs.org/en/S/RES/2216(2015))>. — Date of access: 24.04.2022.
57. Schaller, Ch. Massenvernichtungswaffen und Präventivkrieg Möglichkeiten der Rechtvertiefungeiner Militörishcen Intervention im Irak aus Völkerrechtlicher Sicht / Ch. Schaller // Zeitschrift für Ausländisches Öffentliches Recht und Völkerrecht. — 2002. — Vol. 62, N 3. — P. 641—668.
58. Taking Additional Steps to Address the National Emergency with Respect to Significant Malicious Cyber-Enabled Activities: Executive Order 13757 of 28 Dec. 2016 [Electronic resource] // U.S. Department of the Treasury. — Mode of access: <https://home.treasury.gov/system/files/126/cyber2_eo.pdf>. — Date of access: 24.04.2022.
59. Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations / ed. M. N. Schmitt. — Cambridge: Cambridge University Press, 2017. — 598 p.
60. The Countering Russian Influence in Europe and Eurasia Act of 2017, as amended (CRIIEEA; P.L. 115-44, Title II, § 224; 22 U.S.C. 9524(d)) [Electronic resource] // Office of the Law Revision Counsel. United States Code. — Mode of access: <<https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title22/chapter102&edition=prelim>>. — Date of access: 24.04.2022.
61. The Cyber (Sanctions) (EU Exit) Regulations 2020/597 of 17 May 2020 [Electronic resource] // legislation.gov.uk. — Mode of access: <<https://www.legislation.gov.uk/ukxi/2020/597/made>>. — Date of access: 24.04.2022.
62. The Protection of Human Rights and the Principle of Non-Intervention in Internal Affairs of States: session in Santiago de Compostela — 1989 [Electronic resource] // Institut de Droit International. — Mode of access: <https://www.idi-ill.org/app/uploads/2017/06/1989_comp_03_en.pdf>. — Date of access: 24.04.2022.
63. Treasury Sanctions Nigerian Cyber Actors for Targeting U.S. Businesses and Individuals: Press Release, 16 June 2020 [Electronic resource] // U.S. Department of the Treasury. — Mode of access: <<https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm1034>>. — Date of access: 24.04.2022.
64. Treasury Sanctions Russian Cyber Actors for Virtual Currency Theft: Press Release, 16 Sept. 2020 [Electronic resource] // U.S. Department of the Treasury. — Mode of access: <<https://home.treasury.gov/news/press-releases/sm1123>>. — Date of access: 24.04.2022.
65. Tzanakopoulos, A. State Responsibility for Targeted Sanctions / A. Tzanakopoulos // American Journal of International Law. — 2019. — Vol. 113. — P. 135—139. (<https://doi.org/10.1017/aju.2019.22>)
66. Unilateral economic measures as a means of political and economic coercion against developing countries: UN Doc. A/RES/52/181 [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <<https://undocs.org/en/A/RES/52/181>>. — Date of access: 24.04.2022.
67. US sanctions on Russia: updated on 18 Jan. 2022 [Electronic resource] // Federation of American Scientists. — Mode of access: <<https://sgp.fas.org/crs/row/R45415.pdf>>. — Date of access: 24.04.2022.

Статья поступила в редакцию 6 мая 2022 г.

ОРИЕНТИР КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Елена Леанович

В статье показана специфика коллизионного регулирования в условиях современных вызовов глобализации. Раскрыты причины и следствие осложнения практики разрешения частных отношений с иностранным элементом и усиления роли публично-правовых предписаний в последние годы. Приведены выводы современной доктрины международного частного права в свете теорий глобального управления и открытых обществ. На основе расширенного методологического подхода с учетом нормативных, исторических, социокультурных и экономических детерминант выявлен и описан ориентир коллизионного регулирования. Дано сущностное определение коллизионного регулирования. Сформулированы дополнения в статью 1093 Гражданского кодекса Республики Беларусь, а также сделан вывод о возможном совершенствовании коллизионного регулирования в случае кодификации белорусского коллизионного права.

Ключевые слова: глобализация; глобальное управление; кодификация; коллизионное регулирование; международное частное право; пандемия; санкции; цифровизация; частноправовые отношения с иностранным элементом.

«A Landmark of the Conflict of Regulation Laws in Modern Conditions of Globalisation» (Elena Leanovich)

The article shows the particular conflict of regulation laws in the modern conditions and challenges of globalisation. The author reveals the causes and consequences of complicating the practice of resolving of private relations with a foreign element and the strengthening the role of public law prescriptions in the recent years. The article presents the theses on the modern doctrine of private international law in the light of the global governance theories and open societies. A landmark of conflict of regulation laws has been identified and described on the basis of an extended methodological approach, taking into account normative, historical, socio-cultural and economic determinants. A definition of conflict of regulation laws is given. Amendments of the Civil Code of the Republic of Belarus Article 1093, as well as the conclusion on the possible improvement of conflict of regulations in the case of codification of the Belarusian conflict laws are formulated.

Keywords: codification; conflict of laws regulation; digitalisation; global governance; globalisation; pandemic; private international law; private law relations with a foreign element; sanctions.

Коллизионное регулирование — сложная область юриспруденции. Сталкиваясь с необходимостью выбрать применимое право в делах с иностранным элементом, суд или иной компетентный орган, по сути, откладывает разрешение дела по существу. До применения материальных норм права значительное время может уйти на выяснение того, какие именно коллизионные нормы использовать, как понять коллизионную отсылку, установить содержание иностранного права и правильно применить его в рамках отечественной юрисдикции. Нормы коллизионного регулирования накапливаются по мере расширения предмета международного частного права. Нередко этот процесс носит спорадический характер. Массив нормативных предписаний может возрастать в силу уточнения коллизионной отсылки

в конкретных обстоятельствах, например в ответ на рассмотрение судом сложных дел из частноправовых отношений с иностранным элементом. Актуальной задачей исследования является выявление ориентиров коллизионного регулирования, которые содействуют адекватному и эффективному разрешению дел по данным отношениям, восполняют пробелы в действующих коллизионных нормах, а также направляют совершенствование законодательства о международном частном праве.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы выявить основополагающий ориентир коллизионного регулирования в рамках белорусской правовой системы на основе расширенного методологического подхода с учетом исторических, нормативных, социокультурных и экономических детерминант.

Автор:

Леанович Елена Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: 9042@rambler.ru
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Leanovich Elena — Candidate of Law, Associate Professor of the Department of International Law of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: 9042@rambler.ru
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

Проблема целостного, структурно-системного начала в процессе коллизионного регулирования довольно активно дискутируется в доктрине международного частного права. Однако сущностное определение коллизионного регулирования не раскрыто. При проведении исследования мы опирались на труды ученых, которые осветили различные стороны его проявления: В. А. Канашевского [6], М. В. Мещановой [11], А. И. Муранова [13], Т. П. Подшивалова [15], Ю. Базедова [23], А. Эренцвейга [25], Ф. Юнгера [26], М. Леманна [27] и др.

Практический интерес к рассматриваемой проблеме в Республике Беларусь обусловлен необходимостью упорядочивания нормативного материала и его переосмысления в ответ на вызовы текущего момента, в том числе и посредством кодификации. Совершенствование нормативных правовых актов, выступающих источниками коллизионного регулирования, происходит на фоне усиления роли и публично-правовых предписаний. Данная тенденция остро обозначилась в последние годы в связи с пандемией и санкциями. В частности, эти обстоятельства приводят к ограничению режимов пребывания и правового положения иностранцев, сдерживанию трансграничного коммерческого оборота. В результате классические вопросы международного частного права: в какой суд обратиться и какое право применить, уходят на второй план, а первое место занимает вопрос, что вынуждает суд отказаться от применения своего права в пользу иностранного. Указания на то, что частноправовые предписания имеют экстерриториальный характер, уже недостаточно. Для отказа в признании экстерриториальной силы за иностранными законами в арсенале суда есть широкий набор инструментов: оговорка о публичном порядке, императивные нормы и другие ограничительные механизмы международного частного права. Соответственно, коллизионная отсылка к иностранному праву может быть довольно просто устранена. В условиях, когда правовые системы государств оказываются не столь открыты к проникновению иностранных элементов, простой ссылки на экстерриториальность недостаточно. Конструкция коллизионной нормы и правила применения коллизионных норм должны полагаться на четкий ориентир, который преследует международное частное право. При этом речь идет о его выделении как для всей совокупности норм международного частного права, так и применительно к отдельно взятому коллизионному правилу, независимо от того, на какой вид отношений оно распространяется.

В литературе рассматриваемая проблематика не нова. Предписания публичной власти, которые обязательны и основаны на принуждении, в международном частном праве всегда составляли особый предмет рассмотрения. В частности, данная проблематика в истори-

ческой перспективе с раскрытием сущностной константы всесторонне раскрыта А. А. Шулаковым [21]. Однако в современных условиях она приобретает новое звучание. Во многом это обусловлено значительным расширением предмета международного частного права, когда коллизионному регулированию с опцией применения иностранного права подчиняются отношения со сложным переплетением публичного и частного права. Ярким примером сложно вписывающихся в международное частное право отношений являются трудовые контракты, аутсорсинг, трансграничные банкротства, отношения интеллектуальной собственности и др. Введение для отношений, в регулировании которых преобладают публично-правовые правила, новых норм с коллизионной привязкой оказывается недостаточным без предварительного налаживания взаимодействия между компетентными инстанциями разных государств с помощью материально-правовых норм. Без введения специальных материальных норм, которые, например, содержатся в национальных законах по образцу Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г. [14], Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности 1997 г. [19], коллизионные нормы не обеспечат экстерриториальное действие законов. Поскольку процесс разработки и принятия источников специального материально-правового регулирования для отношений с иностранным элементом занимает значительное время, а коллизионное регулирование не срабатывает, разрешение таких отношений заходит в тупик.

Нарастает тенденция трансформации обычного для международного частного права столкновения законов и юрисдикций в конфликт интересов органов, обеспечивающих соблюдение государственных интересов, заложенных в нормы публичного порядка, что не позволяет должным образом учесть международный характер отношений [24, р. 109]. Нередко дела, разрешаемые по правилам международного частного права, переходят в затяжную стадию, широко освещаются в доктрине и средствах массовой информации как примеры неразрешимых ситуаций транснационального измерения в условиях фрагментированного мира с различающимися правопорядками, как, например, показательные споры по вопросам корпоративной социальной ответственности, однополых браков, суррогатного материнства.

Международное частное право в аспекте концепции глобального управления, которая нацелена на осмысление и поиск путей разрешения противоречия между разделением мира на отдельные государства и общностью их интересов в аспекте глобальных вызовов и транснациональных проблем, требует существенного пересмотра его основного метода — коллизионного регулирования. Под

глобальным управлением понимают институциональные и нормативные связи, которые формируются благодаря действиям широкого круга акторов, включая государства и негосударственные субъекты. Несмотря на дискусионность и противоречивость терминологического аппарата, а также различия в подходах к сущностному раскрытию, общее состоит в том, что глобальное управление выражается в создании правил, предназначенных для глобального уровня, которые устанавливаются и действуют в особом глобальном режиме, в частности «без верховного авторитета в мире и без полномочий для управления этими проблемами» [17, с. 120]. При всем разнообразии концепций организации глобального регулирования, которые достаточно полно представлены О. Н. Барабановым [2], на наш взгляд, коллизионное регулирование как выбор между правом того или иного государства все же не исчерпало ни своего значения, ни своих возможностей. В этом плане на первый план выходит специфика международного характера отношения международного частного права, которое должно сохранить ее в рамках одной конкретной юрисдикции по месту рассмотрения спора или будучи подчиненным национальному праву.

Постулаты глобального управления применительно к практике международного частного права сформулированы довольно умозрительно и абстрактно. Даже если отношение, связанное с несколькими государствами, выводится из-под действия национально-правовых систем различными альтернативными инструментами (международный коммерческий арбитраж, *lex mercatoria*, *lex informatica* и т. д.), механизмы международного частного права в итоге все равно стремятся поместить его «под крышу» одного из них.

Безусловно, все больше появляется отношений, которые не просто приобретают какой-то иностранный элемент, а изначально складываются в трансграничном режиме. Так, М. Леманн на основе разбора отношений с иностранным элементом в ходе осуществления транснациональной экономической деятельности показывает неготовность международного частного права в его классических механизмах отвечать на современные глобальные вызовы [27, р. 7–10]. Выход видится в изменении отношения к международному частному праву как части национально-правовой системы государства и его большем соотношении с международным публичным правом, которое содержит регуляторы для определения и защиты общемировых ценностей (например, к ним отнесены безопасная окружающая среда, борьба с пандемией, противодействие киберпреступлениям и т. п.). Международное частное право, помимо более осторожного применения ограничительных механизмов оговорки о публичном порядке, императивных норм

и т. п., т. е. «публично-правового табу», автор предлагает совершенствовать путем разработки многосторонних коллизионных норм.

Однако на финальных стадиях разрешения частнопроводного отношения с иностранным элементом подобные рекомендации все равно не сработают. За исключением случаев, когда при разрешении споров используются приемы саморегулирования и добровольного подчинения сторон или цифровизация предоставляет специальные технические возможности (сеть Интернет, другие информационно-коммуникационные сети, виртуальные площадки, цифровые протоколы и пр.), для вынесения решения и его исполнения необходимо иметь дело с конкретным государственным органом. Не следует ожидать, а в целях предсказуемости и транспарентности процесса урегулирования частнопроводного отношения с иностранным элементом не стоит и полагаться на то, что государственные органы будут следовать абстрактным идеалам глобального управления. Наша гипотеза состоит в том, что ориентир коллизионного регулирования должен быть, во-первых, достаточно определенным, чтобы понимать, зачем осуществляется выбор применимого права и в чем смысл и предназначение коллизионной отсылки, во-вторых, получить нормативную регламентацию через введение в законодательство соответствующих положений.

Безусловно, коллизионное право будет дополняться все новыми правилами. Однако, если нет препятствия для постановки коллизионного вопроса (т. е. если не рассматривать отношения, по которым существуют полярные точки зрения о допустимости коллизионного регулирования, например в трудовых отношениях, банкротствах и т. п.), то пробелов коллизионного регулирования быть не должно. Так, если обратиться к Гражданскому кодексу Республики Беларусь (далее — ГК), то при отсутствии специальных коллизионных норм коллизионный вопрос может быть решен по критерию наиболее тесной связи. Внесение изменений и дополнений в статью 1093 ГК позволит не только сбалансировать факторы, которые учитываются для применения критерия наиболее тесной связи, но и обеспечить корректное применение ограничительных механизмов по положениям статей 1097–1100 ГК, толкование и применение коллизионных норм [4].

Вместе с тем нельзя не признать обоснованность теории глобального управления в том, что касается необходимости по-новому рассмотреть роль, значение и сущность коллизионного регулирования под влиянием процессов глобализации. Мы исходим из понимания международного частного права как части национально-правовой системы государства, которая в своем нормативном наполнении и функционировании неразрывно связана с международным правопорядком. В междуна-

родное частное право входят международно-правовые источники регулирования, что уже определяет точки пересечения международного частного и международного публичного права. На современном этапе глобализации формирование национально-правовой концепции международного частного права, принятие нормативных правовых актов в этой сфере и их применение для каждого государства перестает быть сугубо внутренним делом, зависит от положения дел на мировой арене и осуществляется с учетом фактора мирового правопорядка.

А. П. Мовчан охарактеризовал международный правопорядок как установленный и осуществляемый на основе принципов и норм действующего международного права порядок сотрудничества между всеми государствами, независимо от их политических, экономических, социальных систем и уровня развития [12, с. 16]. С позиций международного частного права следование международному правопорядку означает обеспечение стабильной основы международных экономических, социальных и культурных связей между физическими и юридическими лицами разных государств. Достижению данной задачи служит взаимное признание экстерриториальной силы иностранных законов, что является уже давно освоенной аксиомой международного частного права. Вместе с тем международный правопорядок — это динамично изменяющееся явление и важно определить характеристики современного этапа.

Наиболее близкой отраслью международного публичного права для международного частного права является международное экономическое право. В теории последнего отмечаются две основополагающие тенденции, оказывающие влияние на международный экономический правопорядок: либерализм и протекционизм. Г. М. Вельяминов отмечает, что на протяжении истории развития внешне-торговой деятельности и реализации внешне-экономической политики государств эти два концептуальных подхода противостоят друг другу, но и используются всеми государствами [3, с. 7]. В. М. Шумилов характеризует динамику развития международного экономического правопорядка сменяемостью либерализма и протекционизма. Он пишет, что они постоянно противоборствуют, сменяя друг друга [22, с. 9].

Мир проходит через определенные этапы усиления и ослабления политики открытости политических и экономических систем, и это сказывается на ориентировании правового регулирования частноправовых отношений с иностранным элементом. А. С. Смбатян, задавшись вопросом о современной стадии развития международного правопорядка, констатирует, что «пик “универсализации”», международ-

ного права, равно как и укрепления его институтов на глобальном уровне, к началу XXI в. пройден» [18, с. 57]. Налицо центробежные тенденции. Соответственно, сохраняя незыблемой задачу локализации частноправового отношения с иностранным элементом на основе взаимного признания экстерриториальной силы иностранных законов, международное частное право каждого государства концентрируется на своем определении ориентира коллизионного регулирования и средств его фиксации. Для этого будем исходить из сопоставления генезиса и закономерностей развития коллизионного регулирования в целом и его нормативной регламентации в Республике Беларусь.

Соотношение частного и публичного в коллизионном регулировании всегда вызывало проблемы доктринального и практического порядка. С одной стороны, в международном частном праве есть коллизионные нормы, регулирующие выбор применимого права (гл. 75 ГК), а с другой — имеются правила их применения, которые в значительной степени сосредоточены на ограничительных механизмах применения иностранного права (гл. 74 ГК) [4]. Взвешенный подход при применении норм этих двух блоков остается на усмотрение органа, рассматривающего отношение с иностранным элементом. В частности, перечислить нормы публичного порядка или императивные нормы, о которых идет речь в статьях 1099 и 1100 ГК [4], невозможно и даже опасно, учитывая как динамику развития законодательства и практики, так и вышеотмеченные обстоятельства сменяющихся тенденций мировой политической и экономической жизни. Парадокс международного частного права состоит в том, что элементы публично-правового порядка в коллизионном регулировании, которые могут привести к закрытости международного частного права, т. е. превалированию территориальности над экстерриториальностью, в значительной степени зависят от субъективных суждений судей, арбитров и доктринальных построений ученых. Поэтому так остро обозначилась необходимость выявления ориентира коллизионного регулирования как константы в сменяющихся парадигмах.

Накануне периода пандемии и санкций, когда мир столкнулся с многочисленными ситуациями отказа от налаженного порядка реализации частноправовых отношений с иностранным элементом, в литературе стал нарастать интерес к теме преодоления закрытости национально-правовых систем в аспекте международного частного права.

Известный специалист Ю. Базедов обратился к проблеме функционирования коллизионного права в свете социальных изменений, которые после Второй мировой войны охарактеризовались постепенным переходом

от закрытых обществ к открытым, что выразилось в снятии ограничений на пути перемещения лиц, услуг, товаров, капиталов и данных через границы, а также в предоставлении участникам частноправовых отношений с иностранным элементом большей свободы их осуществления (автономия воли). Автор указал на глобализацию как движущую силу на пути к открытому обществу, выстраивая логическую связь причинно-следственных факторов возрастающей прозрачности национальных границ для осуществления социальных и экономических связей и разнообразных последствий этого во всех сферах, в том числе и коллизионного регулирования [23, р. 28, 36]. Между тем, усугубление глобальных проблем может стать и противоположным вектором, проявляющимся в усилении публичного регулирования в международном частном праве, что мы и наблюдаем в последние годы.

Даже в рамках интеграционных объединений с изначально высокой степенью готовности стран-членов идти на сближение друг с другом и соответственно открывать национально-правовые системы ограничительные механизмы международного частного права на началах публичного права остаются и играют значительную роль. Обратимся к примеру Европейского союза (далее — ЕС), где действует развитая система нормативной регламентации международного частного права. Несмотря на уже довольно продолжительную историю реализации политики ЕС по международному частному праву, невозможно точно определить, что именно служит импульсом ее продвижения, кроме интересов функционирования единого рынка и его свобод, а для международного частного права в целом это довольно узко очерченный ориентир. Международное частное право ЕС и его стран-членов разграничивается, и в случае противоречия национальных и коммунитарных норм последние превалируют. Вместе с тем международное частное право стран — членов ЕС развивается, в его орбиту попадают новые вопросы, не исключены не просто противоречия в установленных предписаниях, правовые положения международного частного права могут быть более детальными и содержать регулирование, которого нет на коммунитарном уровне. Кроме того, национальное коллизионное регулирование может получить развитие за рамками политики ЕС по международному частному праву. Мероприятия ЕС в сфере международного частного права показывают, что унификация коллизионного права тесно сочетается с гармонизацией материального права со смещением акцентов на вопросы юрисдикционного плана [28, р. 16]. Соответственно, довольно затруднительно выявить в международном частном праве интеграционного объединения (на примере ЕС) целенаправленное развитие коллизионного права по соотношению и упо-

рядочиванию двух выделенных нами важнейших блоков вопросов (коллизионных норм и правил их применения).

Основой определения ориентира коллизионного регулирования, а не новаций приемов коллизионной отсылки, в чем источники международного частного права ЕС, безусловно, носят новаторский характер, для целей применения в Республике Беларусь является отечественное международное частное право. Примечательно, что в Евразийском экономическом союзе (далее — ЕАЭС) коллизионное регулирование не получило развитие. Встречающаяся в нормах права ЕАЭС отсылка к праву государств-членов носит материально-правовой характер и отражает, как, например, в пункте 4 статьи 97, пункте 2 статьи 98 Договора о ЕАЭС, цель выравнивания правового положения лиц (трудящихся-мигрантов) и укрепление их правового статуса в интеграционном пространстве [5].

Принципы международного частного права — наиболее приближенная к проблеме ориентира коллизионного регулирования область изучения в доктрине. Она широко освещена в научной литературе и излагается в учебных изданиях, поскольку освоение знаний по правилам и механизмам коллизионного регулирования невозможно без представления об общих началах и логике правопонимания в данной области юриспруденции (в значении и совокупности правовых знаний и практической деятельности юристов). Из широкого перечня принципов международного частного права у разных авторов выделим те, которые наиболее ярко отражают специфику данной области права. Так, Г. К. Дмитриева указывает на принцип защиты отечественного правопорядка (правопорядка государства суда) и принцип наиболее тесной связи [10, с. 31—35]. М. В. Мещанова выделяет их в качестве двух универсальных принципов коллизионного регулирования [11, с. 7].

На наш взгляд, эти два основополагающих начала позволяют очертить направление и границы пути продвижения к ориентиру коллизионного регулирования. Выбор компетентного правопорядка и его применение осуществляются для того, чтобы локализовать частноправовое отношение с иностранным элементом в правовой системе, с которой он наиболее тесно связан. Привязка коллизионной нормы может быть сформулирована жестко или гибко. В последнем случае привязка формулируется по открытому типу, указывая на совокупность обстоятельств, принимаемых во внимание, т. е. тесную связь отношения в целом, а не по одному критерию (место нахождения вещи, лица и т. д.). Однако в обоих вариантах формулирование коллизионной привязки нацелено на установление наилучшей, наиболее характерной, а значит наиболее тесной связи отношения с конкретным правопорядком. Таким

образом, в центре внимания находится не сама по себе конструкция коллизионной нормы, а отношение, которое имеет международный характер и связано с несколькими правовыми системами. Для его адекватной правовой регламентации необходимо поставить и решить коллизионный вопрос. Национальное отношение в этом не нуждается, а международное отношение получает особый подход и поддержку. Эта особая привилегия создана международным частным правом.

Международное частное право появилось именно в результате осознания того, что международное отношение должно получить поддержку со стороны органа, который его рассматривает. В историческом контексте коллизионное регулирование стало прогрессивным шагом на пути упрочения статуса иностранцев в международных экономических и социальных отношениях. В отличие от режима иммунитетов и привилегий, который устанавливается для иностранцев по материальным нормам права и имеет более давнюю историю существования, коллизионное регулирование позволяет более гибко вписать международное отношение в национально-правовую систему и легитимизировать его для нескольких юрисдикций. Человечество прибегало и к другим способам решения проблемы соотношения права разных стран для поддержки иностранцев за пределами их государств. Например, капитуляции в Османской империи, по которым торговцам и некоторым другим лицам из христианских стран (Франции, Англии, Нидерландов и др.) предоставлялись отступления от ряда местных требований, а также разрешалось полагаться на свои законы, в частности признавалось экстерриториальное действие иностранных законов по некоторым вопросам на определенной территории, непосредственно касались статуса частных лиц (торговцев, купцов) и были нацелены на поддержку отношений с иностранным элементом. Система капитуляций оформляла внешнеполитическое взаимодействие и экономическое сотрудничество между Османской империей и западными странами путем иммунитетов таким лицам, т. е. за счет вывода иностранцев из-под действия местных законов и разрешения пользоваться иностранными законами, в том числе и по ставшим затем традиционным коллизионным привязкам, к которым, в частности, относится «флаг судна» [16, с. 207]. Вероятно, по этой причине капитуляции в итоге стали использоваться для осуществления значительных экономических и политических злоупотреблений со стороны европейских государств и оказали негативное влияние на экономическую и политическую независимость Османской империи [16, с. 213].

Ориентиром коллизионного регулирования является поддержка отношения, связанного с несколькими правовыми порядками по одно-

му или нескольким иностранным элементам. Обращение к истории международного частного права и теориям его обоснования свидетельствует, что в основе рассуждений в русле коллизионного регулирования всегда лежит фактор добавления лояльности к отношению при наличии в нем иностранного элемента и это шире, чем просто иностранная национальность участников. Любая отсылка к иностранному праву заставляет суд задуматься о его применении, но не на спорадической основе. А. Эренцвейг считает, что коллизионный конфликт разрешается не просто потому, что суд может посчитать иностранное правило более пригодным для отправления правосудия, чем правило суда, а потому, что есть определенные требования признания такого приоритета [25, р. 253]. Таким образом, особый режим разрешения коллизии иностранного и отечественного правопорядка — неперемное условие должного порядка действий при наличии международного характера отношения и осуществляется по особым правилам на устойчивой и постоянной основе.

При всех различиях теорий, обосновывающих методы разрешения коллизий, все они обращаются к проблеме выбора иностранного права не для облегчения деятельности суда (иначе он мог бы просто применить отечественное право), а явно в каких-то других целях. Ф. Юнгер суммирует, что за всю историю международного частного права изобретены три основных приема разрешения коллизий: установление пространственных границ местных правовых норм по определенным вопросам (т. е. в итоге для определенных отношений), локализация правоотношения и поиск решения на основе анализа существа правоотношения [26, р. 120]. Таким образом, в центре внимания находится отношение с иностранным элементом. Даже представители теории местного права, в частности У. Кук, В. Тетли, которые довольно скептически настроены против возможности применения иностранного права и исходят из того, что национальный суд применяет только свое собственное право, признают отсылку к иностранному праву по соображениям социальной целесообразности [см.: 9].

В нормативном плане нацеленность прежде всего на отношение, его оценку и поддержку в контексте коллизионного регулирования подтверждается положениями ГК. В пункте 2 статьи 1100 данного Кодекса закреплена возможность применить императивные нормы, имеющие тесную связь с рассматриваемым отношением. Таким образом, суд или другой орган должен обратить внимание на то, что отношение возникло, сложилось, развивалось в условиях императивов другой правовой системы. В ГК имеется ряд норм, которые отсылают к белорусскому праву для сохранения отношения: сделка, совершенная за границей,

не может быть признана недействительной вследствие несоблюдения формы, если соблюдены требования права Республики Беларусь (п. 1 ст. 1116); доверенность не может быть признана недействительной вследствие несоблюдения формы, если последняя удовлетворяет требованиям права Республики Беларусь (ст. 1117). Требования, на которые исковая давность не распространяется, определяются по праву Республики Беларусь, если хотя бы один из участников соответствующего отношения является гражданином Республики Беларусь или юридическим лицом Республики Беларусь (п. 2 ст. 1118 ГК) [4].

Коллизионное регулирование в ГК отражает также лояльную позицию к проблеме права сторон отношения с иностранным элементом формировать его в условиях множественности правовых систем и связи с несколькими государствами. Ярким выражением такого подхода является закрепление права на автономию воли в общих положениях раздела VII ГК (п. 2 ст. 1093). При этом важно признание того, что автономия воли может следовать и из обстоятельств дела, рассматриваемых в их совокупности. Это опять-таки указывает на необходимость принимать во внимание специфику отношения и обстоятельства (условия, ситуацию), в которых оно сложилось, а не только условия договора. При этом намерение сторон локализовать отношение может распространиться не на одну правовую систему, поскольку пункт 4 статьи 1124 ГК допускает, что стороны договора могут избрать подлежащее применению право как для договора в целом, так и для отдельных его частей.

Признание за участниками отношения с иностранным элементом права оказывать влияние на его коллизионное регулирование и судьбу разрешения вопроса о применимом праве подтверждено в Республике Беларусь и за рамками договорных отношений. Например, это следует из правил пункта статьи 1123 (защита права собственности и иных вещных прав), статьи 1130 (возмещение ущерба потребителю), статьи 1133 (выбор наследодателем права гражданства в завещании) ГК.

Несмотря на назревающую задачу совершенствования и кодификации коллизионного права в Республике Беларусь в соответствии с новыми вызовами (в частности, глобализацией и цифровизацией), правила коллизионного регулирования в ГК изложены комплексно, структурно и отражают заложенные в них логические системообразующие конструкты.

Какие бы новые виды отношений за рамками сферы применения Гражданского кодекса Республики Беларусь ни присоединялись к предмету международного частного права, например за счет включения коллизионных норм в нормативные правовые акты (Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [7], Трудовой кодекс [20], Банковский кодекс [1]) либо в ре-

зультате постановки коллизионного вопроса при возникновении частноправовых вопросов в отношениях, разрешаемых в основном на основе строгих публично-правовых предписаний и/или в процессе взаимодействия компетентных органов нескольких государств (суррогатное материнство, трансграничное банкротство, ущерб экологии нескольких стран, ответственность транснациональных компаний), ориентир, который выводится из положений ГК все равно должен быть принят во внимание. Такое утверждение исходит из отражения данным нормативным правовым актом сущности коллизионного регулирования.

Ориентир коллизионного регулирования, на наш взгляд, состоит в признании имманентной (неотъемлемой) связи отношения с несколькими правопорядками, его защите в проявлениях международного характера и поддержке легитимности в отечественной правовой системе. Суд или другой орган, рассматривающий частноправовое отношение с иностранным элементом, всегда должен поставить и решить коллизионный вопрос. Об этом свидетельствует формулировка пункта 1 статьи 1093 ГК, которая сводится к тому, что если в отношении есть иностранный элемент, то необходимо определить применимое право. Опция непостановки коллизионного вопроса не предусмотрена. Более того, если возникнут сложности с решением этого вопроса, то следует воспользоваться вспомогательными средствами (п. 3 ст. 1093 ГК) [4]. Может ли суд посчитать, что проявление иностранного элемента в рассматриваемом отношении незначительно и, значит, это отношение является национальным и коллизионный вопрос ставить не нужно? Мы полагаем, что не может. Однако вопрос о степени интенсивности связи отношения с той или иной правовой системой, в том числе и с отечественным правом, может быть поставлен. В частности, это может иметь большое значение для адекватного применения ограничительных механизмов международного частного права (оговорка о публичном порядке, императивные нормы и т. п.). Таким образом, в действующих формулировках коллизионного права белорусский суд и другой компетентный орган при наличии любой степени выраженности иностранного элемента опустить коллизионный вопрос не может и не учитывать международный характер отношения также не имеет оснований.

Примечательно, что в литературе коллизионное регулирование описывается через определение самой коллизии, которую решают коллизионные нормы посредством совокупности приемов, способов и средств юридического характера, т. е. речь идет о механизме коллизионной отсылки, а не о сущности самого метода правового регулирования [10, с. 15–20]. Мы предлагаем сущностное определение коллизионного регулирования. Это упорядочение

поведения участников частноправового отношения с иностранным элементом путем определения компетентного правопорядка и установления правил и границ его применения на основе признания связи отношения с несколькими государствами в целях поддержки и защиты международного характера отношения.

Социально-экономическое значение коллизионного регулирования в таком понимании выражается в сохранении правовых связей между участниками международного гражданского оборота. Поддержка выражается в том, что отношение, возникшее по законам одного государства, продолжает развиваться в условиях правовой системы другого государства. Даже если сами по себе отношения не могут быть признаны действительными, защита международного характера отношений выражается в том, что последствия таких отношений все равно могут быть признаны при условии непротиворечия основам правовой системы государства суда. Такой подход уже приобрел достаточно устойчивый характер при интерпретации последствий однополых и полигамных браков по алиментам, наследственным, жилищным и иным отношениям. В. А. Канашевский справедливо уточняет, что универсальной формулы признания или непризнания правовых последствий однополых браков, союзов или партнерств не существует, в каждом случае индивидуально оцениваются отношения международного характера, тем не менее, особых препятствий нет [6, с. 61].

Соответственно, выведенный нами ориентир не находится в противоречии с принципом защиты интересов государства суда. Наоборот, он содействует его достижению на объективной, взвешенной основе, будучи довольно полно раскрытым в положениях главы 74 ГК. В частности, обратимся к конструкции обхода закона в международном частном праве (ст. 1097 ГК), которая является одной из основ для реализации принципа защиты интересов и правопорядка государства суда и явно недооценена в некоторых исследованиях по коллизионному праву. Так, А. И. Муранов назвал обход закона «детской болезнью» коллизионного регулирования [13, с. 16]. Обход закона в международном частном праве не аналогичен другим ограничительным механизмам международного частного права и не может быть заменен ими (в частности, оговоркой о публичном порядке и императивными нормами), поскольку имеет существенные отличия и выполняет совершенно иные задачи (подробнее см.: [8]). Т. П. Подшивалов обоснованно утверждает, что критика обхода закона в профессиональном, а не в обывательском понимании верна только в части некорректных формулировок норм коллизионного регулирования. Сама же теория обхода закона направлена на то, чтобы суд, к которому попало дело об отношении с иностранным элементом, имел доста-

точный инструментарий для противодействия нарушениям интересов лиц, затронутых лавированием между юрисдикциями [15, с. 148]. Устранение злоупотребления возможностями, которые дает коллизионное регулирование, по механизму обхода закона опять же заставляет обратиться непосредственно к самому отношению и оценить его во всей совокупности элементов и жизни в международной, мультиюрисдикционной среде. Для того чтобы применить рассматриваемый механизм, необходимо выявить не столько нормы, которые обходятся, сколько дестинаторов и бенефициариев таких норм, и показать, какой именно ущерб им причиняется посредством злонамеренных действий. Иначе суд или другой орган выйдет за рамки своей компетенции и необоснованно вмешается в дозволенный вариант поведения участников отношений с иностранным элементом по другим нормам коллизионного регулирования (например, по ст. 1124 ГК). Даже если эти условия применения обхода закона детально не прописаны в формулировках нормативного правового акта, выявленный нами ориентир логически на это указывает.

Целесообразно нормативно закрепить ориентир коллизионного регулирования. В условиях действующего законодательства о международном частном праве предлагается дополнить статью 1093 ГК новым пунктом следующего содержания: «При применении правил настоящего раздела необходимо принимать во внимание связь рассматриваемого отношения с несколькими государствами, а также содействовать сохранению в силе данного отношения и его последствий в той степени, в которой это не противоречит правилам настоящего раздела и законодательным актам Республики Беларусь», а также изменить название статьи 1093 на «Определение права и его применение для гражданско-правовых отношений, осложненных иностранным элементом».

Учитывая дискуссию о возможной кодификации законодательства о международном частном праве Республики Беларусь, поясним, что в новый кодифицированный нормативный правовой акт могли бы войти статьи, более подробно регламентирующие деятельность суда и других органов, наделенных полномочиями решать коллизионный вопрос. Так, в данном акте стоит выделить в отдельные статьи вопросы выбора применимого права, правила его применения и решения юрисдикционных вопросов, например о взаимодействии с иностранными компетентными инстанциями, признании их актов и т. п., в зависимости от широты предмета регулирования нового кодекса или закона о международном частном праве.

Выявленный ориентир имеет практическое значение также для более адекватного и эффективного применения действующих и конструирования новых коллизионных норм

в части привязок. В частности, привязка с недостаточно четкой отсылкой (например, право страны, где испрашивается защита прав интеллектуальной собственности в ст. 1132 ГК) уже не сможет завести отношение в тупик между правилами подсудности и определения применимого права. Принятие во внимание международного характера отношения и содействие

сохранению в силе, по крайней мере, его последствий поможет преодолеть явную несправедливость, возникающую из столкновения законов разных государств, когда отношения, например нарушение прав интеллектуальной собственности за границей, остаются условно «невидимыми» из-за завесы, создаваемой коллизионной нормой.

Список использованных источников

1. Банковский кодекс Республики Беларусь от 25 окт. 2000 г. № 441-3: принят Палатой представителей 3 окт. 2000 г.: одобр. Советом Респ. 12 окт. 2000 г.: текст по сост. на 1 авг. 2022 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.
2. Барабанов, О. Н. Проблемы глобального управления: выбор аналитической парадигмы / О. Н. Барабанов // Вестн. междунар. организаций: образование, наука, новая экономика. — 2009. — Т. 4, № 2. — С. 5–12.
3. Вельяминов, Г. М. Международное экономическое право и процесс: учеб. / Г. М. Вельяминов. — М.: Волтерс Клувер, 2004. — 496 с.
4. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 дек. 1998 г. № 218-3: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: текст по сост. на 1 авг. 2022 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.
5. Договор о Евразийском экономическом союзе: [подписан в г. Астане 29 мая 2018 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
6. Канашевский, В. А. Вопросы публичного порядка и квалификации при регулировании семейных отношений, осложненных иностранным элементом / В. А. Канашевский // Журн. рос. права. — 2018. — №5 (257). — С. 56–62. (https://doi.org/10.12737/art_2018_5_6)
7. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. № 278-3: принят Палатой представителей 3 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: текст по сост. на 1 авг. 2022 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.
8. Леанович, Е. Б. Обход закона в международном частном праве и злоупотребление правом (шикана) в гражданском праве / Е. Б. Леанович [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2022.
9. Лобода, А. И. Современные теории международного частного права в свете подходов традиций континентального и общего права / А. И. Лобода [Электронный ресурс] // МГИМО-Университет. — Режим доступа: <<https://mgimo.ru/upload/docs/Slide-5.pdf>>. — Дата доступа: 21.06.2022.
10. Международное частное право: учеб. / Г. К. Дмитриева [и др.]; отв. ред. Г. К. Дмитриева. — Изд. 3-е, перераб. и доп. — М.: Проспект, 2015. — 656 с.
11. Мещанова, М. В. Система международного частного права Республики Беларусь: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / М. В. Мещанова; Белорус. гос. ун-т. — Минск, 2022. — 51 с.
12. Мовчан, А. П. Международный правопорядок / А. П. Мовчан. — М.: Ин-т государства и права РАН, 1996. — 101 с.
13. Муранов, А. И. Проблема «обхода закона» в материальном и коллизионном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А. И. Муранов; Москов. гос. ин-т междунар. отношений (университет) МИД Рос. Федерации. — М., 1999. — 28 с.
14. Парижская конвенция по охране промышленной собственности [Электронный ресурс] // Всемирная организация интеллектуальной собственности. — Режим доступа: <<https://www.wipo.int/treaties/ru/ip/paris/>>. — Дата доступа: 20.05.2022.
15. Подшивалов, Т. П. Обход закона в международном частном праве / Т. П. Подшивалов // Журн. рос. права. — 2016. — № 8 (236). — С. 145–153. (<https://doi.org/10.12737/20911>)
16. Синицын, С. В. Роль «капитуляции» во внешней политике Османской империи XVI—XVIII вв. / С. В. Синицын // Метаморфозы истории: науч. альманах. № 10. — Псков: Псков. гос. ун-т, 2017. — С. 206–217.
17. Смакотина, Н. Л. Глобальное управление или глобальное регулирование? / Н. Л. Смакотина, М. А. Егоренкова // Социально-гуманитарные знания. — 2021. — № 4. — С. 118–130.
18. Смбалян, А. С. Эволюция международного правопорядка: универсализация или фрагментация? / А. С. Смбалян // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 11: Право. — 2013. — № 6. — С. 48–58.
19. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности [Электронный ресурс] // Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. — Режим доступа: <<https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/1997-model-law-insol-2013-guide-enactment-r.pdf>>. — Дата доступа: 20.05.2022.
20. Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-3: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: текст по сост. на 1 авг. 2022 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.
21. Шулаков, А. А. Публичный порядок в международном частном праве — правило или исключение? / А. А. Шулаков // Вестн. Ун-та имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 3 (79). — С. 149–159. (<https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.79.3.149-159>)
22. Шумилов, В. М. Международное публичное экономическое право: учеб. пособие / В. М. Шумилов. — М.: НИМП, 2001. — 288 с.
23. Basedow, J. The Law of Open Societies: Private Ordering and Public Regulation in the Conflict of Laws / J. Basedow. — Leiden: Brill Nijhoff, 2015. — 662 p.
24. Carballo, L. The Role of Private International Law in Contemporary Society: Global Governance as a Challenge / L. Carballo, X. Kramer // Erasmus Law Review. — 2014. — N 3. — P. 109–112. (<https://doi.org/10.5553/ELR.000033>)
25. Ehrenzweig, A. Choice of Law: Current Doctrine and True Rules / A. Ehrenzweig // California Law Review. — 1961. — Vol. 49, N 2. — P. 240–253. (<https://doi.org/10.2307/3478572>)
26. Juenger, F. American and European Conflicts Law / F. Juenger // The American Journal of Comparative Law. — 1982. — Vol. 30, N 1. — P. 117–133. (<https://doi.org/10.2307/839871>)
27. Lehmann, M. Regulation, global governance and private international law: squaring the triangle / M. Lehmann // Journal of Private International Law. — 2020. — Vol. 16, N 1. — P. 1–30. (<https://doi.org/10.1080/17441048.2020.1744255>)
28. Van Calster, G. European Private International Law. 2nd ed. / G. van Calster. — Oxford, UK; Portland, Oregon: Hart Publishing, 2016. — 576 p.

Статья поступила в редакцию 17 августа 2022 г.

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГЛОБАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА В ЗАРУБЕЖНОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Анастасия Игнатович

Статья посвящена проблеме обеспечения прав человека в условиях глобального изменения климата с учетом прав будущих поколений. В результате исследования сделан вывод о том, что основная роль в формировании соответствующей практики принадлежит национальным судам, что отчасти связано с возможностью инициирования разбирательства в порядке *actio popularis* для защиты интересов последующих поколений. В связи с отсутствием такой возможности применительно к ряду международных судебных и контрольных органов по правам человека последним рекомендуется рассмотреть вопрос о необходимости расширения *locus standi* посредством подачи *actio popularis* лицами, заинтересованными в активизации мер по реагированию на изменение климата в пользу будущих поколений человечества.

Ключевые слова: будущие поколения; изменение климата; климатическая справедливость; меры по реагированию на изменение климата; права человека.

«Intergenerational Justice in the Context of Human Rights and Global Climate Change in the Foreign Judicial Practice» (Anastasiya Ihnatovich)

The article is devoted to the problem of ensuring human rights in the context of global climate change, taking into account the rights of future generations, based on the analysis of the foreign judicial practice. The study concluded that the main role in the formation of such practice belongs to the national courts, which is partly due to the possibility of initiating proceedings through *actio popularis* to protect the interests of future generations. In the absence of such possibility with regard to the number of international human rights courts and monitoring bodies, the latter are encouraged to consider the need to expand *locus standi* through *actio popularis* by persons interested in enhancing response to climate change for the benefit of future generations.

Keywords: climate change; climate change response; climate justice; future generations; human rights.

В условиях современного климатического вызова являются актуальными вопросы реализации межпоколенческой климатической справедливости, рассматриваемые в рамках подхода, основанного на правах человека. Это обосновывается тем, что происходящие в настоящее время природно-климатические катаклизмы создают угрозу для полноценного осуществления прав как нынешнего, так и будущих поколений человечества. Согласно резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 26 июля 2022 г. (A/RES/76/300) «изменение климата, утрата биоразнообразия, опустынивание и неустойчивое развитие относятся к числу наиболее острых и серьезных угроз для возможности нынешнего и будущих поколений эффективно пользоваться всеми правами человека» [10, преамбула].

Данные вопросы получили достаточно широкое освещение в зарубежной доктрине международного права [см., напр.: 13, р. 136—137;

20, р. 101; 21, р. 43; 22, р. 34—36]. Отечественные исследования по данной проблематике малочисленны и посвящены рассмотрению более общих вопросов осуществления экологических прав человека (например, исследования С. А. Балашенко, Е. В. Лаевской [1; 5], Е. Ф. Довгань [2], Т. И. Макаровой [6]). Среди международных правовых документов релевантными являются Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [11], Рамочная конвенция ООН об изменении климата (далее — Рамочная конвенция) [12] и Парижское соглашение в рамках Рамочной конвенции [8]. В последнем из упомянутых документов особо подчеркивается, что «Сторонам следует при осуществлении действий в целях решения проблем, связанных с изменением климата, уважать, поощрять и принимать во внимание... межпоколенческую справедливость» [8, преамбула].

Автор:

Игнатович Анастасия Игоревна — аспирант кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: nastya.ihnatovich@list.ru
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Ihnatovich Anastasiya — post-graduate student of the Department of International Law of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: nastya.ihnatovich@list.ru
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

В доктрине под термином «межпоколенческая климатическая справедливость» понимается принятие нынешним поколением таких мер по реагированию на изменение климата, которые являются достаточными для предотвращения климатических изменений и смягчения их негативных последствий [20, р. 95–101; 22, р. 34]. Вместе с тем остаются открытыми вопросы о возможности практической реализации климатической справедливости в контексте прав будущих поколений. Кто может и может ли представлять интересы будущих поколений? Можно ли определить их интерес? Обладают ли поколения правами и обязанностями по отношению друг к другу? Можно ли установить причинно-следственную связь между сегодняшними действиями и нарушениями, которые еще не произошли? Иными словами, является межпоколенческая справедливость декларативным лозунгом или включает права, подлежащие судебной защите? Цель статьи — на основе анализа зарубежной судебной практики определить возможность юридической защиты прав будущих поколений в контексте изменения климата и, соответственно, практической осуществимости межпоколенческой климатической справедливости.

В настоящее время в зарубежных государствах сложилась определенная судебная практика, позволяющая прояснить ряд аспектов, которые представляются ключевыми для осуществления межпоколенческой климатической справедливости. К таковым относятся право представления в суде интересов последующих поколений, обязанность нынешнего поколения по отношению к будущим поколениям человечества, а также причинно-следственная связь между деянием, а именно чрезмерными выбросами парниковых газов, и нарушением прав последующих поколений.

Первая из названных категорий, касающаяся защиты в суде прав будущих поколений, рассматривается в научной литературе как предполагающая наличие двух условий. Первое условие заключается в том, что заинтересованная сторона должна иметь конкретный интерес применительно к вопросам, подлежащим разрешению при рассмотрении дела. Вместе с тем, как было упомянуто в деле «*R v. Her Majesty's Inspectorate of Pollution, ex parte Greenpeace Ltd.*», общая заинтересованность в вопросах экологии не является достаточной для доказательства конкретного интереса. Интерес должен достигать уровня особого и длящегося (п. 351) [см.: 22, р. 37]. По этому вопросу представляется верным замечание Дж. Алберс (Австралия) о том, что значительно большая уязвимость последующих поколений человечества в условиях изменения климата и его негативных последствий полностью соответствует данному критерию [13, р. 137].

Наиболее наглядными в этом отношении примерами из национальной судебной практики являются дела «*Oposa et al. v. Factoran*» [26], «*Urgenda Foundation v. the State of the Netherlands*» (далее — «*Urgenda*») [28; 29] и «*Kelsey Cascadia Rose Juliana, et al. v. United States of America*» (далее — «*Juliana*») [23], рассмотренные Верховным судом Филиппин, Гаагским окружным судом и Окружным судом штата Орегон соответственно.

Первое из указанных дел примечательно тем, что интерес будущих поколений в наличии благоприятной окружающей среды был охарактеризован национальным судом как не являющийся абстрактным и неопределенным, а следовательно, поддающимся установлению и правовой защите (п. 22) [26]. В деле «*Urgenda*» суд констатировал невыполнение государством своей обязанности соблюдать осмотрительность, в частности в контексте предотвращения изменения климата в интересах последующих поколений (пп. 4.35, 4.36) [29], что свидетельствует о признании судом юридического интереса, подлежащего защите.

В деле «*Juliana*», рассмотренном Окружным судом штата Орегон, так же, как в упомянутых выше делах, заявители ссылались на нарушение прав и нынешнего, и будущих поколений человечества. Суд интерпретировал право последующих поколений на безопасную и экологически сбалансированную окружающую среду как основополагающее право человека. Будучи таковым, данное право, по мнению суда, не нуждается в конституционном закреплении, что обосновывается его существованием с момента зарождения человечества [23, р. 50].

Для обоснования права представления в судебном порядке интересов будущих поколений в деле «*Juliana*» была использована доктрина «глобального наследия, находящегося в доверительном управлении» [23, р. 35–40]. Согласно взглядам приверженца этой доктрины Э. Вайс (США), под глобальным наследием в доверительном управлении понимаются находящиеся во владении настоящего поколения природные ресурсы планеты, которые должны быть переданы последующим поколениям. Отсюда следует, что обязанность доверенного лица, а именно нынешнего поколения, состоит в том, чтобы действовать в пользу будущих поколений человечества [31, р. 498]. Представляется, что в условиях глобальных климатических изменений таковыми действиями должны быть меры по сокращению выбросов парниковых газов в целях предотвращения таких изменений.

Показательно высказывание суда о том, что стабильные климатические условия являются основой жизнедеятельности общества и цивилизационного прогресса. Кроме того, в решении по делу неоднократно указывалось на то, что поддержание жизни на Земле для будущих

поколений станет невозможным в отсутствие безопасной и экологически сбалансированной окружающей среды [23, р. 32, 39]. Обращаясь к доктрине глобального наследия в доверительном управлении, суд упоминает необходимость защиты государством такого наследия в отношении и нынешнего, и последующих поколений человечества [23, р. 35—40]. Данная позиция в целом соответствует вышеприведенной интерпретации этой доктрины в научной литературе. При этом преимущественное внимание суд уделяет обязанности государства по передаче глобального наследия будущим поколениям.

Концепция права представления в судебном порядке интересов последующих поколений, в частности условие наличия конкретного, особого и длящегося интереса, подвергается критике. Отмечается отсутствие у нынешнего поколения представления о том, каковы будут интересы будущих поколений [22, р. 37]. Данное критическое замечание видится несостоятельным ввиду того, что наличие благоприятной окружающей среды, включая соответствующее качество наземных и водных экосистем, является неотъемлемым условием достойного существования человека как настоящего, так и последующих поколений. В свою очередь, это обуславливает юридический интерес последних в активизации мер по предотвращению изменения климата нынешним поколением человечества.

Вторым условием, необходимым для защиты в судебном порядке интересов будущих поколений, является наличие серьезной угрозы нанесения вреда. При этом, как подчеркивалось в деле «*Massachusetts v. Environmental Protection Agency*» (далее — «*Massachusetts*»), угроза причинения такого вреда, хотя бы даже в отдаленном будущем, а также возможность его сокращения в любой мере посредством представления в суде интересов последующих поколений является достаточным основанием для привлечения к ответственности ответчиков [25, р. 23].

Отметим, что антропогенная деятельность является главной причиной происходящих климатических изменений, что подтверждается, в том числе в Пятом оценочном докладе Межправительственной группы экспертов по изменению климата (далее — МГЭИК) и в резолюции Совета ООН по правам человека (7/23) [4, с. 2, 5—6; 9]. Ввиду продолжающегося роста концентрации углекислого газа в атмосфере, а следовательно, и прогнозируемого роста интенсивности засух, наводнений и иных проявлений изменения климата имеются серьезные риски касательно реализации прав человека, включая права будущих поколений. В этой связи возможность защиты в судебном порядке прав последующих поколений человечества представляется эффективным инструментом, способствующим уменьшению

подобных рисков. В случае признания государства ответственным за совершение международно-противоправного деяния в данном контексте его прекращение будет заключаться в наложении на это государство обязанности по сокращению выбросов парниковых газов в целях предотвращения угрозы для осуществления прав нынешнего и будущих поколений.

Наглядным примером служит решение, принятое Гаагским окружным судом в 2015 г. по делу «*Urgenda*». Предметом иска, поданного 868 истцами совместно с неправительственной организацией «*Urgenda*» против Нидерландов, являлось требование сократить выбросы углерода к 2020 г. на 25—40 % по сравнению с 1990 г. По мнению заявителей, меры, принимаемые Нидерландами по предотвращению необратимых климатических изменений, явились недостаточными, вследствие чего имело место нарушение упомянутым государством обязанности соблюдать осмотрительность в отношении настоящего и последующих поколений человечества. Кроме того, заявители ссылались на нарушение статей 2 и 8 европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — Европейская конвенция, ЕКПЧ) ввиду недостижения целевых показателей сокращения выбросов парниковых газов (п. 4.35) [29].

Решение по этому делу было вынесено в пользу заявителей. Гаагским окружным судом был сделан вывод о недостаточности мер, принимаемых Нидерландами по реагированию на глобальное изменение климата, а также о соответствующем нарушении данным государством обязанности соблюдать осмотрительность в части сокращения выбросов углерода в пользу, в том числе, будущих поколений (пп. 4.53, 4.83, 4.84, 4.89) [29]. Более того, вынесенное решение было подтверждено и при последующем рассмотрении дела в апелляционном и кассационном порядке. В частности, в своем итоговом решении от 2019 г. Верховный суд постановил, что для выполнения обязательств, вытекающих из Европейской конвенции, Нидерланды должны предпринять действия по предотвращению изменения климата, а именно сократить выбросы в вышеуказанном объеме (подп. 8.3.5) [28].

Относительно более конкретного упоминания Верховным судом условия, касающегося реальной угрозы нанесения вреда, представляются важными следующие замечания. Во-первых, данным судебным органом было прямо указано, что климатические изменения создают достаточно серьезную и непосредственную угрозу для полноценного осуществления прав человека, закрепленных в ЕКПЧ. При этом было отмечено, что подобную угрозу могут создать различные проявления изменения климата, среди которых повышение уровня моря и изменения в режиме выпадения осадков. Во-вторых, представляется

важным признанием Верховным судом того, что, несмотря на неопределенность будущей материализации этой угрозы, государства — участники ЕКПЧ обязаны предпринять действия, требуемые для ее предотвращения. В обоснование такой позиции суд справедливо заметил, что в отсутствие принятия надлежащих мер по реагированию на изменение климата существует вероятность усугубления его негативных последствий в отношении будущих поколений уже к середине столетия (подп. 2.1.8, п. 4.2) [28].

Важным условием, определяющим реализацию межпоколенческой климатической справедливости в целом и защиту в судебном порядке прав будущих поколений в частности, является правовая обязанность нынешнего поколения по отношению к будущим поколениям человечества [13, р. 138]. Учитывая антропогенное происхождение климатических катаклизмов, а также то, что их негативные последствия станут причиной затруднительной реализации целого ряда прав человека, в том числе последующих поколений, центральное значение приобретают обязательства государств по уважению, защите и осуществлению прав человека применительно к будущим поколениям. Для конкретизации этого условия, которое корреспондирует рассмотренной выше доктрине «глобального траста, находящегося в доверительном управлении», предлагаем обратиться к делу «*Urgenda*» [28; 29].

Данное дело представляется примечательным тем, что для обоснования привлечения государства к ответственности Верховный суд ссылаясь не на выработанную в доктрине теорию глобального траста, а на обязательства Нидерландов в сфере прав человека, а именно вытекающие из статей 2 и 8 ЕКПЧ (подп. 5.3.2, 5.6.2, 5.7.1). Заметим, что указанный подход явился отличным от использованного национальным судом США по делу «*Juliana*», согласно которому упор был сделан именно на упомянутую доктрину. Напротив, позиция Верховного суда в деле «*Urgenda*» заключалась в том, что обязательства Нидерландов в соответствии со статьями 2 и 8 Европейской конвенции подразумевают обязательство результата, в частности по сокращению выбросов парниковых газов в определенном размере к 2020 г. (подп. 7.3.3) [28].

В целях аргументирования приведенного довода данным судебным органом был использован метод «единой позиции». Согласно решению Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) по делу «*Demir and Baykara v. Turkey*» суть этого метода заключается в том, что при толковании Европейской конвенции суды могут ссылаться на документы, не обладающие юридически обязательной силой, при наличии следующих условий: такие документы должны отражать непрерывное развитие норм и принципов международного права

или национального права большинства государств — членом Совета Европы и определенно демонстрировать имеющуюся в современных обществах «единую позицию» (пп. 85, 86) [16]. Данный метод был применен ЕСПЧ в деле «*Öneryıldız v. Turkey*», где суд подробно исследовал «мягкоправовые документы» Совета Европы, касающиеся вопросов окружающей среды и промышленной деятельности (п. 59) [17], а также в деле «*Oluić v. Croatia*», в котором ЕСПЧ ссылаясь на руководящие принципы и информационные бюллетени Всемирной организации здравоохранения (пп. 29—31, 60, 62) [18].

В деле «*Urgenda*» такой «единой позицией» была признана цель сокращения выбросов углерода в вышеуказанном размере и сроки в соответствии с Четвертым оценочным докладом МГЭИК от 2007 г. Подобная позиция суда примечательна ввиду того, что в данном документе обозначенная цель упоминается лишь в качестве научного прогноза (пп. 2.50, 2.64, 4.23—4.29) [29]. Тем не менее, Верховным судом было обращено внимание на неоднократное подтверждение этой цели на ежегодных конференциях государств — участников Рамочной конвенции. По мнению Верховного суда, данные документы отражают консенсус международного сообщества относительно того, что имеется неотложная необходимость достижения этой цели, а именно сокращения развитыми странами выбросов углерода на 25 % к 2020 г. (пп. 2.1, 6.1—7.3) [28]. Полагаем, что использование в рассматриваемом деле метода «единой позиции» свидетельствует о понимании значительности угроз, обусловленных климатическими изменениями, для полноценного осуществления прав человека как настоящего, так и будущих поколений.

В этом контексте требуется рассмотреть требование, тесно связанное с условием обязанности нынешнего поколения в пользу последующих поколений человечества, в частности наличие причинно-следственной связи между деянием и причиненным вредом. Трудности ее установления связаны, во-первых, с доказательством причинения определенного вреда вследствие медленно протекающих климатических изменений и, во-вторых, с доказательством того, что причиной его нанесения стало действие или бездействие определенного государства [13, р. 138; 15, р. 766—767; 22, р. 40; 24, р. 219—220].

Доказательство причинения определенного вреда может быть затруднено в связи с тем, что медленно протекающие климатические изменения характеризуются постепенным усугублением неблагоприятных последствий. Примером служит проблема вынужденной миграции вследствие изменения климата, в том числе такого медленно протекающего явления, как повышение уровня моря. Исследователи этой проблемы единогласны в том, что

причиной экологической миграции является изменение климата [7, с. 210; 15, р. 762], проявляющееся, в том числе в виде постепенных процессов. При этом, однако, остается неразрешенным вопрос о том, можно ли рассматривать лиц, мигрирующих в подобных условиях, как экологических, а не экономических мигрантов. Полагаем, что трудность ответа на данный вопрос обуславливается проблематичностью установления причинно-следственной связи в отношении медленно протекающих климатических изменений, что приводит к «недостаточности мер, принимаемых государствами в целях разрешения проблемы миграции по экологическим причинам» [15, р. 766].

Затруднения же доказательства нанесения вреда определенным государством могут возникнуть в связи с тем, что изменение климата представляет собой результат выбросов парниковых газов, произведенных и производимых многочисленными субъектами [19, р. 124, 158; 22, р. 39]. При этом в отношении произведенных выбросов может возникнуть вопрос о возможности установления причинно-следственной связи и, следовательно, привлечения государства к ответственности за так называемые исторические промышленные выбросы углерода, которые рассматривались как правомерные до настоящего времени [19, с. 172; 22, с. 39]. Данный вопрос следует рассматривать в контексте статьи 13 Статей об ответственности государств (далее — СОГ), согласно которой «никакое деяние государства не является нарушением международно-правового обязательства, если это обязательство не связывает данное государство во время совершения деяния» [3, с. 30].

По вопросу о причинно-следственной связи применительно к производимым выбросам парниковых газов вернемся к рассмотренным выше делам «*Massachusetts*», «*Juliana*» и «*Urgenda*», в которых суд для его разрешения обращался к результатам научных исследований. Релевантным примером служит дело «*Massachusetts*», в котором Верховный суд США неоднократно ссылался на выводы МГЭИК, особенно в части антропогенного происхождения выбросов парниковых газов [25, р. 5–7].

В деле «*Juliana*» было обращено внимание на то, что выбросы углерода, эмитируемые из различных источников, имеют тенденцию быстро смешиваться и распространяться в атмосфере. В связи с тем, что в имеющихся научных исследованиях анализируется главным образом проблема эффектов таких выбросов из источников, рассматриваемых в совокупности, суд отмечал неизученность вопросов взаимосвязи между определенным источником выбросов и происходящими в определенном регионе климатическими изменениями [23, р. 22].

Для разрешения подобных неисследованных вопросов в деле «*Urgenda*» был применен подход, основанный на разделении ответственности. Суть такого подхода заключается в том, что каждое государство должно нести ответственность за свой определяемый на национальном уровне вклад в достижение цели сокращения выбросов парниковых газов в глобальном масштабе (подп. 5.7.5) [28]. В отношении Нидерландов Верховный суд указал на то, что, будучи связанным своими собственными международно-правовыми обязательствами, вытекающими, в том числе из Европейской конвенции, Рамочной конвенции, принципа предосторожности, рассматриваемое государство должно сделать все от него зависящее в целях предотвращения негативных последствий изменения климата (пп. 5.7–5.8) [28].

При этом для обоснования своей позиции Верховный суд ссылался на статью 47 СОГ, в соответствии с которой, «если несколько государств несут ответственность за одно и то же международно-противоправное деяние, в связи с данным деянием можно призвать к ответственности каждое из этих государств» [3, с. 42]. Опираясь на указанное положение, Верховный суд Нидерландов сделал, на наш взгляд, весьма примечательный вывод о том, что факт невыполнения иными государствами своих международно-правовых обязательств не является основанием для невыполнения и данным государством его собственных обязательств (подп. 5.7.7) [28].

Отдельного внимания заслуживает довод ответчика, касающийся незначительности доли производимых Нидерландами выбросов углерода в общем удельном весе глобальных промышленных выбросов, а следовательно, и неэффективности вклада этого государства в достижение цели сокращения выбросов в глобальном масштабе. Придерживаясь ранее приведенной аргументации, по обозначенному вопросу Верховный суд также справедливо указал, что относительно небольшая доля, которую выбросы Нидерландов составляют в удельном весе кумулятивных выбросов углерода всех государств, не является основанием для невыполнения ими своих обязательств. Что касается незначительности вклада в достижение вышеупомянутой цели, то, по мнению суда, сокращение выбросов в любом объеме может иметь положительный эффект в контексте предотвращения опасных климатических изменений (подп. 5.7.7–5.7.8) [28].

Таким образом, анализ судебной практики национальных судов ряда государств свидетельствует о том, что, несмотря на выявленные трудности, имеется возможность защиты прав будущих поколений в условиях глобального изменения климата. Полагаем, что значение национальной судебной практики, в частности дел «*Urgenda*», «*Juliana*», «*Oposa et al. v. Factoran*», также подтверждается возможно-

стью обращения заявителей в суд в порядке *actio popularis*, позволяющем заинтересованным лицам инициировать разбирательство в интересах общества, включая последующие поколения человечества [30, р. 13–14]. Как свидетельствует практика национальных судов, наиболее широко подача *actio popularis* была использована неправительственными организациями [13, р. 131; 27, р. 420].

В отношении направления такого рода претензий в международные судебные и контрольные органы по правам человека следует отметить, что многие организации, например, Комитет по правам человека, ЕСПЧ, Межамериканская комиссия и Межамериканский суд по правам человека, не предусматривают возможность обращения в порядке *actio popularis* [30, р. 23]. Отсюда следует, что заинтересованные лица, преимущественно неправительственные организации, ограничены в своих возможностях в рамках универсальной, а также европейской и межамериканской региональных систем защиты прав человека оказать воздействие на государства как носителей обязательств в сфере прав человека принять меры, требуемые для сокращения выбросов парниковых газов.

Представляется, что расширению возможностей заинтересованных лиц могло бы способствовать предоставление им права на обращение в упомянутые международные судебные и контрольные органы по правам человека в порядке *actio popularis*. В связи с этим видится целесообразным рекомендовать последним рассмотреть вопрос о необходимости расширения *locus standi* посредством подачи *actio popularis* лицами, заинтересованными в активизации мер по реагированию на изменение климата в пользу последующих поколений человечества.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать следующие выводы.

На сегодняшний день межпоколенческая климатическая справедливость является прак-

тически реализуемой, а не лишь теоретической концепцией. Предусматриваемые ею права есть юридически защищаемые права, что подтверждается определенной практикой рассмотрения дел о реализации прав человека, в том числе будущих поколений, в условиях изменения климата. В формировании такой практики активную роль играют национальные суды ряда государств, подтверждающие в своих решениях наличие у будущих поколений защищаемых прав человека, обязанность по обеспечению которых несут представители нынешнего поколения человечества.

Полагаем, что в материально-правовом аспекте сформированная зарубежная практика определяет особенности реализации прав человека в условиях изменения климата в разрезе временной и субъектной сферы действия международных обязательств по правам человека. Особо важное значение рассмотренной практики в процессуально-правовом аспекте отчасти обуславливается возможностью инициировать разбирательство в национальном суде в порядке *actio popularis* для защиты интересов последующих поколений и отсутствием такой возможности применительно к основным международным судебным и контрольным органам по правам человека.

Полагаем, что расширение *locus standi* посредством подачи *actio popularis* лицами, заинтересованными в обеспечении прав человека для будущих поколений, могло бы способствовать практической реализации межпоколенческой климатической справедливости. Можно рекомендовать государствам, участвующим в деятельности Комитета по правам человека, обратить внимание на данный вопрос в рамках ежегодных совещаний председателей договорных органов по правам человека, а также в ходе сотрудничества договорных органов по правам человека с субъектами гражданского общества.

Список использованных источников

1. Балашенко, С. А. Судебная защита права на благоприятную окружающую среду: проблемы теории и практики / С. А. Балашенко, Е. В. Лаевская // Судовы веснік. — 2006. — № 4. — С. 34–37.
2. Довгань, Е. Ф. Право человека на благоприятную окружающую среду: международные и национальные механизмы защиты / Е. Ф. Довгань // Право.by. — 2012. — № 6. — С. 109–114.
3. Доклад комиссии международного права: пятьдесят третья сессия (23 апреля — 1 июня и 2 июля — 10 августа 2001 г.): док. ООН A/56/10(SUPP) [Электронный ресурс] // Система официальной документации ООН. — Режим доступа: <[https://undocs.org/ru/A/56/10\(SUPP\)](https://undocs.org/ru/A/56/10(SUPP))>. — Дата доступа: 10.09.2022.
4. Изменение климата, 2014 г.: обобщ. докл. / Р. К. Пачаури [и др.]. — Женева: МГЭИК, 2015. — 163 с. [Электронный ресурс] // Межправительственная группа экспертов по изменению климата. — Режим доступа: <https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2018/02/SYR_AR5_FINAL_full_ru.pdf>. — Дата доступа: 10.09.2022.
5. Лаевская, Е. В. Защита права на благоприятную окружающую среду: проблемы теории и практики / Е. В. Лаевская. — Минск: СтройМедиаПроект, 2016. — 386 с.
6. Макарова, Т. И. Доктрина международного права окружающей среды: формирование, основы, содержание / Т. И. Макарова // Евраз. юрид. журн. — 2013. — № 10 (65). — С. 51–54.
7. Маркова, Е. Ю. Международно-правовая защита экологических мигрантов: реалии и перспективы / Е. Ю. Маркова // Актуал. проблемы рос. права. — 2018. — № 7. — С. 209–218. (<https://doi.org/10.17803/1994-1471.2018.92.7.209-217>)
8. Парижское соглашение: [закл. 12 дек. 2015 г.] [Электронный ресурс] // Конференция ООН по вопросам изменения климата. — Режим доступа: <https://unfccc.int/sites/default/files/russian_paris_agreement.pdf>. — Дата доступа: 10.09.2022.
9. Права человека и изменение климата: резолюция Совета ООН по правам человека 7/23 от 28 марта 2008 г. [Электронный ресурс] // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. — Режим доступа: <http://ap.ohchr.org/documents/R/HRC/resolutions/A_HRC_RES_7_23.pdf>. — Дата доступа: 10.09.2022.

10. Право человека на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду: док. ООН A/RES/76/300 [Электронный ресурс] // Система официальной документации ООН. — Режим доступа: <<https://undocs.org/ru/A/RES/76/300>>. — Дата доступа: 10.09.2022.
11. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: док. ООН A/RES/70/1 [Электронный ресурс] // Система официальной документации ООН. — Режим доступа: <<https://undocs.org/ru/A/RES/70/1>>. — Дата доступа: 10.09.2022.
12. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата: [принята 9 мая 1992 г.] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml>. — Дата доступа: 10.09.2022.
13. Albers, J. Human Rights and Climate Change: Protecting the Right to Life of Individuals of Present and Future Generations / J. Albers // Security and Human Rights. — 2017. — Vol. 28, N 1-4. — P. 113–144. (<https://doi.org/10.1163/18750230-02801009>)
14. Boyle, A. Climate Change, the Paris Agreement and Human Rights / A. Boyle // International and Comparative Law Quarterly. — 2018. — Vol. 67, N 4. — P. 759–777. (<https://doi.org/10.1017/S0020589318000222>)
15. Bryne, C. Climate Change and Human Migration / C. Bryne // UC Irvine Law Review. — 2018. — Vol. 8, N 4. — P. 761–788.
16. Case Demir and Baykara v. Turkey (application N 34503/97): judgment, 20 Nov. 2008 [Electronic resource] // European Court of Human Rights. — Mode of access: <<https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22itemid%22:%22001-89558%22>>. — Date of access: 10.09.2022.
17. Case of Öneriyildiz v. Turkey (application N 48939/99): judgment, 30 Nov. 2004 [Electronic resource] // European Court of Human Rights. — Mode of access: <<https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22itemid%22:%22001-67614%22>>. — Date of access: 10.09.2022.
18. Case Oluić v. Croatia (application N 22330/05): judgment, 20 May 2010 [Electronic resource] // European Court of Human Rights. — Mode of access: <<https://hudoc.echr.coe.int/fre#%22itemid%22:%22001-91144%22>>. — Date of access: 03.01.2023
19. Faure, M. International liability as an instrument / M. Faure, A. Nollkaemper // Stanford Journal of International Law. — 2007. — Vol. 26A/43A. — P. 123–179.
20. Human Rights and Sustainability: Moral responsibilities for the future / ed. G. Bos, M. Düwell. — London; New York: Routledge, 2016. — 238 p.
21. Humphreys, S. Human rights and climate change / S. Humphreys. — Cambridge: Cambridge University Press, 2009. — 348 p.
22. Johnston, R. Lacking Rights and Justice in a Burning World: The Case for Granting Standing to Future Generations in Climate Change Litigation / R. Johnson // Tilburg Law Review. — 2016. — Vol. 21, N 1. — P. 31–51. (<https://doi.org/10.1163/22112596-02101002>)
23. Kelsey Cascadia Rose Juliana, et al. v. United States of America: opinion a. order, N 6:15-cv-01517-TC, 10 Nov. 2016 [Electronic resource] // Vlex. — Mode of access: <<https://case-law.vlex.com/vid/juliana-v-united-states-894097970>>. — Date of access: 03.09.2022.
24. Lewis, B. Human Rights Duties towards Future Generations and the Potential for Achieving Climate Justice / B. Lewis // Netherlands Quarterly of Human Rights. — 2016. — Vol. 34, N 3. — P. 206–226. (<http://dx.doi.org/10.1177/016934411603400303>)
25. Massachusetts et al. v. Environmental Protection Agency et al.: decision, N 05–1120, 2 Apr. 2007 [Electronic resource] // Justica: US Supreme Court. — Mode of access: <<https://supreme.justia.com/cases/federal/us/549/497/>>. — Date of access: 10.09.2022.
26. Oposa et al. v. Fulgencio S. Factoran, Jr. et al.: judgment, G.R. No. 101083, 30 July 1993 [Electronic resource] // International Network for Economic, Social & Cultural Rights. — Mode of access: <<https://www.escr-net.org/caselaw/2006/oposa-et-al-v-fulgencio-s-factoran-jr-et-al-gr-no-101083>>. — Date of access: 18.05.2020.
27. Schall, C. Public Interest Litigation Concerning Environmental Matters before Human Rights Courts: a Promising Future Concept? / C. Schall // Journal of Environmental Law. — 2008. — Vol. 20, N 3. — P. 417–453. (<https://doi.org/10.1093/jel/eqn025>)
28. Urgenda Foundation v. the State of the Netherlands: judgment, N 19/00135, 20 Dec. 2019 [Electronic resource] // Columbia University. — Mode of access: <http://blogs2.law.columbia.edu/climate-change-litigation/wp-content/uploads/sites/16/non-us-case-documents/2020/20200113_2015-HAZA-C0900456689_judgment.pdf>. — Date of access: 10.09.2022.
29. Urgenda Foundation v. the State of the Netherlands: judgment, N C/09/456689, 24 June 2015 [Electronic resource] // Columbia University. — Mode of access: <http://blogs2.law.columbia.edu/climate-change-litigation/wp-content/uploads/sites/16/non-us-case-documents/2015/20150624_2015-HAZA-C0900456689_decision-1.pdf>. — Date of access: 10.09.2022.
30. Van Aaken, A. Making international human rights protection more effective: rational-choice approach to the effectiveness of ius standi provisions: Preprints of the Max Planck Institute for Research on Collective Goods N 2005,16 / A. van Aaken [Electronic resource] // EconStor. — Mode of access: <<https://www.econstor.eu/handle/10419/26871>>. — Date of access: 10.09.2022.
31. Weiss, E. The Planetary Trust: Conservation and Intergenerational Equity / E. Weiss // Ecology Law Quarterly. — 1984. — Vol. 11, N 4. — P. 495–581.

Статья поступила в редакцию 30 сентября 2022 г.

ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ США В ПЕРИОД ТРЕТЬЕГО ПРЕЗИДЕНТСТВА В. В. ПУТИНА: ОТ «ПЕРЕЗАГРУЗКИ» К НОВОЙ КОНФРОНТАЦИИ

Александр Косов

В статье рассматриваются особенности политики России в отношении США в период третьего президентства В. В. Путина (2012—2018 гг.). Их комплексный анализ позволяет объяснить принятие российским руководством ключевых решений, касавшихся отношений с Соединенными Штатами в условиях нарастания напряженности между Москвой и Вашингтоном. В частности, обращается внимание на российскую реакцию на американское вмешательство во внутренние дела Российской Федерации и иные действия США, приведшие к ухудшению двусторонних отношений; анализируются расхождения сторон по поводу урегулирования сирийского и украинского кризисов. Подчеркивается, что действия России носили вынужденный, ответный характер на недружественные шаги Соединенных Штатов. Делается вывод о том, что для российско-американских отношений соперничество, переросшее в конфронтацию, стало неотъемлемым элементом трансформации современной системы международных отношений.

Ключевые слова: внешняя политика; конфронтация; российско-американские отношения; Россия; сирийский кризис; США; украинский кризис.

«Russia's Policy towards the United States during Vladimir Putin's Third Presidency: from "Reset" to a New Confrontation» (Alexandr Kosov)

The article discusses the features of Russia's policy towards the United States during Vladimir Putin's third presidency (2012—2018). Their comprehensive analysis made it possible to explain the key decisions taken by the Russian leaders regarding relations with the United States in the context of growing tensions between Moscow and Washington. In particular, attention is drawn to the Russian reaction to American interference in their internal affairs. The Russian Federation and other US actions that led to the deterioration of bilateral relations; the differences of the parties regarding the settlement of the Syrian and the Ukrainian crises are analysed. It is emphasised that Russia's actions were forced, in response to the unfriendly steps of the United States. It concludes that, for Russian-American relations, rivalry, which has grown into confrontation, has become an integral element in the transformation of the current system of international relations.

Keywords: confrontation; foreign policy; Russia; Russian-U.S. relations; Syrian crisis; Ukrainian crisis; USA.

В последние годы российско-американские отношения характеризуются конфронтационной атмосферой. С 2012 г. между Россией и США шаг за шагом нарастали взаимонепонимание и противоречия, приведшие во втором десятилетии XXI в., по мнению многих экспертов, к новой «холодной войне». Поэтому не удивительно, что российско-американские отношения находятся в фокусе внимания политических и экспертных кругов, свидетельством чего являются множество книг, статей, аналитических обзоров и экспертных комментариев по обе стороны океана. Однако в подавляющем большинстве публикаций они рассматриваются преимущественно с позиций США, а не Российской Федерации. Среди

российских авторов можно назвать исследования Н. И. Бубновой [1; 2], В. А. Никонова [17], А. К. Пушкова [24] и др. В США изучением российско-американских отношений занимаются М. Макфол [33], Дж. Миршаймер [34], С. Пайфер [37], А. Стент [25; 40] и др. Несмотря на наличие у российских и американских авторов разных взглядов на отношения Российской Федерации и США, все они сходятся в одном: двусторонние отношения оказались в глубочайшем кризисе с момента окончания «холодной войны». В белорусской историографии обстоятельные работы, посвященные российско-американским отношениям во втором десятилетии XXI в., практически отсутствуют [11]. Отечественные исследователи касаются

Автор:

Косов Александр Петрович — кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета, e-mail: alekos1979@mail.ru
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Kosov Alexandr — Candidate of History, Associate Professor, Doctorant of the Department of Modern and Contemporary History of the Faculty of History, Belarusian State University, e-mail: alekos1979@mail.ru
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

данной проблемы фрагментарно, как правило, при изучении внешней политики Республики Беларусь. В силу этого представляется актуальным восполнить данный пробел и рассмотреть политику России в американском направлении с момента официального вступления В. В. Путина в должность президента страны 7 мая 2012 г. по 7 мая 2018 г., когда завершились его президентские полномочия и состоялась новая инаугурация.

Цель статьи заключается в выявлении сущности внешнеполитического курса России в американском направлении в период третьего срока президентства В. В. Путина. Исходя из этого были рассмотрены следующие аспекты: российская реакция на американское вмешательство во внутривнутриполитический процесс развития Российской Федерации, разногласия сторон по Сирии и Украине, ответные действия Москвы на недружественные шаги Вашингтона в отношении России.

Крах «перезагрузки» и нарастание напряженности между Российской Федерацией и США. Возвращение В. В. Путина в Кремль в качестве президента России произошло 7 мая 2012 г. в результате победы на выборах, состоявшихся 4 марта того же года. В период его третьего президентства России в американском направлении пришлось взаимодействовать с администрациями Обамы и Трампа. Результатом стало серьезное ухудшение российско-американских отношений за весь постбиполярный период. За шесть лет, к 2018 г., они достигли низшей на тот момент точки своего развития.

Спустя десять дней после инаугурации, 18 мая 2012 г., В. В. Путин отменил свой визит на саммит G8 в США, отправив вместо себя ставшего премьер-министром Д. А. Медведева. Американцы восприняли его отказ от поездки в Кэмп-Дэвид как демонстрацию ужесточения позиции России в отношении Соединенных Штатов. По словам Х. Клинтон, В. В. Путин был «сильно обижен на США и с подозрением относился ко всем нашим действиям» [9, с. 296]. Правда, 18 июня 2012 г. его встреча с Б. Обамой все же состоялась в мексиканском Лос-Кабосе. Лидеры двух стран провели переговоры в рамках саммита G20. Игнорирование президентом Российской Федерации «большой восьмерки» и участие в «большой двадцатке» давали понять внешнеполитические приоритеты России. По сути, российский лидер показал свое отношение к Западу, отдав предпочтение так называемым новым центрам силы в формирующемся полицентричном мире. Подобная позиция российского руководства стала реакцией на действия ведущих западных стран в отношении Российской Федерации. Свой взгляд на отношения с Западом В. В. Путин выразил в вышедшей незадолго до президентских выборов статье «Россия и меняющийся мир», в которой назвал политику

Вашингтона на постсоветском пространстве и попытки вмешательства во внутренние дела России в качестве одной из главных проблем развития российско-американских отношений [23]. Это свидетельствовало о крахе политики «перезагрузки» как этапа в развитии российско-американских отношений.

В первый год третьего президентства В. В. Путина основным драйвером ухудшения отношений стало вмешательство американцев во внутренние дела Российской Федерации. Прежде всего, вашингтонский истеблишмент был крайне недоволен самим фактом возвращения В. В. Путина на пост президента. Безусловно, американцы предпочли бы видеть в Кремле по-прежнему либерала Д. А. Медведева, с которым связывали движение России в «правильном» направлении. Фигура В. В. Путина, наоборот, у них ассоциировалась с автократизмом и имперским экспансионизмом. Как писал бывший посол США в Москве М. Макфол, путинский режим является автократией, поэтому с ним необходимо бороться всеми силами [33].

Заметным шагом на пути движения России и Соединенных Штатов к новой конфронтации стало принятие Конгрессом США 6 декабря 2012 г. акта Магнитского (вступил в силу 14 декабря 2012 г.), который предусматривал персональные визовые и финансовые санкции против ряда российских чиновников. По сути, он заменил собой отмененную 21 ноября 2012 г. в отношении России дискриминационную поправку Джексона — Вэника. В ответ Госдума 21 декабря 2012 г. приняла так называемый «Закон Димы Яковлева», вводивший запрет на усыновление американскими семьями российских детей, въезд в Россию американцев, виновных в нарушении прав человека, а также ограничивший финансирование российских неправительственных организаций [25, с. 303–304].

В январе 2013 г. уходящая с поста госсекретаря США Х. Клинтон направила Б. Обаме докладную записку, в которой предлагала его второй администрации реализацию жесткого курса в отношении Москвы, продолжив сотрудничество по важным для американцев направлениям и снизив его там, где интересы русских преобладают над американскими. По ее мнению: «Сила и решимость — это единственный язык, который Путин поймет. Мы должны дать ему ясно понять, что его действия будут иметь последствия, убедив наших союзников, что Соединенные Штаты стоят за них» [9, с. 305]. И действительно, вторая администрация Обамы довольно быстро окончательно выбрала жесткую линию поведения в отношении России.

Тенденция к нарастанию противоречий с Западом вызвала необходимость принятия новой Концепции внешней политики России, утвержденной В. В. Путиным 12 февраля 2013 г.

В ней подчеркивалось, что Россия «выстраивает отношения с США с учетом значительного потенциала развития взаимовыгодного торгово-инвестиционного, научно-технического и иного сотрудничества, а также особой ответственности обоих государств за глобальную стратегическую стабильность и состояние международной безопасности в целом». При этом Россия декларировала намерение «противодействовать введению односторонних экстерриториальных санкций США против российских юридических и физических лиц» [10].

На протяжении 2013 г. достаточно отчетливо проявила себя тенденция нарастания противоречий в российско-американских отношениях. Ярким примером противоречивости сотрудничества Москвы и Вашингтона стал террористический акт, устроенный братьями Царнаевыми 15 апреля 2013 г. на Бостонском марафоне. С одной стороны, стороны согласились укрепить сотрудничество в борьбе с терроризмом, а с другой — продемонстрировали все имевшиеся проблемы двух стран в этой сфере [25, с. 321]. После теракта в Бостоне власти обеих держав выступили за улучшение двусторонних отношений. В этом плане центральным событием должен был стать двусторонний саммит в Москве, запланированный на сентябрь 2013 г. Встречу двух лидеров планировалось посвятить таким вопросам, как контроль над вооружениями, противоракетная оборона, сирийский кризис, торгово-экономическое и финансовое сотрудничество [25, с. 323]. Проведение саммита позволяло российскому руководству еще раз продемонстрировать миру роль России как великой державы на международной арене. При этом В. В. Путин не переставал заявлять, что российско-американские отношения необходимо улучшать.

23 июня 2013 г. в транзитной зоне аэропорта Шереметьево оказался бывший штатный сотрудник Агентства национальной безопасности США Э. Сноуден, обладавший секретной информацией. Соединенные Штаты настаивали на его выдаче, но российская сторона отказалась, сославшись на отсутствие соглашения об экстрадиции. В итоге 1 августа Москва предоставила ему временное политическое убежище. В ответ Вашингтон объявил о замораживании диалога с Россией из-за «дела Эдварда Сноудена». Американцы расценили этот шаг России в качестве враждебной политической акции. 8 августа 2013 г. Вашингтон отменил запланированный ранее российско-американский саммит в Москве, на который должен был приехать Б. Обама, и свернул ряд других мероприятий. Двусторонние отношения стали стремительно ухудшаться. В Белом доме отметили, что «этот шаг российского правительства подрывает длительную историю сотрудничества с Россией, сотрудничества, которое со времени бостонских взрывов переживало подъем» [25, с. 325]. Правда, президенты

двух стран в начале сентября 2013 г. все же встретились в рамках саммита «большой двадцатки» в Санкт-Петербурге, где резко разошлись во мнениях по сирийскому конфликту. Хотя спустя несколько дней В. В. Путин в своей статье для «Нью-Йорк Таймс» отмечал, что в его личных и рабочих отношениях с Б. Обамой доверие постоянно укрепляется [38].

6 июня 2014 г. президенты двух стран встретились в Нормандии, где они принимали участие в торжественных мероприятиях в честь 70-летия высадки войск союзников. Там состоялись две беседы, в ходе которых лидеры России и США обменялись мнениями по ситуации в Украине, отметив необходимость скорейшего прекращения насилия и боевых действий. Следующая их встреча состоялась 11 ноября 2014 г. на саммите форума «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС) в Пекине, где они пообщались в кулуарах, обсудив в ходе краткой беседы некоторые вопросы двусторонних отношений, а также положение в Сирии, Иране и Украине [28]. На состоявшемся вскоре саммите «большой двадцатки» в австралийском Брисбене (15–16 ноября 2014 г.) западные лидеры попытались устроить В. В. Путину дипломатическую изоляцию, поэтому каких-либо переговоров с Б. Обамой там не было [4].

В первой половине 2015 г. В. В. Путин и Б. Обама провели три телефонных разговора. Следующая их личная встреча состоялась в ноябре 2015 г. на саммите G20 в Анталье, посвященном вопросам борьбы с терроризмом. Президенты России и США в ходе 20-минутной беседы вновь кратко обсудили сирийский и украинский конфликты, причем ситуация в Сирии являлась ключевой. По словам Д. С. Пескова, несмотря на имевшиеся разногласия, диалог оказался конструктивным, в частности у сторон появилось «понимание безальтернативности двустороннего диалога, хотя бы для обсуждения имеющихся проблем». В первую очередь, речь шла о координации усилий по борьбе с ИГИЛ [7]. Однако, несмотря на позитивные комментарии по итогам этой встречи, ряд спорных вопросов президенты обошли стороной.

В 2016 г. В. В. Путин и Б. Обама провели шесть телефонных разговоров, а также личную встречу 5 сентября в рамках саммита G20 в китайском Ханчжоу. Кроме того, 20 ноября 2016 г. состоялась их краткая беседа на саммите АТЭС в Лиме [15].

Несмотря на имевшие место контакты лидеров двух держав, было понятно, что атмосфера российско-американских отношений как на межгосударственном, так и на межличностном уровне оказалась далека от нормальной. Вскоре это нашло свое подтверждение и в публичных высказываниях руководства двух держав. Так, председатель комитета Госдумы по обороне В. П. Комоедов заявил: «Нельзя ни

в коем случае доверять США. Сколько длятся наши отношения, столько они нас обманывают по любому вопросу» [1, с. 85]. Однако самым ярким примером нарастания атмосферы конфронтации стала юбилейная сессия Генеральной Ассамблеи, посвященная 70-летию ООН, в сентябре 2015 г. В своих выступлениях на ее открытии Б. Обама и В. В. Путин фактически обвинили друг друга в нарушении международного права и дестабилизации миропорядка [2, с. 140].

Дух конфронтации нашел свое отражение и в концептуальных внешнеполитических документах двух держав. Так, в появившейся в феврале 2015 г. Стратегии национальной безопасности США Россия во многих случаях упоминалась в связке с понятием «агрессия». Тем самым подчеркивалось, что она создает угрозу американским интересам. Поэтому разработки Стратегии указали на необходимость жесткого ответа Москве и увеличения поддержки постсоветским государствам, в первую очередь Украине, Молдове и Грузии, чтобы у Кремля впредь не возникало экспансионистских намерений в отношении соседей [36, р. 25]. В ответ 31 декабря 2015 г. российское руководство пошло на утверждение новой Стратегии национальной безопасности России, где указывалось, что: «Проведение Российской Федерацией самостоятельной внешней и внутренней политики вызывает противодействие со стороны США и их союзников, стремящихся сохранить свое доминирование в мировых делах. Реализуемая ими политика сдерживания России предусматривает оказание на нее политического, экономического, военного и информационного давления» [21]. Поэтому Российская Федерация вынуждена реагировать на потенциальные угрозы, защищая свои национальные интересы. 30 ноября 2016 г. В. В. Путин утвердил новую Концепцию внешней политики России, в которой были учтены изменения международной повестки, особенно украинский кризис, в качестве ориентира внешнеполитического поведения страны на мировой арене [20]. В ней подчеркивалось, что внешняя политика Российской Федерации «является открытой и предсказуемой, характеризуется последовательностью, преемственностью и отражает уникальную, сформированную веками роль России как уравнивающего фактора в международных делах и развития мировой цивилизации». Россия выступает «за укрепление международной безопасности, стабильности на стратегическом и региональном уровнях». Одновременно в Концепции обращалось внимание на проводимый США курс на сдерживание России, оказание на нее давления, что подрывает региональную и глобальную стабильность, а также наносит ущерб долгосрочным интересам всех сторон. Поэтому выстраивание взаимовыгодных отношений с Соединенными Штатами, в

которых заинтересована Российская Федерация, учитывая особую ответственность обоих государств за глобальную стратегическую стабильность и состояние международной безопасности в целом, возможно только «на основе равноправия, взаимного уважения интересов и невмешательства во внутренние дела друг друга» [20]. К сожалению, Вашингтон имел свое видение развития российско-американских отношений, избрав модель давления, что, разумеется, не устраивало Москву. Россия не приняла «игру по американским правилам» и стала активно противодействовать попыткам американцев оказать военное, политическое, экономическое и иное давление, что усиливало конфронтацию. В это время Конгресс США существенно осложнил деятельность российских дипломатических представителей на территориях, находящихся в американской юрисдикции. Из Соединенных Штатов были высланы 35 российских дипломатов по обвинению в разведывательной деятельности (из Вашингтона и Сан-Франциско), а также закрыты дипломатические учреждения в штатах Мэриленд и Нью-Йорк. Одновременно американцы обвинили Москву в притеснении американских дипломатов и организаций, работающих в Москве. Очевидной стала политика двойных стандартов, согласно которой Россия должна принимать любые действия США, потому что они «правильные», и не пытаться перечить американцам. Исходя из этого необходимо признать, что американский истеблишмент воспринимал двусторонние отношения не как конфликт двух держав, а как конфликт демократии и авторитаризма. По их мнению, только после демократизации России все проблемы и противоречия исчезнут сами собой [18, с. 282].

В рассматриваемый период триггерами усиления конфронтации российско-американских отношений стали украинский и сирийский кризисы. Глубинные разногласия Москвы и Вашингтона в подходах к их решению привели стороны к эскалации напряженности.

Украинский кризис как основной триггер конфронтации между Россией и США. События в Украине в начале 2014 г. стали серьезным ударом по позициям России на постсоветском пространстве. Известно, что в планах российского руководства по возвращению стране великодержавного статуса Украине отводилась важная роль. Москва хотела видеть Украину в составе Евразийского союза или как минимум иметь ее в качестве чрезвычайно важного буферного государства, отделяющего Россию от Запада. Российское руководство не раз предупреждало, что не будет спокойно наблюдать за тем, как ее стратегически важный сосед превращается в бастион Запада [24, с. 180]. Однако Вашингтон продолжал проводить антироссийский курс, рассчитывая использовать Киев в своей страте-

гии. 14 марта 2014 г. Дж. Керри и С. В. Лавров, обсудив украинский кризис, не смогли прийти к согласию относительно Крыма [14]. Спустя два дня в Крыму состоялся референдум о будущем статусе и государственной принадлежности, в ходе которого 96,77 % проголосовавших крымчан поддержали присоединение Крыма к России. В своем выступлении 18 марта 2014 г., посвященном этому событию, В. В. Путин отметил: «Наши западные партнеры во главе с Соединенными Штатами Америки предпочитают в своей практической политике руководствоваться не международным правом, а правом сильного. Они уверовали в свою избранность и исключительность, в то, что им позволено решать судьбы мира, что правы могут быть всегда только они... Напротив, нас раз за разом обманывали, принимали решения за нашей спиной, ставили перед свершившимся фактом. Так было и с расширением НАТО на восток, с размещением военной инфраструктуры у наших границ... Словом, у нас есть все основания полагать, что пресловутая политика сдерживания России, которая проводилась и в XVIII, и в XIX, и в XX веке, продолжается и сегодня» [19]. О российской реакции на действия Запада свидетельствовали и слова С. В. Лаврова о том, что события в Украине «стали не проявлением принципиально новых тенденций, а скорее кульминацией курса, осуществлявшегося западными партнерами многие годы в отношении России» [29].

Однако следует признать, что украинская политика Кремля оказалась неудачной. Российская Федерация смогла присоединить Крым, но получила враждебно настроенную по отношению к себе Украину, ставшую геополитическим инструментом США на постсоветском пространстве [12]. В ответ на действия Российской Федерации, в частности включение Крыма в свой состав, Запад, не признавший результаты референдума в Крыму, ввел первый пакет антироссийских санкций, приостановил членство России в G8 и военное сотрудничество по линии НАТО — Россия. Свои шаги Вашингтон обосновывал тем, что Россия преступила международное право, отторгла у соседней страны в трудной для нее ситуации часть территории, продолжила вмешиваться в развитие событий в Украине [2, с. 138]. Поэтому в последующие месяцы США неоднократно вводили новые санкции в отношении Российской Федерации.

Одновременно Вашингтон объявил о поддержке Украины. 18 декабря 2014 г. Б. Обама подписал Закон о поддержке свободы Украины, который предусматривал введение ряда санкций против России [39; 42]. На Западе заявили о гибридной агрессии со стороны России, стремлении В. В. Путина дестабилизировать и расчлнить Украину ради реализации своих неоимперских амбиций. Москва была вынуждена пойти на ряд ответных шагов, в том числе на введение контрсанкций в отно-

шении Запада. По справедливому замечанию американского политолога Дж. Миршаймера, ни один российский лидер не будет спокойно наблюдать за «уходом» Украины в западном направлении. Ведь Запад, который несет значительную часть ответственности за украинский кризис, намеренно игнорировал сферу национальных интересов России, о которых неоднократно заявлял В. В. Путин [34]. Для России, в отличие от США, Украина имеет значительно большее значение, чем просто страна на постсоветском пространстве. Абсолютно прав известный политолог В. А. Никонов, отмечавший, что ситуация в Украине стала экзистенциальным вызовом для России, предопределившим соответствующее поведение Москвы [17, с. 333]. Российское руководство обвинило Вашингтон в организации государственного переворота в Киеве. Подобные заявления были сделаны, исходя из выступлений помощника госсекретаря США В. Нуланд, сенатора Дж. Маккейна и американского посла в Киеве Дж. Пайетта, заявившего после свержения В. Ф. Януковича, что «этот день войдет в учебники истории» [34]. Резко ухудшилось отношение к Западу и российской общественности. Так, в 2015 г. к США негативно относился 81 % опрошенных россиян, а количество считающих Америку враждебной страной составило 42 % [17, с. 335].

В 2014—2016 гг. стороны шаг за шагом все больше и больше втягивались в украинский конфликт. Несмотря на то, что для избранного в 2016 г. Д. Трампа Украина не являлась важным приоритетом, под давлением американского истеблишмента его администрация активизировала свое участие в политике в украинском направлении. Начиная с 2017 г. усилилось давление на Москву в связи с кризисом в Украине. В июле 2017 г. на введенную должность спецпредставителя по вопросам Украины в Госдепартаменте был назначен К. Волкер, который заявлял, что Россия является стороной украинского конфликта. Ставшие весной 2018 г. госсекретарем М. Помпео и советником президента по национальной безопасности Дж. Болтон также были известны своей жесткой позицией по украинскому вопросу и считали Россию «государством-агрессором» [1, с. 296]. Тем самым, Украина продолжала оставаться объектом недружественной политики США, направленной против России.

Сирийский кризис как индикатор российско-американских разногласий. Еще одним раздражающим фактором в российско-американских отношениях стал сирийский кризис. Известно, что с самого начала развития конфликта в Сирии весной 2011 г. Москва и Вашингтон диаметрально противоположно разошлись в оценках происходящего в этой ближневосточной стране. Американцы, пользуясь случаем, попытались убрать неудобный им режим Асада. Российское руководство,

наоборот, учитывая ситуацию в Ливии, решило приложить все усилия, чтобы не допустить подобного сценария. Как заявил В. В. Путин: «Нельзя допустить, чтобы “ливийский сценарий” кто-то попытался реализовать в Сирии. Усилия международного сообщества должны быть направлены прежде всего на достижение межсирийского примирения. Важно добиться скорейшего прекращения насилия, откуда бы оно ни исходило, запустить наконец общенациональный диалог — без предварительных условий, без иностранного вмешательства и при уважении суверенитета страны... Очень рассчитываю, что США и другие страны учтут печальный опыт и не попытаются задействовать без санкции Совета Безопасности ООН силовой сценарий в Сирии» [23]. Выступив в поддержку Дамаска, Москва стала защищать не режим Асада, а «существующий международный порядок, основанный на принципах международного права», поскольку «если с ним будет покончено, мир действительно погрузится в хаос, где доминирует только право силы» [27]. МИД Российской Федерации призывал «действовать в соответствии с буквой и духом Женевского коммюнике от 30 июня 2012 г., резолюций 2042 и 2043 Совета Безопасности ООН, исключить вмешательство извне, уважать суверенитет и территориальную целостность САР, всех других государств региона» [5].

Однако по мере эскалации сирийского конфликта противоречия в российско-американских отношениях относительно Сирийской Арабской Республики (САР) лишь усиливались. Например, весной-летом 2013 г. Вашингтон принял решение о поставках вооружений так называемой умеренной сирийской оппозиции, противостоящей режиму Асада [30, с. 316]. Москва расценила этот шаг американцев крайне негативно, поскольку американская помощь стала поступать не только умеренным, но и радикальным исламистам. 17–18 июня 2013 г. на саммите G8 в североирландском Лох-Эрне российская позиция по урегулированию сирийского кризиса, представленная президентом В. В. Путиным, была подвергнута критике. В результате сирийский конфликт в российско-американских отношениях стал все более напоминать пресловутую «игру с нулевой суммой», пока Россия и США не достигли компромисса относительно уничтожения химического оружия в САР [6, с. 195]. Его ликвидация стала успешным примером ограниченного российско-американского сотрудничества в рамках конфликта в Сирии. Российская инициатива позволила Белому дому избежать проведения боевой операции против Дамаска, переключив внимание американцев с военной ситуации в САР на проблему ликвидации химического оружия [30, с. 320].

Следующей попыткой взаимодействия Москвы и Вашингтона по разрешению сирийского кризиса стала начавшаяся в феврале

2014 г. конференция «Женева-2». 7 мая 2013 г. о ее проведении договорились С. В. Лавров и Дж. Керри, во время его официального визита в Москву, так как первая Женевская конференция по сирийскому урегулированию, прошедшая в июне 2012 г., оказалась безуспешной [8]. Новая конференция также не принесла существенных результатов, но ее важность заключалась в том, что России и США впервые удалось усадить конфликтующие стороны за стол переговоров. В это время на первый план у обеих держав вышла борьба против ИГИЛ, во многом выпестованного американцами в противовес «Аль-Каиде», но в 2013 г. вышедшего из-под контроля. Однако решение Вашингтона наносить с 23 сентября 2014 г. воздушные удары по территории Сирии без согласования своих действий с Дамаском вызвало у российского руководства подозрения относительно стремления американцев таким образом ослабить позиции режима Асада в его борьбе с антиправительственной оппозицией, пользующейся поддержкой Вашингтона [13, с. 781].

30 сентября 2015 г. Россия, продолжая поддерживать Дамаск дипломатическими средствами, начала на сирийской территории военную операцию против ИГИЛ и других террористических группировок. Очевидно, что кроме борьбы с терроризмом действия Российской Федерации в Сирии являлись ответом на западное давление в связи с украинским кризисом, ставшим к тому времени основным раздражителем в российско-западных отношениях. Успех сирийской операции мог значительно усилить позиции России в украинском направлении.

Администрация Обамы отреагировала на действия Российской Федерации в САР неоднозначно. Сначала американцы попытались проигнорировать данный факт, но по мере успехов Москвы стали опасаться утраты своей политической инициативы в Сирии. Тем самым, на сирийской территории возник опосредованный российско-американский конфликт и были значительно повышены ставки в противостоянии России и США [40]. Стороны стали обмениваться обвинениями в адрес друг друга относительно истинных намерений. Русофобы в Вашингтоне квалифицировали военную операцию России в Сирии как проявление «имперского экспансионизма» Москвы, неразрывно связанного с «агрессивными» действиями Кремля в других регионах, в том числе в Украине. Так, министр обороны США Э. Картер обвинил Москву в том, что она «подливает масло в огонь» сирийского кризиса, на что С. В. Лавров ответил, что Россия полностью соблюдает международное право [16].

По мере возрастания успехов Воздушно-космических сил Российской Федерации в Сирии Соединенные Штаты Америки, по сути, развернули против России информационную войну в целях дискредитации ее успехов.

Представители Госдепартамента, Пентагона, спецслужб, а также американские СМИ значительно увеличили количество фейков о якобы имевших место бомбардировках российской авиацией мирного населения САР [13, с. 783].

Препятствия для налаживания российско-американского сотрудничества в Сирии во многом были обусловлены инерцией двусторонних отношений и отсутствием у сторон доверия, нежели столкновением стратегических интересов. Предпринятые в 2016 г. Москвой и Вашингтоном попытки достичь политического урегулирования в Сирии так и не увенчались успехом. Осенью Россия и США обвинили друг друга в срыве достигнутых ранее договоренностей. В условиях предстоящей смены американской администрации в связи с президентскими выборами Москва перестала связывать какие-либо надежды на компромиссное решение сирийской проблемы с администрацией Обамы.

После прихода к власти Д. Трампа у российского руководства появилась надежда на возобновление переговорного процесса по Сирии. Однако новый президент США был готов сотрудничать с Россией исключительно на своих условиях. К тому же он подвергся жесткому давлению и серьезной критике русофобски настроенных политических сил. Ярким примером подхода администрации Трампа к сирийской ситуации стала реакция Вашингтона на инцидент 4 апреля 2017 г. в пригороде Идлиба, связанный с применением химического оружия. В произошедшем эпизоде Соединенные Штаты сразу же обвинили режим Асада и в целях возмездия нанесли ракетный удар по авиабазе сирийских ВВС Шайрат. В ответ С. В. Лавров заявил, что Совет Безопасности ООН должен осудить действия Вашингтона. Правда, официальная позиция Кремля оказалась несколько более сдержанной. Через год ситуация повторилась. Д. Трамп, якобы из-за осуществленной 7 апреля 2018 г. режимом Асада химической атаки в Думе, приказал нанести еще один удар по целям в САР. Москва вновь осудила действия Вашингтона, обвинив противостоящие Дамаску силы в желании обострить военно-политическую ситуацию. При этом администрация Трампа не желала прямого военного столкновения с Россией из-за Сирии. Вашингтон и Москва хотели бы завершить сирийский конфликт, но на своих условиях, что вызывало у них разногласия [13, с. 785]. В результате на протяжении третьего президентства В. В. Путина Сирия оставалась одной из серьезных сфер противоречий в российско-американских отношениях.

Усиление конфронтации в российско-американских отношениях. Осенью 2016 г. часть российской элиты и экспертного сообщества стала надеяться на возможное улучшение российско-американских отношений в связи с победой на президентских

выборах в США Д. Трампа, который отмечал необходимость нормализации отношений с Россией. Москве импонировало, что он выступал против попыток переустройства мира Вашингтоном [32]. Однако многие в России понимали, что преодолеть американский политический мейнстрим, пресловутое «глубинное государство», Д. Трампу, несмотря на все его лестные заявления в адрес В. В. Путина и Российской Федерации и при всем его гипотетическом желании, будет очень сложно. Так в итоге и случилось. Враждебная повестка российско-американских отношений после прихода в Белый дом Д. Трампа делала их все более токсичными. Количество алармистских заявлений увеличивалось. Россию стали обвинять во «вмешательстве» в американские выборы 2016 г. 4 мая 2017 г. в Конгрессе США одобрили создание комитета по противодействию «скрытому влиянию России» [3].

Вашингтон продолжал проводить анти-российскую политику. В частности, России не были возвращены здания российских консульств и технические помещения в Нью-Йорке и Вашингтоне. Москва, не дождавшись позитивных сдвигов и не считая возможным далее откладывать меры в ответ на принятое еще администрацией Обамы решение о высылке 35 российских дипломатов, выдвинула свое требование сократить аппарат американских учреждений в Российской Федерации до количества сотрудников, имевшихся у России в США. В общей сложности это затронуло 755 человек — американцев и россиян, работавших в американском посольстве и консульствах. Кроме того, было сделано предписание о прекращении пользования американской дачей в Серебряном бору и складом в Деревянном переулке в Москве. В ответ на эти меры в августе 2017 г. по требованию Вашингтона было закрыто российское Генеральное консульство в Сан-Франциско и заблокированы здания торговых представительств в Вашингтоне и Нью-Йорке [1, с. 93].

Встреча президентов двух стран в рамках саммита «большой двадцатки» в Гамбурге 7—8 июля 2017 г. не дала ощутимого эффекта в плане нормализации российско-американских отношений. В. В. Путин и Д. Трамп обсудили ряд актуальных тем двусторонней и многосторонней повестки, в частности борьбу с международным терроризмом и возможное «вмешательство» России в американские выборы в 2016 г. Президент России категорически отверг обвинения в российском вмешательстве в процесс выборов в США. По итогам встречи В. В. Путин и Д. Трамп договорились о создании совместной рабочей группы по борьбе с киберугрозами, возобновлению диалога по Украине, обменялись мнениями по ядерной программе КНДР, а также достигли договоренности о прекращении огня в отдельных районах Сирии [22].

Вторая личная встреча президентов России и США состоялась 11 ноября 2017 г. в рамках саммита АТЭС во вьетнамском Дананге. Накануне российские дипломаты провели со своими американскими коллегами большую подготовительную работу по их убеждению согласиться с важными для России, но спорными для внутриамериканского политического дискурса позициями: по зонам деэскалации, присутствию Асада, призывам к оппозиции содействовать политическому урегулированию [26]. С 6 по 9 ноября российские официальные лица — пресс-секретарь президента Д. С. Песков, помощник президента Ю. В. Ушаков и министр иностранных дел С. В. Лавров — говорили о возможной встрече двух президентов в Дананге. Тем самым Москва надеялась на полноформатную встречу двух лидеров [31]. Однако официальный Вашингтон на этот счет молчал, хотя, конечно, встреча с В. В. Путиным была важна и для Д. Трампа с целью прояснить российскую позицию по КНДР, Сирии и Украине.

В общей сложности в Дананге В. В. Путин и Д. Трамп пересеклись в коротком формате — «на ногах», по выражению Ю. В. Ушакова, — четыре раза [31]. Они обсудили ситуацию в Сирии и согласились, что сирийский конфликт не имеет военного решения. Кроме того, они вновь затронули тему российского «вмешательства» в американские выборы. Поэтому состоявшийся личный контакт двух президентов российской стороной был воспринят как относительный успех [26]. Внешне все было позитивно — рукопожатия, совместная фотосессия и т. д. Хотя назвать переговорами эти мимолетные контакты при всем желании нельзя.

Как показали дальнейшие события, заявления президентов во многом оказались лишь декларациями о намерениях сторон. Русофобски настроенный политический истеблишмент США резко ограничил любые контакты Д. Трампа с руководством Российской Федерации из-за введенных антироссийских санкций и проводимой в США «охоты на ведьм» в поисках «невидимой руки» Кремля. Поэтому на протяжении 2017 — первой половины 2018 г. российско-американские отношения продолжали ухудшаться. Проходившие в указанный период встречи представителей России и США носили декоративный характер. Это свидетельствовало о существенных разногласиях сторон и недоверии друг к другу.

В принятой в 2017 г. администрацией Трампа Стратегии национальной безопасности США Россия была названа державой, бросающей

вызов американским интересам, стремящейся нанести ущерб процветанию и безопасности Соединенных Штатов [35, р. 8, 14, 25—26, 47]. В другом концептуальном документе — Оборонной стратегии США 2018 г. указывалось, что Российская Федерация как ревизионистская держава стремится перестроить мировой порядок, изменить региональные системы безопасности, а также препятствует демократизации соседних с ней стран [41, р. 1—2]. Тем самым, конфронтационная модель взаимодействия Москвы и Вашингтона продолжала набирать обороты.

Соединенные Штаты усилили давление на международные структуры и ряд стран, вынуждая их проводить антироссийский курс. После произошедшего в марте 2018 г. в английском Солсбери отравления Скрипалей, в котором обвинили Россию, российские дипломаты были высланы из ряда стран Запада. Больше всего (60 человек) из США, где в Сиэтле было закрыто еще одно Генеральное консульство Российской Федерации. В ответ Россия предприняла ответные шаги, выслав американских дипломатов и закрыв Генеральное консульство США в Санкт-Петербурге [1, с. 93—94].

Таким образом, в период третьего президентства В. В. Путина политика России на американском направлении по-прежнему носила реагирующий характер, а двусторонние отношения в целом находились на уровне избирательного партнерства. В 2012—2018 гг. Кремлю приходилось взаимодействовать с администрациями Обамы и Трампа, которые проводили недружественный курс в отношении Российской Федерации. За шесть лет российско-американские отношения шли по нисходящей линии, достигнув низшего уровня в своем развитии. Причиной конфронтации между Москвой и Вашингтоном стала жесткая позиция России в отстаивании национальных интересов страны, что усилило российско-американский антагонизм. Россия стремилась придерживаться реалистического подхода к взаимодействию с США, тогда как США все больше начинали руководствоваться идеологическими принципами, что в итоге привело двусторонние отношения к конфронтационному состоянию. Основными триггерами стремительного ухудшения российско-американских отношений в рассматриваемый период стали украинский и сирийский кризисы. В результате, несмотря на наличие общих интересов у Москвы и Вашингтона на мировой арене, конструктивное партнерство оказалось замороженным.

Список использованных источников

1. Бубнова, Н. И. Военно-политический курс США во втором десятилетии XXI века / Н. И. Бубнова. — М.: Полит. энцикл., 2021. — 647 с.
2. Бубнова, Н. Охлаждение в российско-западных отношениях. Назад в будущее? / Н. Бубнова // Междунар. процессы. — 2015. — Т. 13, № 4(43). — С. 135—152. (<https://doi.org/10.17994/IT.2015.13.4.43.10>)
3. В конгрессе США одобрили создание комитета по противодействию России [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 04.05.2017. — Режим доступа: <<https://ria.ru/20170504/1493640020.html>>. — Дата доступа: 25.08.2022.
4. Дипломатическое хамство. «Лента.ру» взвесила итоги саммита G20 [Электронный ресурс] // Lenta.Ru. — 17.11.2014. — Режим доступа: <<https://lenta.ru/articles/2014/11/17/great20/>>. — Дата доступа: 25.08.2022.

5. Заявление официального представителя МИД России А. К. Лукашевича в связи с развитием событий в Сирии и вокруг нее [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. — 06.05.2013. — Режим доступа: <https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1727045/>. — Дата доступа: 06.08.2018.
6. Звягельская, И. Ближневосточный клинч: конфликты на Ближнем Востоке и политика России / И. Звягельская. — М.: Аспект Пресс, 2014. — 208 с.
7. Зиновьева, Е. Встреча Путина и Обамы на полях «группы двадцати» в условиях «холодного мира» / Е. Зиновьева [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. — 25.11.2015. — Режим доступа: <<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vstrecha-putina-i-obamu-na-polyakh-gruppy-dvadsati-v-uslovi/>>. — Дата доступа: 09.06.2022.
8. Итоги международной конференции по Сирии «Женева-1». Досье [Электронный ресурс] // ТАСС. — 14.10.2013. — Режим доступа: <<http://tass.ru/politika/690267>>. — Дата доступа: 14.08.2018.
9. Клинтон, Х. Тяжелые времена / Х. Клинтон. — М.: Эксмо, 2016. — 736 с.
10. Концепция внешней политики Российской Федерации: [утв. Президентом Рос. Федерации 12 февр. 2013 г.] [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2022.
11. Косов, А. П. Белорусская историография внешней политики России / А. П. Косов [Электронный ресурс] // Постсоветские исследования. — 2020. — Т. 3, № 6. — С. 521–529. — Режим доступа: <https://e46c205d-83c7-4e8c-bb4b-8df266fbae81.filesusr.com/ugd/0206eb_76449c8c448e415793e54b507b0be0e4.pdf>. — Дата доступа: 14.08.2018.
12. Косов, А. П. Постсоветское пространство в российско-американских отношениях (первая четверть XXI в.) / А. П. Косов [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2022. — Т. 13, № 2 (112). (<https://doi.org/10.18254/S207987840019622-3>)
13. Косов, А. П. Сирийский фактор в российско-американских отношениях (2011–2018 гг.) / А. П. Косов // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Междунар. отношения. — 2018. — Т. 18, № 4. — С. 775–789. (<https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-4-775-789>)
14. Лаврову и Керри не удалось договориться по Крыму [Электронный ресурс] // Русская служба BBC. — 14.03.2014. — Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/international/2014/03/140314_ukraine_london_meeting>. — Дата доступа: 20.04.2022.
15. Межгосударственные отношения России и США [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 16.07.2018. — Режим доступа: <<https://ria.ru/20180716/1524431051.html>>. — Дата доступа: 18.04.2022.
16. МИД: Россия не согласна с оценкой Пентагона ее действий в Сирии [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 01.10.2015. — Режим доступа: <<https://ria.ru/world/20151001/1294747720.html?inj=1>>. — Дата доступа: 06.08.2018.
17. Никонов, В. А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? / В. А. Никонов. — М.: Эксмо, 2015. — 672 с.
18. Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / А. Г. Аксененко [и др.]; под ред. А. В. Лукина. — М.: Междунар. отношения, 2018. — 592 с.
19. Обращение Президента Российской Федерации [Электронный ресурс] // Сайт Президента Российской Федерации. — 18.03.2014. — Режим доступа: <<http://kremlin.ru/events/president/news/20603>>. — Дата доступа: 21.05.2017.
20. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 30 нояб. 2016 г. № 640 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2022.
21. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683 [Электронный ресурс] // Там же.
22. «Позитивная химия» и другие подробности встречи Путина и Трампа в Гамбурге [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 07.07.2017. — Режим доступа: <<https://ria.ru/20170707/1498097274.html>>. — Дата доступа: 31.06.2022.
23. Путин, В. В. Россия и меняющийся мир / В. В. Путин [Электронный ресурс] // Московские новости. — 27.02.2012. — Режим доступа: <<http://www.mn.ru/politics/78738>>. — Дата доступа: 07.08.2018.
24. Пушков, А. К. Противостояние. Обама против Путина / А. К. Пушков. — М.: Алгоритм, 2016. — 240 с.
25. Стент, А. Почему Америка и Россия не слышат друг друга? Взгляд Вашингтона на новейшую историю российско-американских отношений / А. Стент. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. — 464 с.
26. Сучков, М. Встреча Путина и Трампа в Дананге: не Reset, а Ctrl+Alt+Del / М. Сучков [Электронный ресурс] // Валдай. Международный дискуссионный клуб. — 12.11.2017. — Режим доступа: <<https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vstrecha-putina-i-trampa-v-danange/>>. — Дата доступа: 18.05.2022.
27. Торкунов, А. За что мы воюем в Сирии? / А. Торкунов [Электронный ресурс] // РСМД. — 09.12.2015. — Режим доступа: <<http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/za-chto-my-vouem-v-sirii/>>. — Дата доступа: 22.05.2016.
28. Хроника встреч Владимира Путина и Барака Обамы [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 28.09.2015. — Режим доступа: <<https://ria.ru/20150928/1280941537.html>>. — Дата доступа: 22.06.2022.
29. Черненко, Е. «Возврата к прежней модели не будет» / Е. Черненко [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. — 04.06.2014. — Режим доступа: <<http://www.kommersant.ru/doc/2486588>>. — Дата доступа: 23.05.2016.
30. Шумилин, А. И. Политика США на Ближнем Востоке в контексте «арабской весны» / А. И. Шумилин. — М.: Междунар. отношения, 2015. — 336 с.
31. Юанов, Б. Невстреча в Дананге / Б. Юанов, В. Абаринов [Электронный ресурс] // Новое время. — 13.11.2017. — Режим доступа: <<https://newtimes.ru/articles/detail/127744>>. — Дата доступа: 03.10.2021.
32. Bowman, M. Trump's Non-interventionism Could Split Republicans / M. Bowman [Electronic resource] // VOA. — 07.12.2016. — Mode of access: <<http://www.voanews.com/a/trump-non-interventionism-could-split-republicans/3627140.html>>. — Date of access: 28.03.2018.
33. McFaul, M. Confronting Putin's Russia / M. McFaul [Electronic resource] // The New York Times. — 24.03.2014. — Mode of access: <<https://www.nytimes.com/2014/03/24/opinion/confronting-putins-russia.html>>. — Date of access: 17.02.2022.
34. Mearsheimer, J. J. Why the Ukraine Crisis is the West's Fault / J. J. Mearsheimer [Electronic resource] // Foreign Affairs. — 2014. — Vol. 93, N 3. — Mode of access: <<https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault>>. — Date of access: 17.02.2021.
35. National Security Strategy of the United States of America. December 2017 [Electronic resource] // National Security Strategy Archive. — Mode of access: <<http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2017.pdf>>. — Date of access: 21.07.2021.
36. National Security Strategy. The White House. February 2015 [Electronic resource]. — Mode of access: <<https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2015.pdf>>. — Date of access: 09.07.2021.
37. Pifer, S. Crimea: Six Years after Illegal Annexation / S. Pifer [Electronic resource] // Brookings. — 17.03.2020. — Mode of access: <<https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/03/17/crimea-six-years-after-illegal-annexation/>>. — Date of access: 20.04.2022.
38. Putin, V. A Plea for Caution From Russia / V. Putin [Electronic resource] // The New York Times. — 11.09.2013. — Mode of access: <https://www.nytimes.com/2013/09/12/opinion/putin-plea-for-caution-from-russia-on-syria.html?hp&_r=0>. — Date of access: 05.08.2022.
39. Statement by the President on the Ukraine Freedom Support Act [Electronic resource] // The White House. President Barack Obama. — 18.12.2014. — Mode of access: <<https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/12/18/statement-president-ukraine-freedom-support-act>>. — Date of access: 25.08.2022.
40. Stent, A. Putin's Power Play in Syria. How To Respond To Russia's Intervention / A. Stent [Electronic resource] // Foreign Affairs. — 2016. — Vol. 95, N 1. — Mode of access: <<https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2015-12-14/putins-power-play-syria>>. — Date of access: 08.08.2018.
41. Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge [Electronic resource] // U.S. Department of Defense. — Mode of access: <<https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>>. — Date of access: 22.06.2019.
42. Ukraine Freedom Support Act of 2014 [Electronic resource] // U.S. Government Publishing Office. — Mode of access: <<http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/BILLS-113hr5859rds/pdf/BILLS-113hr5859rds.pdf>>. — Date of access: 14.02.2021.

Статья поступила в редакцию 31 августа 2022 г.

ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ДОКТРИН В 1991—2022 гг.

Евгения Мацулевич

В статье рассмотрены основные принципы внешнеполитических доктрин администраций президентов США с 1991 по 2022 г., выявлена преемственность их основополагающих пунктов. В контексте сменяемости президентских внешнеполитических доктрин определено, как этот процесс влиял на политику Вашингтона на постсоветском пространстве и позицию в отношении интеграционных процессов в регионе. Сделан вывод, что в основу внешнеполитических доктрин США рассматриваемого периода положено стремление к глобальному лидерству, что влияло на политику США в отношении постсоветской интеграции. Определена эволюция позиции Вашингтона в отношении неамериканских интеграционных проектов в регионе: от нейтральной при Дж. Буше-ст. до негативной реакции на политическую и экономическую интеграцию, начиная с Дж. Буша-мл.

Ключевые слова: американская внешнеполитическая доктрина; Б. Обама; Дж. Байден; Дж. Буш-мл.; Дж. Буш-ст.; «доктрина Лейка»; Д. Трамп; новые независимые государства; постсоветская интеграция; постсоветское пространство; США; У. Клинтон.

«U.S. Policy Regarding Post-Soviet Integration in the Context of the Transformation of Presidential Foreign Policy Doctrines in 1991—2022» (Evgeniya Matsulevich)

The article discusses the basic principles of foreign policy doctrines of the US presidents from 1991 to 2022, the continuity between their fundamental points revealed. In the context of the replacement of presidential foreign policy doctrines, it is determined how this process influenced Washington's policy in the post-Soviet space and its position regarding integration processes in the region. It is concluded that US foreign policy doctrines are based on the desire for global leadership, which influenced the US policy regarding post-Soviet integration. The evolution of Washington's position on non-American integration projects in the region is determined: from neutral under George H. W. Bush to a negative reaction to political and economic integration, starting with George W. Bush.

Keywords: American foreign policy doctrine; B. Obama; D. Trump; George H. W. Bush; George W. Bush; J. Biden; «Lake doctrine»; new independent states; post-Soviet integration; post-Soviet space; USA; W. Clinton.

Внешнеполитические доктрины США отличаются своей продуманностью и идеологической силой, влияющей на общественное сознание как внутри страны, так и за ее пределами. Это — инструмент, который американские президенты используют для обоснования своих внешнеполитических решений и поддержания позитивного имиджа среди граждан и на международной арене. Выработка тех пунктов, которые будут положены в основу доктрины, зависит от внутри- и внешнеполитических условий времени, а также целей ее создания. После выработки доктрины проводится кампания по ее оглашению с целью заручиться общественной поддержкой. Именно поэтому в основу доктрин закладываются глобальные понятия позитивного характера

(демократия, мир, защита) и гибкие лозунги. Закрепленные в политических кругах и общественном сознании, под принципы принятой доктрины должны отныне подходить все внешнеполитические действия страны, в том числе она становится основой стратегии национальной безопасности. Цель данной статьи — проследить, как в процессе трансформации президентских внешнеполитических доктрин менялось отношение к постсоветской интеграции после окончания «холодной войны».

В историографии обширно представлены различные аспекты внешнеполитической деятельности США, в том числе политика Вашингтона на постсоветском пространстве, однако отсутствуют фундаментальные работы, в которых проводится анализ позиции американцев

Автор:

Мацулевич Евгения Васильевна — аспирант кафедры историко-культурного наследия Республики Беларусь Республиканского института высшей школы, e-mail: evgeniya.maculevich@mail.ru
Республиканский институт высшей школы. Адрес: 15, ул. Московская, Минск, 220007, БЕЛАРУСЬ

Author:

Matsulevich Evgeniya — post-graduate student of the Department of Historical and Cultural Heritage of Belarus, National Institute for Higher Education, e-mail: evgeniya.maculevich@mail.ru
National Institute for Higher Education. Address: 15, Moskovskaya str., Minsk, 220007, BELARUS

в отношении постсоветской интеграции. Исключение составляет диссертация украинского исследователя С. Ю. Гвоздкова [5]. Однако временные рамки работы завершаются 2014 г., последующие события в исследовании не представлены. Кроме того, тематика ограничена интеграционными проектами России.

Среди публикаций российских авторов теме политики США в отношении постсоветской интеграции непосредственно посвящены работы М. В. Братерского [3] и А. В. Кузнецова [11]. Изучению позиции американского научно-академического сообщества в отношении постсоветской интеграции посвящена статья В. Н. Вивьер [4]. В отечественной историографии тема представлена в главе монографии А. П. Косова, но раскрывает только российско-белорусскую интеграцию [10].

Выявить позицию Вашингтона в отношении постсоветской интеграции невозможно в отрыве от анализа общей внешнеполитической концепции Соединенных Штатов. Среди работ белорусских исследователей по этой теме выделим монографию А. А. Плащинского [16]. Анализ внешнеполитических доктрин и стратегий США проведен также рядом российских исследователей [1; 8; 12; 19]. Наиболее полно тема раскрыта американскими аналитиками внешней политики и международных отношений: в первую очередь такие труды представлены статьями экспертов ведущих неправительственных организаций, которые появлялись не в качестве исторического очерка спустя определенное количество лет, а сразу по ходу происходящих событий и принятия Белым домом тех или иных внешнеполитических решений [21; 23; 29; 31; 32; 34; 37].

Таким образом, несмотря на большое количество работ, посвященных основам американской внешней политики, а также ее реализации, в них не раскрывается, как доктрины внешней политики США влияли на позицию Вашингтона в отношении постсоветской интеграции.

Дискуссионным остается вопрос, было ли окончание «холодной войны» предсказуемым для Соединенных Штатов. Компромиссной является точка зрения, что Вашингтон этого ожидал, но в отдаленной перспективе, а не в 1991 г. Это объясняет длительное отсутствие (до 1993 г.) стратегии национальной безопасности США, учитывающей новые реалии расстановки сил в мире, а также сдержанную политику Белого дома по включению постсоветского пространства в свою сферу влияния, одобрение лидирующей роли России в Содружестве Независимых Государств (СНГ), ряд «упущенных возможностей».

Американские и российские исследователи сходятся во мнении, что Вашингтон при Дж. Буше-ст. был не готов отказаться от биполярной системы международных отношений в своей внешнеполитической стратегии. Аме-

риканский исследователь Б. Шварц оценивает общий подход американского руководства, Пентагона и Государственного департамента к новой Стратегии национальной безопасности как стремление «сохранить статус-кво» [34, р. 182], имея в виду перенос дискурса и установок, используемых ранее в отношении Советского Союза, на новые независимые государства. Действительно, для Стратегии национальной безопасности 1993 г. характерно восприятие этих стран в тесной привязке к их советскому прошлому. Кроме того, Дж. Буш-ст. перенял подход Р. Рейгана, использовавшего стратегию «распространения демократии» как средство «вытеснения коммунистической идеологии и утверждения американского влияния» в мире [1, с. 208]. Несмотря на то, что Соединенные Штаты позиционировали себя в качестве победителя в «холодной войне» и подчеркивали, что главный их враг потерпел поражение, неизменным остался главный подход США — обращение к образу врага при оценке ситуации на постсоветском пространстве: бывшие советские республики могут нести угрозу национальной безопасности и интересам США, если будут развиваться по недемократическому (непроамериканскому) пути. Таким образом, новой внешнеполитической доктрины выработано не было, а постсоветская интеграция, по тем меркам отвечающая интересам США, так как отдельные статьи договора о создании СНГ давали гарантию поддержания странами-участницами международной безопасности и сокращения вооружений, не привлекала к себе внимание. Однако уже тогда США декларировали свою приверженность концепции «распространения демократии», что выразилось в оказании материальной помощи новым независимым государствам. Впоследствии именно этот подход станет основой доктрин «Лейка», «Клинтона», «Буша», «Обамы», внешней политики Д. Трампа и Дж. Байдена.

Политика первой администрации У. Клинтона в международных делах основывалась на позициях предшествующей администрации, однако отдельные пункты и общие подходы получили свое дальнейшее развитие. Корректирование внешнеполитической стратегии традиционно было не только связано с событиями в сфере международных отношений и новыми внешними вызовами, но и продиктовано внутренними процессами в США. В первую очередь У. Клинтон был вынужден бороться с экономическим спадом, что требовало корректирования расходов на внешнеполитические нужды и, как следствие, стратегии внешней политики.

Курс 42-го президента США в отношении постсоветского пространства и в целом внешней политики начал оформляться во время предвыборной гонки. Главный упор У. Клинтон сделал на решение социальных и экономи-

ческих проблем, которые волновали избирателей больше всего (для простых американцев недовольство экономической ситуацией и внутренней политикой было важнее, чем победа в «холодной войне» [31, р. 2]), пытаясь выработать идейные основы той стратегии внешней политики, которая удовлетворила бы общественность и не вредила американским интересам, связанным с необходимостью не потерять постсоветское пространство из виду и включить его в сферу своего влияния. В отличие от Дж. Буша-ст., апеллировавшего к теме безопасности, У. Клинтон продвигал идею распространения демократии, подкрепляя ее тезисом, что только в окружении демократий сохранится демократия в США [21, р. 26]. Тем самым будущий президент развил тот подход, который был обозначен в Стратегии национальной безопасности 1993 г.: США должны взять на себя миссию по защите и установлению демократии во всем мире. В рамках концепции «продвижения демократии» президент заявил о необходимости проводить демилитаризацию постсоветского пространства, наращивать инвестиции в страны Восточной Европы, а также сформировать Демократический корпус для работы за границей [31, р. 10].

В начале президентского срока администрация У. Клинтона развивала те тезисы, с которыми кандидат от демократической партии выиграл выборы. 21 сентября 1993 г. помощник президента США по национальной безопасности Э. Лейк огласил концепцию «расширения демократии» («доктрина Лейка»), согласно которой США должны были сделать приоритетом своей внешней политики содействие демократизации бывших социалистических стран Евразии, чтобы укрепить свое влияние среди новых независимых государств. Эта идея стала связующим звеном между стратегиями национальной безопасности 1993 и 1994 гг. Неизменным остался тезис о том, что новые независимые государства должны быть включены в мир западных демократий. В практическом же плане «доктрина Лейка» означала перенос внимания Вашингтона с России и первостепенного финансирования реформ в ней на оказание помощи малым и средним странам Восточной Европы [2, с. 372]. В условиях финансовых затруднений в Соединенных Штатах возникла необходимость ответить на вопрос, являлась ли прежняя политика оказания финансовой помощи бывшим советским республикам эффективной и отвечающей американским интересам. «Доктрина Лейка» ответила на этот вопрос отрицательно. Тем самым был изменен и подход к центрообразующей роли России в СНГ.

По мере непредсказуемости российской внешней политики в Конгрессе против программы помощи Российской Федерации выступили обе партии [24], по сути, поддержав

«доктрину Лейка». Вместе с тем руководство США понимало, что постсоветское пространство является зоной американских интересов, но влияние России там велико, а у Вашингтона недостаточно ресурсов на масштабное финансирование прозападных реформ в каждой новой независимой стране. Исходя из этих позиций и «доктрины Лейка» звучали предложения, которые учитывали наличие и возможную выгоду для Соединенных Штатов интеграционных объединений на постсоветском пространстве. Распространение получило заявление американского историка Дж. Х. Биллингтона, в котором была выдвинута идея создать подобный Плану Маршалла механизм, в который были бы привлечены США, страны СНГ и государства — участники G7 для координации усилий по экономическому и политическому развитию стран бывшего СССР [27, р. 6536]. Констатировалось также, что реформы в России не должны проходить в ее изоляции от других стран бывшего СССР и она должна стать двигателем демократических изменений в постсоветском регионе [27, р. 6545].

Второй президентский срок У. Клинтона отличался большей вовлеченностью во внешнюю политику и ее активностью. Именно в этот период можно говорить об оформлении «доктрины Клинтона», в которой, по замечанию белорусского исследователя А. А. Плащинского, была утверждена концепция «глобального лидерства», несмотря на то, что идея о необходимости глобальной вовлеченности США распространялась в американском обществе и ранее [16, с. 28]. Более активная внешнеполитическая позиция была определена в Стратегии национальной безопасности США 1998 г. Если в 1994 г. в ней говорилось о «поддержании демократии за рубежом», то теперь речь шла о «создании демократии в других странах», т. е. активной деятельности США в отношении других стран, в том числе без учета их позиции [7, с. 78].

В рамках новой доктрины начался пересмотр российской и евроатлантической сфер влияния. Политики США понимали, что такой ход — вызов внешнеполитической стратегии Москвы. В этой связи расширение Североатлантического альянса (НАТО) вызвало споры как среди республиканцев, так и среди демократов, что оценивалось как «симптом национальной неразберихи» («*symptom of national confusion*») [35, р. 1]. Спорным выглядело и обоснование такой необходимости российской угрозой: ведущие аналитики мира из Центра стратегических и международных исследований США (CSIS) оценивали перспективу распространения российских имперских амбиций на «ближнее зарубежье» как маловероятную даже после расширения НАТО, несмотря на то, что, по всей видимости, будут создаваться военные союзы между Россией и новыми незави-

симыми государствами [28, р. 5—6]. Однако с учетом апеллирования к доктринально оформленному принципу мессианства США в деле демократизации постсоветского пространства активизация внешней политики Москвы, в том числе углубление российско-белорусской интеграции, т. е. сотрудничество с А. Г. Лукашенко, который американцами оценивался как нелегитимный, и появление в российском политическом дискурсе идеи евразийства американскими политиками подавались как стремление Кремля отойти от вестернизации и модернизации по западному образцу. Истинная же причина недовольств крылась в угрозе американским интересам. Были затронуты как политические интересы США в регионе, так как евразийская политика превращала Москву в регионального конкурента Вашингтона, так и экономические: российско-белорусская интеграция открывала путь мощным нефтегазовым компаниям России к строительству трубопровода на Запад через Беларусь, а азиатская политика затрагивала регион Каспийского моря [28, р. 4].

В конце XX в. рассмотрение новых путей внешней политики стало актуальным ввиду подрыва в 1999 г. авторитета администрации У. Клинтона после скандала о российских аферах с деньгами, полученными в качестве американской помощи [25]. В отличие от выборов 1992 и 1996 гг., еще на партийных праймериз 2000 г. республиканцы в своей платформе вынесли внешнюю политику на первое место. В дальнейшем главным фактором, который способствовал американскому интервенционизму, стали теракты 11 сентября 2001 г. После них была оформлена «доктрина Буша», которая сводилась к формуле: американский превентивный удар + принцип «или вы с нами, или вы против нас» + отход от «доктрины Трумэна» (сдерживания) + обращение к «доктрине Рейгана» (поддержка борцов за свободу) [37]. В содержательном плане такая стратегия предполагала американские превентивные удары, односторонние действия США, тезис о том, что внешнеполитическое поведение страны зависит от политического режима (отсюда — выделение стран с недемократическими режимами в «ось зла» и необходимость установления демократии по всему миру для стабилизации международной обстановки и безопасности), реализацию идеи глобального лидерства США через право действовать вне общих правил [6, с. 88, 91; 18]. По оценке А. А. Плащинского, «доктрина Буша основывалась на синтезе... ценностей неоконсерваторов и идей Лео Штрасса (1899—1973)... сторонника идей троцкизма и доктрины “перманентной революции” (мировой революции)», что легло в основу концепций, которыми руководствовалась новая администрация: «преэмптивной войны», «смены режима», «гуманитарной интервенции» [16, с. 105—106].

После 11 сентября 2001 г. взаимодействие с постсоветским регионом должно было укладываться в новую концепцию внешней политики США, направленную на борьбу с терроризмом. Это диктовало особый статус России как главного партнера в данной миссии. Примечательно, что американская политическая элита, в том числе президент, высказывались о дружеских отношениях Вашингтона и Москвы, исходя из того, что Россия будет включена в западный мир, интегрирована в евроатлантическое сообщество.

В связи с тем, что США усилили свое внимание к России, анализу подвергались внешнеполитические действия этой страны. Именно под влиянием изменений в поведении российского руководства в регионе постепенно менялось американское отношение к процессу постсоветской интеграции. После того как в 2000 г. было создано Евразийское экономическое сообщество, в 2002 г. — Организация Договора о коллективной безопасности, в 2003 г. подписано соглашение о создании Единого экономического пространства, стало очевидно, что любой интеграционный проект, инициируемый Кремлем, не может отвечать американским интересам и будет рассматриваться как политический, ведущий Россию к доминированию в регионе. Опасения вызвала и активизация Китая (в 2001 г. была создана Шанхайская организация сотрудничества). Инструментом, который должен был подорвать постсоветскую неподконтрольную США интеграцию, виделась Всемирная торговая организация, вступление России и Украины в которую США активно поддерживали.

Исходя из обоснования своих внешнеполитических действий теми принципами, которые легли в основу «доктрины Буша», вмешательство США в дела региона стало прямым и активным. Это выразилось в поддержке прозападных настроений в Грузии и Украине, увеличении контактов с руководством стран Центральной Азии, анализе военных и оборонных возможностей центральноазиатских республик (после такого мониторинга Соединенные Штаты могли оказать военную помощь и размещать базы НАТО на территории этих стран, аргументируя свои действия их недостаточной защищенностью собственными силами), поддержке Организации за демократию и экономическое развитие, зародившейся еще при У. Клинтоне, одобрении энергоресурсного проекта «Баку — Джейхан» (несмотря на непостоянность позиции Дж. Буша-мл.), прямом декларировании К. Райс (госсекретарь в 2005—2009 гг.) законности интересов США на постсоветском пространстве.

При Б. Обаме обозначенный внешнеполитический курс был продолжен, однако сдерживающим фактором стремления США включаться в политические процессы по всему миру являлись рост государственного долга и

истощение американских ресурсов после финансового кризиса 2007—2008 гг. Основное внимание новый президент должен был уделять тем пунктам своей программы, за счет которых он получил голоса избирателей. В связи с этим сразу же после инаугурации 44-й президент взял курс на увеличение рабочих мест для американцев. Ключевыми программами стали Закон о восстановлении и реинвестировании (*American Recovery and Reinvestment Act of 2009 (ARRA)* [22]) и реформа здравоохранения.

Акцентируя внимание простых граждан на социальной политике администрации президента, внешнеполитические дела Белый дом освещал в меньшей степени. Тем не менее, внешняя политика оставалась важным направлением для руководства страны, так как, как отметили некоторые американские аналитики, «доктрина Буша» нанесла ущерб репутации США как глобальному символу демократии [23]. Сам Б. Обама отзывался о ней также нелестно. Еще до избрания на президентский пост он высказал свои взгляды о внешнеполитической доктрине США после окончания «холодной войны». По его мнению, «в глазах общественности внешнеполитическому курсу девяностых не доставало четкого стержня или великих императивов» [13, с. 323]. Программы после терактов 11 сентября 2001 г. не появилось, исполнялся лишь «набор устаревших политических стратегий из прошлых эпох... „империя зла“ Рейгана теперь стала „осью зла“, версия Рузвельта доктрины Монро — идея, что мы можем смещать неудобные нам правительства, — стала ныне доктриной Буша, только теперь она распространялась за пределы Западного полушария и охватывала весь мир» [13, с. 326], «...почти через 5 лет после 11 сентября и через 15 лет после распада Советского Союза у Соединенных Штатов по-прежнему нет последовательной политики обеспечения национальной безопасности» [13, с. 336—337].

Будучи еще сенатором, Б. Обама выдвигал ряд пунктов, которые он хотел бы положить в основу новой внешнеполитической стратегии: «возврат к изоляционизму... работать не будет» [13, с. 337—338]; «условия безопасности, с которыми мы сталкиваемся сегодня, фундаментально отличаются от тех, что существовали 50, 25 или даже 10 лет назад» [13, с. 339]; опасность исходит от «слабых и развивающихся государств, деспотичного правления, коррупции и хронического насилия, от стран, в которых подавляющее большинство населения живет в нищете, необразованно и отрезано от мировой информационной сети, из мест, где правители боятся, что глобализация ослабит их власть, подорвет традиционную культуру или вытеснит местные институты» [13, с. 340]; «от соблюдения международных „правил дорожного движения“ никто не получит столько

пользы, сколько мы» («у нас есть право предпринимать односторонние военные акции для ликвидации непосредственной угрозы нашей безопасности при условии, что под непосредственной угрозой понимается страна, группировка либо личность, которая активно готовится нанести удар по объектам США (или союзников, с которыми США имеют взаимное соглашение об обороне) и имеет или получит возможность нанести этот удар в ближайшем будущем») [13, с. 344—345]; не столько предотвращать войну, сколько содействовать делу мира [13, с. 351]. Эти пункты оформили «доктрину Обамы», в основе которой — стремление к глобальному управлению под лозунгом защиты национальных интересов и борьбы с новыми вызовами и угрозами [16, с. 106]. Концепция «оси зла» как составляющей внешнеполитической стратегии США уступила место концепции «справедливой войны» (представлена Б. Обамой в нобелевской речи 2009 г.) [16, с. 106].

Новая концепция стала активно продвигаться среди общественности с помощью публичной дипломатии — еще одной составляющей «доктрины Буша», — делая ее важной для простых граждан, поддерживая в их сознании мессианское предназначение США. Р. Каган обратил внимание, что американские СМИ «списали» со счетов заслуги Дж. Буша-мл. и выгодно противопоставляли ему Б. Обаму. Так, *The Washington Post* отмечала замену жесткой политики борьбы с терроризмом Дж. Буша-мл. «мягкой силой» Б. Обамы, игнорируя то, что «администрация Обамы отправляет 17 000 военнослужащих в Афганистан, значительно расширяет атаки беспилотников *Predator* в Пакистане и соглашается на график вывода войск в Ираке, едва ли отличающийся от того, что могла бы иметь третья администрация Дж. Буша-мл. (с тем же министром обороны)» [29]. Р. Каган назвал такие действия администрации, т. е. искажение фактов в СМИ, притворством (будто новая администрация действительно радикально пересмотрела прежний подход) («*selling the pretense of radical change*»). Причиной же являлось стремление показать революционность своих действий [29].

По сути, новая доктрина не была столь революционной. Ее основания и цели были заложены в «доктрине Буша» и продолжали политику У. Клинтона. В 1999 г. У. Клинтон осуществил ряд мероприятий по продвижению публичной дипломатии, к которой стали апеллировать последующие президенты, в частности реорганизовал Госдепартамент, создав в его структуре отдел публичной дипломатии и публичной политики [20, с. 250]. Во второй президентский срок Дж. Буша-мл. строгая и агрессивная «доктрина Буша» постепенно стала уступать место «трансформационной дипломатии» («*Transformational Diplomacy*»)

К. Райс, теоретически представленной в Стратегическом плане на 2007–2012 гг., согласно которому демократические режимы должны были объединить усилия по мировой демократизации и либерализации [36, р. 48]. Тем самым был заложен переход к «мягкой силе», продвигаемой Б. Обамой.

«Революционная» «доктрина Обамы» не изменила главную составляющую внешнеполитического поведения США — стремление к глобальному лидерству. Белый дом намеревался участвовать в делах различных регионов, чтобы распространить и закрепить там свою сферу влияния. Как отмечали американские эксперты, «с помощью публичной дипломатии и бюрократических реструктуризаций администрация Обамы меняет внешнюю политику США. Новый акцент на сотрудничестве с развивающимися державами и негосударственными субъектами занимает центральное место в этих усилиях» [32]. В рамках этого подхода было продолжено финансирование неправительственных организаций (курс, намеченный по итогам «цветных революций»), звучали активные призывы ускорять и углублять демократические реформы к Украине и центральноазиатским странам, в которых установились прозападные режимы, был дан импульс проамериканским интеграционным проектам. В 2015 г. с участием Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и США была организована площадка «С5+1» [38], представляющая собой альтернативу экономической интеграции под эгидой России [9, с. 158].

Российско-украинский конфликт 2014 г. был использован для подрыва российско-белорусской интеграции. Белорусский нейтралитет, осуждение большей частью делегатов страны на Парламентской ассамблее Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе «агрессии России против Украины» в 2017 г. [17], а также события 2015 г., подаваемые прессой как конфликт Минска и Москвы на фоне отказа разместить на территории республики российские военные базы, были расценены Вашингтоном как готовность Беларуси отойти от сотрудничества с Россией. Минск стал восприниматься Вашингтоном как возможный партнер по антироссийской позиции, о чем свидетельствует анализ американскими экспертами ряда кризисов в российско-белорусских отношениях и, в частности, введение в 2016 г. в Беларуси новой военной доктрины, которая, по мнению аналитиков США, подразумевает, хотя и неоткрыто, что не только НАТО, но и Россия представляют собой серьезную угрозу белорусской безопасности. Американцами декларировалось, что нестабильность в отношениях Беларуси и России может служить интересам США [33]. На фоне этого снизилась критика «недостаточной демократичности» политической обстановки в Беларуси: если американское руководство на-

меревалось наладить белорусско-американское сотрудничество, то в общественном сознании США это должны были быть отношения между двумя демократиями, принцип чего составлял базу американской внешнеполитической доктрины.

В деятельности последующих президентов, Д. Трампа и Дж. Байдена, в меньшей степени просматривается следование какой-либо четко обозначенной доктрине. Их внешней политике приписывают черты непоследовательности и импульсивности, а также изоляционизма, что спорно. Лозунг Д. Трампа «Америка прежде всего» явился выражением традиционного для США стремления к глобальному лидерству, ведущего к «торговым войнам с Китаем» и противостоянию с Россией. Был продолжен курс на подрыв российско-белорусской интеграции и деятельности Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Об этом свидетельствуют такие действия Вашингтона, как стремление наладить диалог с Минском и развитие площадки «С5+1». Визиты советника по национальной безопасности в 2018–2019 гг. Дж. Болтона, заместителя государственного секретаря по политическим вопросам в 2018–2021 гг. Д. Хейла и государственного секретаря в 2018–2021 гг. М. Помпео в Беларусь составили пик «оттепели» белорусско-американских отношений, который пришелся на 2019 — начало 2020 г. [14; 15]. Визит М. Помпео планировался и осуществлялся параллельно с развитием договоренностей А. Г. Лукашенко и В. В. Путина об углублении интеграции в начале 2020 г. [14; 15]. Продолжение такого курса американской политики стало невозможным в 2021 г. на фоне ряда новых договоренностей по углублению российско-белорусского сотрудничества. Более успешным оказался курс по составлению конкуренции ЕАЭС с помощью платформы «С5+1», которая с 2016 г. демонстрировала тенденцию разработки совместных экономических проектов, замены российского и китайского влияния американским и принятия формы, экономически близкой платформе ЕАЭС [9, с. 158].

После избрания Дж. Байдена политика США на постсоветском пространстве потеряла свою активность, ограничившись российско-американским противостоянием и поддержкой прозападных настроений в ряде новых независимых государств. Американские исследователи сошлись во мнении, что Стратегия национальной безопасности 2022 г. демонстрирует намерение Белого дома сконцентрироваться на внутренних проблемах в стране, противостоянии Китаю, отстаивании своих интересов на Ближнем Востоке, политике альянсов [26]. Особое значение при этом отводится американской политике интегрированного, или комплексного, сдерживания (*Integrated Deterrence*), предусматривающего решительное противодействие международ-

ным конфликтам, угрожающим интересам США, единый курс действий американских политических структур, а также тесное сотрудничество с союзниками, странами и регионами во всех сферах против общих противников и конкурентов [30, р. 22]. Такая политика в перспективе может перерасти в американские интеграционные объединения, направленные на конкуренцию с международными проектами и союзами геополитических конкурентов США, несмотря на то, что в настоящее время активных шагов в этом направлении не предпринимается.

Таким образом, после окончания «холодной войны» каждая новая администрация выработывала свою внешнеполитическую доктрину, которая преследовала традиционную цель США — глобальное лидерство. Начиная со Стратегии национальной безопасности 1993 г. Дж. Буша-ст., в последующих доктринах «Лейка», «Клинтона», «Буша», «Обамы», внешней политике Д. Трампа и Дж. Байдена Белый дом брал на себя миссию по демократизации постсоветского пространства, что влияло на политику США в отношении постсоветской интеграции.

Отсутствие новой внешнеполитической доктрины при Дж. Буше-ст. обусловило ней-

тральную позицию Вашингтона в отношении постсоветской интеграции, принятие СНГ, которое отвечало американским интересам в регионе. Необходимость стабилизировать социально-экономическую обстановку в США, а также замедление темпов демократизации постсоветского пространства, отсутствие такого ожидаемого результата, достичь который планировалось через первостепенное реформирование России, сказалось на характере «доктрины Лейка», в рамках которой предлагалось обратить внимание на выгоду постсоветской интеграции для новых независимых государств и США. «Доктрина Клинтона», отличающаяся большей внешнеполитической активностью, заложила основу пересмотра евроатлантической и российской сфер влияния, что вело к критике российских интеграционных проектов. Радикальная «доктрина Буша» обосновывала американское вмешательство в дела бывших республик СССР, что прямо или косвенно было направлено на подрыв действующих интеграционных проектов на постсоветском пространстве, инициируемых не Союзенными Штатами. Официально отрицая подобный радикализм, последующие доктрины имели аналогичный характер воздействия под лозунгами «мягкой силы».

Список использованных источников

1. Белевцева, С. Н. Стратегия «распространения демократии» как механизм достижения американских внешнеполитических целей (конец 1980-х — первая половина 1990-х гг.) / С. Н. Белевцева // Самар. науч. вестн. — 2019. — Т. 8, № 1 (26). — С. 208—213. (<https://doi.org/10.24411/2309-4370-2019-11215>)
2. Богатуров, А. Д. История международных отношений. 1945—2017: учеб. пособие для студентов вузов / А. Д. Богатуров, В. В. Аверков. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2017. — 560 с.
3. Братерский, М. В. Политика США в отношении постсоветской интеграции / М. В. Братерский // США и Канада: экономика, политика, культура. — 2013. — № 6 (522). — С. 3—16.
4. Вивьер, В. Н. Освещение евразийской интеграции в научно-академическом дискурсе США / В. Н. Вивьер // Коммуникология. — 2019. — Т. 7, № 1. — С. 33—42.
5. Гвоздков, С. Ю. Еволюція позиції США щодо інтеграційних проектів Росії на пострадянському просторі (1991—2014 рр.): дис. ... канд. іст. наук: 07.00.02 / С. Ю. Гвоздков. — Київ, 2016. — 195 л.
6. Гвоздков, С. Ю. Формування концептуальних засад політики адміністрацій Дж. У. Буша щодо держав пострадянського простору / С. Ю. Гвоздков // Гілея. — 2015. — Вип. 99. — С. 88—92.
7. Журбей, Е. В. Стратегия национальной безопасности США в 90-е гг. XX в. / Е. В. Журбей // Ойкумена. Регионовед. исследования. — 2015. — № 2 (33). — С. 75—108.
8. Колобов, О. А. Доктринальные основы внешней политики США при администрациях Дж. Буша-мл. и Б. Обамы / О. А. Колобов, Ю. В. Тумина // Вестн. ННГУ. — 2012. — № 1 (1). — С. 277—284.
9. Косов, А. П. Подходы США к Беларуси, Казахстану и Центральной Азии как отражение политики Вашингтона в отношении ЕАЭС / А. П. Косов, Е. В. Мацулевич // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 21—22 мая 2020 г. — Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2020. — С. 157—159.
10. Косов, А. П. Современные белорусско-российские отношения: восприятие и оценки политиков, экспертов, СМИ и общественности Беларуси, России, Украины и стран Запада: монография / А. П. Косов. — Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2020. — 315 с.
11. Кузнецов, А. В. Влияние политики США на ЕАЭС / А. В. Кузнецов // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. — 2020. — № 3-1. — С. 192—194.
12. Михалёв, Ю. А. Значение Доктрины Монро в формировании американской стратегической культуры / Ю. А. Михалёв, Е. В. Звощик // Вестн. Москов. гос. лингвист. ун-та. Обществ. науки. — 2018. — № 1 (794). — С. 52—59.
13. Обама, Б. Дерзость надежды: мысли о возрождении американской мечты / Б. Обама; пер. с англ. Т. Камышниковой, А. Митрофанова. — СПб.: Азбука-классика, 2008. — 416 с.
14. Обзор итогов внешней политики Республики Беларусь и деятельности Министерства иностранных дел в 2020 году [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — Режим доступа: <<https://mfa.gov.by/publication/reports/d6f0d673cf6b1664.html>>. — Дата доступа: 11.08.2022.
15. Обзор итогов внешней политики Республики Беларусь и деятельности Министерства иностранных дел в 2019 году [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — Режим доступа: <<https://mfa.gov.by/publication/reports/d850d69242f0c67a.html>>. — Дата доступа: 11.08.2022.
16. Плащинский, А. А. Парадигма нового мирового порядка во внешнеполитической стратегии США: формирование и развитие: монография / А. А. Плащинский; под науч. ред. С. Князева. — Минск: МИТСО, 2017. — 291 с.

17. Политика Лукашенко по отдалению от России уже ни для кого не секрет [Электронный ресурс] // Eurasia Daily. — 10.07.2017. — Режим доступа: <<https://eadaily.com/ru/news/2017/07/10/politika-lukashenko-po-otdaleniyu-ot-rossii-uzhe-ni-dlya-kogo-ne-sekret>>. — Дата доступа: 08.04.2020.
18. Соловей, Ф. Д. Политика администрации Дж. Буша-мл. и первой администрации Б. Обамы в отношении Российской Федерации и стран СНГ (2001–2012 гг.): сравнительный анализ // Сравнительная политика. — 2017. — Т. 8, № 3. — С. 72–95. (<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-3-72-95>)
19. Фархутдинов, И. З. От Монро до Трампа: доктрина США о превосходящем военном ударе и международное право / И. З. Фархутдинов [Электронный ресурс] // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2017. — № 3. — С. 36–51. — Режим доступа: <<http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/679>>. — Дата доступа: 01.08.2022.
20. Ширяев, Б. А. Внешняя политика США. Принципы, механизмы, методы: курс лекций / Б. А. Ширяев. — 2-е изд. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. — 442 с.
21. A Democrat Lays Out His Plan: a New Covenant for American Security [Electronic resource] // Harvard International Review. — 1992. — Vol. 14, N 4. — P. 26–28, 62–64. — Mode of access: <<https://www.jstor.org/stable/42761053>>. — Date of access: 18.12.2021.
22. American Recovery and Reinvestment Act of 2009 (February 17, 2009) [Electronic resource] // Congress.gov. — Mode of access: <<https://www.congress.gov/111/plaws/publ5/PLAW-111publ5.pdf>>. — Date of access: 11.12.2022.
23. Carothers, T. Democracy Promotion Under Obama: Finding a Way Forward / T. Carothers [Electronic resource] // Carnegie: Endowment for International Peace. — 23.02.2009. — Mode of access: <<https://carnegieendowment.org/2009/02/23/democracy-promotion-under-obama-finding-way-forward-pub-22767>>. — Date of access: 07.06.2022.
24. Cohen, A. Aid to Russia: Yes, But Needs Reform / A. Cohen [Electronic resource] // The Heritage Foundation. — 06.02.1995. — Mode of access: <<https://www.heritage.org/europe/report/aid-russia-yes-needs-reform>>. — Date of access: 21.11.2021.
25. Cohen, A. Russian Money Laundering: Questions Congress Should Ask / A. Cohen [Electronic resource] // The Heritage Foundation. — 22.09.1999. — Mode of access: <<https://www.heritage.org/europe/report/russian-money-laundering-questions-congress-should-ask>>. — Date of access: 30.11.2021.
26. Commentary on the 2022 National Security Strategy [Electronic resource] // National Security Strategy Archive. — Mode of access: <<https://nssarchive.us/national-security-strategy-2022/>>. — Date of access: 11.12.2022.
27. Extensions of Remarks [Electronic resource] // Congress.gov. — 25.03.1993. — Mode of access: <<https://www.congress.gov/103/crecb/1993/03/25/GPO-CRECB-1993-pt5-3-3.pdf>>. — Date of access: 20.11.2021.
28. Hale, H. Russia's Fiscal Veto on CIS Integration Russia's Fiscal Veto on CIS Integration (October 1997) [Electronic resource] / H. Hale // CSIS. — Mode of access: <https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/pm_0015.pdf>. — Date of access: 02.12.2021.
29. Kagan, R. Foreign Policy Sequels / R. Kagan [Electronic resource] // Carnegie: Endowment for International Peace. — 09.03.2009. — Mode of access: <<https://carnegieendowment.org/2009/03/09/foreign-policy-sequels-pub-22826>>. — Date of access: 07.06.2022.
30. National Security Strategy. October 2022 [Electronic resource] // National Security Strategy Archive. — Mode of access: <<https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>>. — Date of access: 11.12.2022.
31. Ornstein, N. Foreign Policy and the 1992 Election / N. Ornstein // Foreign Affairs. — Vol. 71, N 3. — 1992. — P. 1–16.
32. Rothkopf, D. Q&A: Inside Hillary Clinton's Foreign Policy Revolution / D. Rothkopf [Electronic resource] // Carnegie Endowment for International Peace. — 24.08.2009. — Mode of access: <<https://carnegieendowment.org/2009/08/24/q-inside-hillary-clinton-s-foreign-policy-revolution-pub-23702>>. — Date of access: 07.06.2022.
33. Rumer, E. U.S. Belarus: With Friends Like These... / E. Rumer, B. Belei [Electronic resource] // Carnegie: Endowment for International Peace. — 31.05.2017. — Mode of access: <<https://carnegieendowment.org/2017/05/31/belarus-with-friends-like-these.-.-pub-70135>>. — Date of access: 15.08.2022.
34. Schwarz, B. C. The Arcana of Empire And the Dilemma of American National Security / B. C. Schwarz // Salmagundi. — 1994. — N 101/102. — P. 182–211.
35. Statement by the Honorable Fred C. Ikle before the Committee on National Security' U.S. House of Representatives, July 17, 1997 [Electronic resource] // CSIS. — Mode of access: <https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/attachments/ts970719_ikle.pdf>. — Date of access: 26.12.2021.
36. Strategic Plan. Fiscal Years 2007–2012 / U.S. Department of State; U.S. Agency for International Development [Electronic resource] // U.S. Department of State. — Mode of access: <<https://2009-2017.state.gov/documents/organization/86291.pdf>>. — Date of access: 04.05.2022.
37. The Bush Doctrine [Electronic resource] // Carnegie: Endowment for International Peace. — Mode of access: <<https://carnegieendowment.org/2002/10/07/bush-doctrine-pub-1088>>. — Date of access: 21.02.2022.
38. U.S.-Central Asia (C5+1) Joint Projects [Electronic resource] // 2009–2017 Archive for the U.S. Department of State. — 03.08.2016. — Mode of access: <<https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2016/08/260805.htm>>. — Date of access: 11.12.2022.

Статья поступила в редакцию 2 сентября 2022 г., доработана в декабре 2022 г.

Статья подготовлена в рамках ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», подпрограммы «История» по заданию 12.1.06. Тема НИР «Западный вектор внешней политики Республики Беларусь и Российской Федерации в условиях геополитической трансформации современного миропорядка» (науч. рук. — канд. ист. наук, доц. А. П. Косов).

ДИПЛОМАТИЯ «ВОИНА-ВОЛКА» И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ: КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 2020—2022 гг.

Иван Варивончик

Статья посвящена анализу общественного мнения в Китае и США по вопросам двусторонних отношений в 2020—2022 гг., его влияния на внешнюю политику двух стран. Социологические опросы показали ухудшение отношения американцев к Китаю, аналогичная тенденция развивалась в китайском общественном мнении. Большинство респондентов считали свою страну наиболее передовой, крупнейшей и ведущей экономикой мира. Имевшие место ожидания китайской стороны на улучшение двусторонних отношений в связи с приходом Дж. Байдена не оправдались. Инициатором обострения отношений неизменно выступали США, которым удавалось получить поддержку отечественной и зарубежной общественности. Ответом китайской стороны стало ужесточение собственной позиции, что явилось результатом нового взгляда руководства страны во главе с Си Цзиньпином на место и роль Китая в мире и реакцией на недружественные выпады администрации Д. Трампа. Риторика дипломатии «воина-волка» получила решительную поддержку в Китае. Политика США в отношении Китая и американское общественное мнение вполне соответствовали друг другу. Не заинтересованное в конфронтации китайское руководство столкнулось с необходимостью модификации дипломатии «воина-волка» и решения задачи сохранения поддержки внешнеполитического курса китайской общественностью.

Ключевые слова: дипломатия «воина-волка»; китайско-американские отношения; общественное мнение.

«“Wolf Warrior” Diplomacy and Public Opinion: Sino-US Relations in 2020—2022» (Ivan Varivonchik)

The article is devoted to public opinion in China and the United States on issues of the bilateral relations in 2020—2022 and its influence on the foreign policy of the two countries. Opinion polls showed deterioration of American attitudes towards China, a similar trend developed in Chinese public opinion. The majority of respondents considered their country to be the most advanced, largest and leading economy in the world. Chinese expectations of the improvement of the bilateral relations under Biden administration did not come true. The initiator of the aggravation of relations was invariably the United States, which managed to get the support of the domestic and foreign public opinion. The response of the Chinese side was the toughening of its own position, which was the result of a new look at the place and role of China in the world of the country's leadership led by Xi Jinping and the reaction to the unfriendly attacks of the Trump administration. The of «wolf warrior» diplomacy has received strong support in China. US policy towards China and American public opinion were in harmony with each other. The Chinese leadership, not interested in further confrontation, faced the need to modify the «wolf warrior» diplomacy and solve the problem of maintaining the support of its foreign policy by Chinese public.

Keywords: public opinion; Sino-US relations; «wolf warrior» diplomacy.

Влияние общественного мнения на внешнюю политику в США и Китае имеет разные механизмы. В либеральных демократиях вообще и в США в частности имеются две основные причины, обязывающие обращать внимание на общественное мнение: 1) общественный резонанс, непосредственная реакция на те или иные действия, «цена» за принимаемые решения; 2) необходимость учитывать настроения и предпочтения избирателей на

следующих выборах. Действие второго фактора, возможность выбирать лидеров и их внешнюю политику, в Китае ограничено узким кругом высшего партийного руководства. Гораздо большее значение имеет механизм реагирования, поскольку он непосредственно связан с общественным восприятием права режима на власть, его легитимностью. Последняя, в свою очередь, содержит в своей основе либо демократические процедуры, либо положительно

Автор:

Варивончик Иван Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории исторического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, e-mail: ivanvar@mail.ru
Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка. Адрес: 18, ул. Советская, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Varivonchik Ivan — Doctor of History, Professor of the Department of World History and Methods of Teaching History of the Faculty of History, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, e-mail: ivanvar@mail.ru
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank. Address: 18, Sovetskaya str., Minsk, 220030, BELARUS

воспринимаемую политику и ее результаты. Если в США действуют оба названных фактора, то в Китае ключевыми выступают качество и результаты принимаемых решений.

Основой положительного восприятия своего руководства китайцами стали экономические успехи и повышение уровня жизни. В то же время успехи и положительная реакция на них, с одной стороны, дает гражданам ощущение соучастия, включения в процесс принятия решений, а с другой — позволяет китайскому руководству заявлять о преимуществах своей модели социально-экономического развития. Позитивная реакция на внешнюю политику необходима. Она убеждает лидеров в собственной правоте (что может приводить к неверной оценке ситуации), усиливает веру обществу в свое руководство и в итоге укрепляет существующую власть.

Примером взаимного влияния государственной политики и общественного мнения может служить феномен китайской «дипломатии «воина-волка»». (Происхождение термина «дипломатия «воина-волка»» связано с китайским боевиком 2017 г. «Воин-волк 2», который стал первым фильмом, собравшим более 874 млн дол. США в китайском прокате. В нем рассказывается история китайского солдата спецназа, который спасает медицинских работников от местных повстанцев и торговцев оружием в неназванной африканской стране.) 3 сентября 2019 г. в своем выступлении перед слушателями Национальной академии управления при Партийной школе ЦК КПК Си Цзиньпин заявил о том, что он предвидит сложный период в международных отношениях, требующий нового «боевого духа», желая «биться и побеждать» [18]. Демонстрация «боевого духа» стала ревизией политики Дэн Сяопина, призывавшего сосредоточиться на экономическом росте и оставаться в тени на международном уровне.

Дипломатия «воина-волка» представляла собой результат нового взгляда руководства страны во главе с Си Цзиньпином на место и роль Китая в мире и реакцией на недружественные выпады администрации Д. Трампа. Новый подход подвергся резкой критике со стороны западных СМИ и официальных лиц и представлялся контрпродуктивным для отношений Китая с другими странами. Одна из причин его осуществления состояла в том, что китайские граждане активно поддержали новый стиль публичной дипломатии. Провоцировавшая националистические настроения риторика с энтузиазмом воспринималась молодыми китайцами и новым поколением дипломатов, не знавшим Китая иным: только быстро растущим и успешным [19].

Агрессивные выступления дипломатов по таким вопросам, как подавление протестов в Гонконге или полемика с американцами о коронавирусе, оказались популярными

внутри страны. Появление данного тренда в публичной дипломатии вполне объяснимо. Компромиссная позиция могла быть расценена как уступка США и попрание национальных интересов. Отказ от заявленной позиции демонстрировал бы слабость, подрывающую международный авторитет Китая среди других стран. Ни то, ни другое не были желательны для китайского руководства. В аналогичном положении находилась и американская сторона. Развитие современных средств коммуникации увеличивает давление на дипломатов, которым приходится взаимодействовать друг с другом, учитывая постоянное влияние СМИ, Интернета, социальных сетей. Как правило, это ведет к публичному ужесточению позиции.

Первая после прихода к власти администрации Дж. Байдена американо-китайская дипломатическая встреча на высшем уровне прошла 18 марта 2021 г. в Анкоридже. Делегации возглавляли госсекретарь Э. Блинкен и советник президента США по национальной безопасности Дж. Салливан, глава комиссии ЦК КПК по иностранным делам Ян Цзечи и член Госсовета КНР, министр иностранных дел Ван И. Вместо традиционных в таких случаях кратких протокольных приветствий обе делегации вышли за рамки сценария и обменялись резкими заявлениями, которые транслировались по всему миру. Инициатором произошедшего выступила американская сторона. Э. Блинкен обвинил Китай в кибератаках на США и экономическом давлении на их союзников, высказал недовольство действиями Китая в Синьцзяне и Гонконге. «Каждое из этих действий угрожает основанному на правилах порядку, поддерживающему глобальную стабильность. Вот почему это не просто внутренние вопросы, и поэтому мы считаем своим долгом поднять эти вопросы здесь сегодня», — заявил Э. Блинкен. Дж. Салливан и Э. Блинкен подчеркивали, что они представляют консолидированную позицию, ставшую результатом консультаций со своими союзниками в течение предшествующих двух месяцев [15].

Последовал резкий и достаточно пространственный ответ китайской стороны. Китайская делегация обратила внимание на то, что такого рода заявления и введение накануне встречи санкций против 24 китайских чиновников в связи с проведением центральными властями избирательной реформы в Гонконге противоречили конструктивному содержанию телефонного разговора Дж. Байдена и Си Цзиньпина 11 февраля 2021 г., во время которого два лидера договорились улаживать разногласия и расширять сотрудничество между двумя странами. Китай поддерживает международную систему, в центре которой находится ООН и международный порядок, основанный на международном праве, а «не на так называемом международном порядке, основанном на правилах, исповедуемых небольшим количе-

ством стран». Синьцзянь и Тайвань являются неотъемлемой частью Китая. Китай решительно выступает против вмешательства США в его внутренние дела. «В США демократия в американском стиле, а в Китае демократия в китайском стиле». Последние четыре года показали, что Соединенным Штатам следует заниматься вопросами прав человека в собственной стране. США следует прекратить продвигать собственную демократию по всему миру и не предпринимать попытки сменить режимы в других странах, так как это приводит к войнам и массовым жертвам. Следует отказаться от менталитета «холодной войны» и игры с нулевой суммой. Соединенные Штаты не имеют права разговаривать с Китаем с позиции силы. «Китайский народ всецело сплочен вокруг Коммунистической партии. Наши ценности совпадают с общечеловеческими ценностями. Это — мир, развитие, справедливость, правосудие, свобода и демократия... Никакие попытки очернить социальную систему Китая ни к чему не приведут. Факты показали, что такая практика только побудит китайский народ к более тесному сплочению вокруг Коммунистической партии Китая и неуклонной работе для достижения целей, которые мы перед собой поставили... Пока китайская система соответствует мудрости китайского народа, “задушить” Китай невозможно» [15].

По заявлениям американских официальных лиц, за публичной пикировкой последовал «предметный, серьезный и прямой» разговор, в процессе которого обе стороны стремились найти способы совместной работы по жизненно важным вопросам: от ядерной программы КНДР до борьбы с изменением климата [4].

Содержание и тональность выступлений китайских дипломатов нашли живой отклик у китайцев. Футболки, зонты, сумки, зажигалки и чехлы для мобильных телефонов с цитатами высокопоставленных китайских дипломатов: «Так нельзя обращаться с китайцами», «У США нет права говорить с Китаем свысока», «Прекратите вмешиваться во внутренние дела Китая», стали появляться на платформах электронной коммерции и продаваться по всей стране [10]. Важно отметить, что заявления обеих сторон носили, по сути, программный характер и были обращены не столько к своим оппонентам, сколько к мировой, американской и китайской общественности.

В октябре—ноябре 2020 г. и январе—феврале 2021 г. интернациональной командой китайцев из США, Канады и Сингапура были проведены два интернет-соцопроса репрезентативных групп в Китае по вопросам американо-китайских отношений, роли США в мире и международного статуса двух стран относительно друг друга. Результаты первого опроса, проведенного непосредственно перед президентскими выборами 2020 г., показали, что, по мнению 75 % респондентов, двусторонние

отношения за последний год ухудшились. Второй опрос, проведенный вскоре после вступления Дж. Байдена в должность, показал снижение негативных оценок до 64 % [13, р. 35]. Разница результатов двух опросов продемонстрировала позитивные ожидания китайской стороны после окончания периода «аномальной» политики Д. Трампа. Общее негативное восприятие отношений оставалось высоким и резко контрастировало с результатами опроса американского Исследовательского центра Пью 2010 г., когда 73 % респондентов видели улучшение двусторонних отношений и только 18 % считали, что отношения либо оставались прежними, либо ухудшились [7].

На вопрос о том, учитывают ли США интересы Китая в своей внешней политике, 76 % респондентов дали отрицательный ответ при первом опросе и 68 % — при втором [13, р. 36]. Но и второй результат представлял собой 30 %-ное увеличение числа отрицательных ответов по сравнению с результатом американского опроса 2013 г. [1].

Наиболее важным и стабильным элементом отношений двух стран было экономическое сотрудничество. Число китайцев, считавших сильным влияние США на экономику Китая, прежде постоянно увеличивалось, и в 2013 г. доля таких респондентов составила 52 %. На фоне развязанной Д. Трампом начиная с 2018 г. торговой войны вполне объяснимыми выглядят результаты опросов 2020 и 2021 гг. — 59 и 70 %. Китайская общественность вполне ясно отдавала себе отчет в вопросе о месте и роли США в китайской экономике [13, р. 36].

Немаловажное значение играла оценка китайской стороной американского лидерства и положения дел в самих США. Опросы в конце 2020 — начале 2021 г. показали, что 70 и 66 % респондентов считали, что США играли менее важную, чем прежде, роль в мире; 20 и 34 % соответственно считали, что президент США справляется с проблемами мировой политики, 29 и 38 % полагали, что президент уважает личные свободы своих граждан [13, р. 38]. Все это представляло разительный контраст с результатами американского опроса 2016 г., когда 52 % китайских респондентов положительно оценивали внешнюю политику Б. Обамы и 61 % считали его внутренней политикой правильной [8].

Результаты опросов 2020—2021 гг. вполне закономерны. В связи с переходом к политике двусторонних отношений, меньшим вниманием Д. Трампа к союзам, союзникам и международным организациям, его отказом от Парижских соглашений по климату, прекращения ядерной сделки с Ираном и американского членства в ВОЗ снижение роли Америки в мире представлялось не только китайцам, но и союзникам США. Не способствовали позитивным оценкам события 2020 г. — убийство Дж. Флойда, полицейский произвол и насилие, расовые волнения, наиболь-

шее в мире количество смертей от COVID-19, демонстрировавшие очевидные недостатки общественного и социально-экономического устройства и американской модели в целом.

В отличие от предыдущих ответов на вопросы, оценки соотношения сил и влияния Китая и США в конце 2020 — начале 2021 г. существенно не различались — 65 и 64 % китайцев считали свою страну «ведущей экономикой мира» и, несмотря на очевидное несоответствие реальности, 53 % были уверены, что китайский ВВП больше американского [13, р. 37]. Опросы 2013—2016 гг. показывали практически один и тот же результат — ведущей экономикой мира признавали Китай 29 %, США — 45% [1; 8]. Уверенности китайцев в своих силах, очевидно, способствовало то, что китайская экономика в 2020 г. единственная в мире продемонстрировала рост и быстрое на фоне других держав восстановление.

Последний пункт соцопросов конца 2020 — начала 2021 г. касался готовности китайской общественности видеть свою страну ведущей в мире. Как и в предыдущем случае, ответы различались несущественно — 45 и 46 % выбрали Китай в качестве ведущей державы. Особый интерес представляла группа 22 и 20 % респондентов, готовых видеть будущее в виде совместного лидерства Китая и США [13, р. 37]. Принципиально иного мнения придерживались американцы. В опросе общественного мнения весной 2020 г. никто из респондентов не считал возможным совместное лидерство и 91 % хотели видеть только свою страну единственным мировым лидером [2, р. 4]. Опрос конца 2020 — начала 2021 г. показал также более негативное отношение к США молодого поколения китайцев в сравнении с их старшими соотечественниками. Исключение составили респонденты, имевшие опыт международного общения, пребывания в США. Хотя и они в своем большинстве считали Китай ведущей или крупнейшей экономикой мира [см.: 13].

Опросы общественного мнения Исследовательского центра Пью в 19 странах мира в июне и июле 2022 г. показали более благосклонное отношение к Дж. Байдену, чем к Си Цзиньпину. Одновременно констатировался вызывавший опасения рост влияния Китая в мире. Негативное отношение к Китаю оставалось на историческом максимуме или близким к нему. Неблагоприятное мнение о стране было связано с опасениями по поводу политики Китая в области прав человека. В среднем 79 % респондентов считали эту политику «серьезной проблемой», а 47 % «очень серьезной проблемой». Не менее опасным 37 % опрошенных считали рост военной мощи Китая. Особую обеспокоенность испытывали соседи Китая — Япония (60 %), Австралия (57 %) и Южная Корея (46 %). Еще более критично стали относиться к Китаю в США. Доля негативных оценок возросла с 76 % в 2021 г. до 82 % в 2022 г. [11; 12].

Такое положение привело к корректировке публичной дипломатии Китая. Первым шагом стало выступление в мае 2021 г. Си Цзиньпина перед высокопоставленными чиновниками КПК, в котором китайский лидер отметил необходимость создавать положительный образ Китая, чтобы постоянно расширять круг его друзей и завоевывать большинство. В общении с миром, отметил Си Цзиньпин, Китай должен быть «открытым и уверенным, но также почтительным и скромным» [16].

20 декабря 2021 г. бывший посол Китая в США Цуй Тянькай выступил на симпозиуме, организованном Китайским институтом международных исследований в Пекине. Перед собравшимися высокопоставленными лицами, в том числе министром иностранных дел Китая Ван И, оратор раскритиковал состояние китайской дипломатии, предостерег от «небрежности, лени и некомпетентности». Он призвал своих коллег-дипломатов «всегда думать о стране в целом и не думать о том, чтобы стать интернет-знаменитостью». О новых веяниях в высших сферах Китая свидетельствовали последовавшие перестановки в СМИ и дипломатическом корпусе [9].

Полного отказа от дипломатии «воинов-волков» не произошло — ее рецидивом стал инцидент в Анкоридже. Однако нельзя не отметить, что инициатором обострения риторики выступила американская сторона. Китайский ответ носил во многом спонтанный и вынужденный характер. Визит спикера Палаты представителей американского конгресса Н. Пелоси 2—3 августа 2022 г. в Тайвань спровоцировал новый всплеск напряженности в отношениях двух стран. Но тренд на постепенный отход от дипломатии «воинов-волков» представляется вполне определенным и оправданным. Китай сталкивается с серьезными внешними и внутренними вызовами. В адрес Китая звучат обвинения в ответственности за коронавирус, нарушении прав человека, во вмешательстве в дела других стран. Основная внешнеполитическая инициатива Китая «Один пояс, один путь» подвергается критике и не приносит очевидных экономических и политических дивидендов. США прочно встали на путь конфронтации и санкционного давления, приступили к созданию антикитайской коалиции, а общественное мнение за рубежом и в самих США поддерживает такую политику. Пандемия привела к падению темпов экономического роста Китая и, несмотря на быстрое восстановление, вернуться к прежним высоким темпам роста не удастся. Рост экономики на 3,6 % (самый низкий показатель за последние 30 лет) ставит под вопрос состоятельность основанной на быстром росте стратегии развития [14]. Китай столкнулся с серьезными демографическими проблемами. Политика одного ребенка в семье, проводившаяся с 1980 по 2016 г., рост занятости и образовательного

уровня женщин изменили отношение к семье и детям и привели к падению уровня рождаемости. При сохранении данной тенденции население страны к концу этого века может сократиться вдвое: с 1,4 млрд до 730 млн человек. Пандемия и рост экономических рисков усугубили демографическую проблему [3]. Старение населения увеличило нагрузку на сокращающееся трудоспособное население. В постковидный период проявились дисбаланс развития предыдущих лет, закредитованность экономики, рост государственного долга, кризис в сфере недвижимости [17]. Запрет США на поставку наиболее технологичных процессоров поставил под угрозу информационную отрасль [5]. Обозначилась тенденция ухода с китайского рынка значительной части иностранного капитала и релокации производства в другие страны Индо-Тихоокеанского региона [6].

16—22 октября 2022 г. состоялся XX съезд КПК, который характеризовался консолидацией руководящей роли Си Цзиньпина. В его докладе констатация достигнутых успехов сочеталась с критикой предыдущей модели развития. «Экономика Китая столкнулась с острыми структурными и институциональными проблемами. Развитие было несбалансированным, нескоординированным и неустойчивым, и традиционная модель развития больше не могла поддерживать наше движение вперед», причиной чему были «ошибочные модели мышления, такие как поклонение деньгам, гедонизм, эгоцентризм и исторический нигилизм». Выход из положения был предложен в совершенствовании модели социализма с китайской спецификой в виде усиления руководящей роли КПК во всех сферах жизни. К 2035 г. должны быть решены амбициозные задачи, в том числе увеличение ВВП на душу населения до уровня среднеразвитых стран, создание новой модернизированной экономики, вхождение в круг самых инновационных стран мира, превращение Китая в ведущую страну в области образования, науки и техники. Решение этих и ранее поставленных задач требует от руководства КПК проведения сбалансированной внешней политики. В докладе по-прежнему содержались призывы поддерживать «боевой дух и твердую решимость никогда не уступать силе принуждения», готовность противостоять любым вызовам, «быть готовыми к наихудшим сценариям, быть готовыми противостоять сильному ветру, неспокойному морю и даже опасным штормам», решительно противодействовать «всем формам гегемонизма и силовой политики, менталитету “холодной войны”, вмешательству во внутренние дела других стран и двойным стандартам». В то же время декларировалась приверженность Китая международной системе, ядром которой является Организация Объединенных Наций, порядку, основанному на международном праве, целях и принципах Устава ООН.

Си Цзиньпин подчеркнул, что «Китай никогда не будет стремиться к гегемонии или заниматься экспансионизмом... будет продвигать либерализацию и упрощение процедур торговли и инвестиций, развивать двустороннее, региональное и многостороннее сотрудничество и улучшать координацию международной макроэкономической политики». Си Цзиньпин поставил задачу снять лишние запреты на иностранные инвестиции, защитить права и интересы иностранных инвесторов и создать бизнес-среду мирового класса. Безусловную поддержку делегатов съезда получила позиция по Тайваню, который неизбежно должен стать частью КНР в результате мирной интеграции или, в случае необходимости, с применением силы. Как заявил Си Цзиньпин: «Колеса истории катятся к воссоединению Китая и возрождению китайской нации. Полное воссоединение нашей страны должно быть осуществлено, и оно, несомненно, может быть осуществлено!» [14]. Сроки интеграции не были определены. Модернизацию китайской армии намечено завершить в 2027 г. «Возрождение китайской нации» намечено на середину XXI в. Вместе с тем, сбалансированная внешняя политика, учет быстро меняющейся международной ситуации оставляет немного места для дипломатии «воинов-волков».

В числе факторов, влияющих на формирование внешней политики государств, значительную роль играет общественное мнение, которое, с одной стороны, оказывает давление на правительство, а с другой — является предметом его манипуляций. В разной степени это касается основных на обозримое будущее акторов мировой политики — США и Китая. Опросы общественного мнения позволяют судить об эффективности легитимации своей политики правящими элитами. Опросы, проведенные в США, показали ухудшение отношения американцев к Китаю. Инициатором обострения отношений неизменно выступали США, которым удавалось получить поддержку отечественной и зарубежной общественности. Аналогичная тенденция развивалась в китайском общественном мнении, которое складывалось под влиянием враждебной риторики Д. Трампа и развязанной им торговой войны. Большинство китайских респондентов считали не США, а свою страну наиболее передовой, крупнейшей и ведущей экономикой мира, негативно относились к развитию двусторонних отношений в период правления администрации Д. Трампа. Имевшие место ожидания на улучшение двусторонних отношений в связи с приходом Дж. Байдена не оправдались. Сохранение американцами жесткой позиции по ключевым вопросам двусторонних отношений, их действия по созданию антикитайской коалиции способствовали дальнейшему ухудшению отношения китайцев к США и американцам. Существенно более негативное отношение молодого поколения и наиболее об-

разованных китайцев свидетельствовало об их высоких амбициях, успехах пропаганды правительственного курса и высокой оценке уже достигнутых экономических результатов. Исключение составили китайцы, побывавшие в США, имевшие опыт ведения дел и общения с американцами. Последнее позволяет рассчитывать на возможные позитивные изменения, связанные со сменой поколений, сохранением возможности и необходимости продуктивного диалога, взаимодействия и сотрудничества.

Политика США в отношении Китая и американское общественное мнение вполне со-

ответствовали друг другу. Иное положение сложилось в китайском руководстве: на фоне жесткой позиции США, объективных трудностей перехода к другой модели развития оно столкнулось с необходимостью модификации дипломатии «воинов-волков» и решения задачи сохранения поддержки внешнеполитического курса китайской общественностью. Китайскому руководству предстоит решать сложные задачи не только поиска новых путей достижения заявленных целей модернизации и превращения Китая в мирового лидера, но и легитимизации проводимой политики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. America's Global Image Remains More Positive than China's [Electronic resource] // Pew Research Center. — 18.07.2013. — Mode of access: <<https://www.pewresearch.org/global/2013/07/18/americas-global-image-remains-more-positive-than-chinas>>. — Date of access: 20.06.2022.
2. Delvin, K. U.S. Views of China Increasingly Negative Amid Coronavirus Outbreak / K. Delwin, L. Silver, Ch. Huang [Electronic resource] // Pew Research Center. — 21.04.2020. — Mode of access: <https://www.pewresearch.org/global/wp-content/uploads/sites/2/2020/04/PG_2020.04.21_U.S.-Views-China_FINAL.pdf>. — Date of access: 20.06.2022.
3. Fertility, mortality, migration, and population scenarios for 195 countries and territories from 2017 to 2100: a forecasting analysis for the Global Burden of Disease Study / St. E. Vollset [et al.] // The Lancet. — 2020. — Vol. 396, N 10258. — P. 1285—1306. ([https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30677-2](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30677-2))
4. Graham-Harrison, E. Will a chilly meeting in Anchorage set the tone for US-China relations? / E. Graham-Harrison [Electronic resource] // The Guardian. — 19.03.2021. — Mode of access: <<https://www.theguardian.com/world/2021/mar/19/us-china-meeting-anchorage-tone-relations-turbulent-times-ahead>>. — Date of access: 20.06.2022.
5. Ma Si. US chip tech ban threatens supply chain / Ma Si [Electronic resource] // China Daily. — 07.10.2022. — Mode of access: <<https://www.chinadaily.com.cn/a/202210/07/WS633f6176a310fd2b29e7b293.html>>. — Date of access: 25.10.2022.
6. Nearly One in Four European Firms Consider Shifting Out of China [Electronic resource] // Bloomberg. — 20.06.2021. — Mode of access: <<https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-06-20/nearly-one-in-four-european-firms-consider-shifting-out-of-china>>. — Date of access: 25.10.2022.
7. Obama more popular abroad than at home, global image of U.S. continues to benefit [Electronic resource] // Pew Research Center. — 17.06.2010. — Mode of access: <<https://www.pewresearch.org/global/2010/06/17/chapter-5-views-of-china/>>. — Date of access: 20.06.2022.
8. Poushter, J. Key takeaways on international image of the U.S., Obama and presidential candidates / J. Poushter [Electronic resource] // Pew Research Center. — 29.06.2016. — Mode of access: <<https://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/06/29/key-takeaways-us-image/>>. — Date of access: 30.06.2022.
9. Powers-Riggs, A. Is China Putting 'Wolf Warriors' on a Leash / A. Powers-Riggs, E. Jaramillo [Electronic resource] // The Diplomat. — 22.01.2022. — Mode of access: <<https://thediplomat.com/2022/01/is-china-putting-wolf-warriors-on-a-leash/>>. — Date of access: 20.06.2022.
10. Sellers of t-shirts, phone cases make most of China's diplomatic riposte [Electronic resource] // Reuters. — 22.03.2021. — Mode of access: <<https://www.reuters.com/business/retail-consumer/sellers-t-shirts-phone-cases-make-most-chinas-diplomatic-riposte-2021-03-22/>>. — Date of access: 20.06.2022.
11. Silver, L. Across 19 countries, more people see the U.S. than China favorably — but more see China's influence growing / L. Silver, G. Huang, L. Clancy [Electronic resource] // Pew Research Center. — 29.06.2022. — Mode of access: <<https://www.pewresearch.org/fact-tank/2022/06/29/across-19-countries-more-people-see-the-u-s-than-china-favorably-but-more-see-chinas-influence-growing/>>. — Date of access: 30.07.2022.
12. Silver, L. Negative Views of China Tied to Critical Views of Its Policies on Human Rights / L. Silver, G. Huang, L. Clancy [Electronic resource] // Pew Research Center. — 29.06.2022. — Mode of access: <<https://www.pewresearch.org/global/2022/06/29/negative-views-of-china-tied-to-critical-views-of-its-policies-on-human-rights/>>. — Date of access: 30.06.2022.
13. Songying Fang. Chinese Public Opinion about US—China Relations from Trump to Biden / Songying Fang, Xiaojun Li, Adam Y Liu // The Chinese Journal of International Politics. — 2022. — Vol. 15, N 4. — P. 27—46. (<https://doi.org/10.1093/cjip/poac001>)
14. Transcript: President Xi Jinping's report to China's 2022 party congress [Electronic resource] // Nikkei Asia. — 18.10.2022. — Mode of access: <<https://asia.nikkei.com/Politics/China-s-party-congress/Transcript-President-Xi-Jinping-s-report-to-China-s-2022-party-congress>>. — Date of access: 25.10.2022.
15. U.S.-China Summit in Anchorage, Alaska [Electronic resource] // C-SPAN. — 18.03.2021. — Mode of access: <<https://www.c-span.org/video/?510091-1/secretary-blinken-chinese-foreign-minister-clash-meeting-anchorage-alaska#!>>. — Date of access: 20.06.2022.
16. Weichieh Wang, R. China's Wolf Warrior Diplomacy Is Fading / R. Weichieh Wang [Electronic resource] // The Diplomat. — 27.07.2022. — Mode of access: <<https://thediplomat.com/2022/07/chinas-wolf-warrior-diplomacy-is-fading/>>. — Date of access: 30.07.2022.
17. Wrigh, L. China's Slow-Motion Financial Crisis Is Unfolding as Expected / L. Wrigh [Electronic resource] // Center for Strategic and International Studies. — 21.09.2022. — Mode of access: <<https://www.csis.org/analysis/chinas-slow-motion-financial-crisis-unfolding-expected>>. — Date of access: 25.10.2022.
18. Xu Wei. Xi Calls for Fighting Spirit in Face of Risks / Xu Wei [Electronic resource] // China Daily. — 04.09.2019. — Mode of access: <<https://www.chinadaily.com.cn/a/201909/04/WS5d6ed007a310cf3e35569835.html>>. — Date of access: 20.06.2022.
19. Zhai, K. In China a young diplomat rises as aggressive foreign policy takes root / K. Zhai, Yew Lun Tian [Electronic resource] // Reuters. — 31.03.2020. — Mode of access: <<https://www.reuters.com/article/us-china-diplomacy-insight/in-china-a-young-diplomat-rises-as-aggressive-foreign-policy-takes-root-iduskbn21iof8>>. — Date of access: 20.06.2022.

Статья поступила в редакцию 28 октября 2022 г.

КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ В 1969—1993 гг.

Ли Мэн

В статье рассматриваются китайско-американские политические отношения в 1969—1993 гг. В 1969 г. КНР приняла решение об улучшении китайско-американских отношений, которое стало началом политического сотрудничества между двумя странами во время «холодной войны». В 1993 г. правительства Китая и США достигли консенсуса по развитию стабильных политических отношений, что стало первым значительным прорывом в двусторонних отношениях после окончания «холодной войны». Ввиду этого выбранные хронологические рамки имеют особое значение для исследования истории китайско-американских политических отношений. Анализируются обмены визитами и подписанные соглашения, указываются факторы, влияющие на двусторонние политические отношения. Автор приходит к выводу о том, что процесс развития китайско-американских политических отношений в 1969—1993 гг. был достаточно сложным, однако имел положительные тенденции. Взаимодействие между Китаем и США в политической сфере непрерывно расширялось, также повышался уровень дипломатического сотрудничества. С 1972 по 1982 г. три совместных коммюнике, подписанные Китаем и США, стали руководящими документами по развитию двусторонних отношений. Обе стороны постепенно достигли консенсуса по тайваньскому вопросу.

Ключевые слова: Дэн Сяопин; КНР; политика реформ и открытости; политические отношения; США.

«Sino-American Political Relations in 1969—1993» (Li Meng)

This article studies Sino-American political relations from 1969 to 1993. In 1969, the PRC made a decision to improve Sino-American relations, which marked the beginning of political cooperation between the two countries during the Cold War. In 1993, the Chinese and US governments reached a consensus to develop a stable political relationship, marking the first significant breakthrough in the bilateral relations since the end of the Cold War. In light of this, the chosen chronological framework is of particular importance for the study of the history of Sino-American political relations. Exchanged visits between the two countries leaders and signed agreements were analysed, as well as factors influencing bilateral political relations are indicated. As a result of the study, the author comes to the conclusion that the process of development of Sino-American political relations in 1969—1993 was quite complex and tortuous, but had positive aspects. The political interaction between China and the U.S. continued to expand, and the level of diplomatic cooperation has also increased. From 1972 to 1982, three joint communiqués signed by China and the U.S. became the guiding documents for the development of bilateral relations. Both sides gradually reached consensus on the Taiwan issue.

Keywords: China; Deng Xiaoping; political relations; reform and opening-up policies; USA.

Отношения между Китаем и США в 1960—1990-е гг. оказывали глубокое влияние на внутреннюю политику двух стран и в значительной степени определяли мировую политическую обстановку. В годы «холодной войны» противодействие стратегической экспансии СССР было основной движущей силой развития двусторонних отношений. Хронологические рамки данного исследования объясняются следующим образом. В 1969 г. Р. Никсон после вступления в должность президента США способствовал оттепели в китайско-американских отношениях, что не только корен-

ным образом изменило баланс сил в «стратегическом треугольнике» (США, Китай и СССР) в годы «холодной войны», но и заложило политический фундамент для установления дипломатических отношений между США и Китаем. На этапе окончания «холодной войны» в США возникла «теория китайской угрозы». Однако Китай гибко скорректировал свою внешнюю политику и в значительной степени поддержал развитие китайско-американских политических отношений, вследствие чего страны смогли противостоять изменениям в международной обстановке и отношения меж-

Автор:

Ли Мэн — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: 454793292@qq.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Li Meng — post-graduate student of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: 454793292@qq.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

ду Китаем и США снова нормализовались. На неофициальном саммите Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), состоявшемся в Сиэтле в 1993 г., лидеры Китая и США впервые после «холодной войны» достигли консенсуса в содействии стабильному и здоровому развитию двусторонних отношений. Таким образом, изучение опыта эволюции отношений КНР и США от конфронтации к позитивному взаимодействию может иметь практическое значение.

Цель статьи — дать характеристику китайско-американским политическим отношениям в 1969—1993 гг.

Исследователи отношений между КНР и США в XX в. достигли качественных результатов. Среди китайских научных исследований необходимо выделить работу ученого Гун Ли, в которой анализируются китайско-американские отношения в период Дэн Сяопина [5]. Китайский ученый Ян Чжичжэнь провел макроисследование китайско-американских отношений с точки зрения политики реформ и открытости [26]. В работе Чжан Хунчжи изучается влияние распада СССР на китайско-американские отношения [21].

Американский политолог М. Оксенберг исследовал китайско-американские отношения в 1972—1982 гг. с точки зрения США [32], американский политолог Г. Гардинг — отношения между КНР и США во время «холодной войны» [29]. Г. Киссинджер записывал свои беседы с китайскими лидерами [13; 31]. Д. Гэддис дал всесторонний критический анализ стратегии сдерживания США во время «холодной войны» [28].

Среди российских ученых следует выделить работу А. В. Дегтярёва, в которой анализируется подготовка визита Р. Никсона в Китай в феврале 1972 г. [9]. Ученый РАН А. С. Давыдов выявил характер изменений во взаимоотношениях Китая, США и СССР, а также повлиявшие на них факторы и степень их воздействия на процесс распада мировой биполярной системы [6]. Н. Н. Котляров проанализировал усилия Китая по преодолению западных санкций в 1980—1990-х гг. [16]. Белорусский ученый А. П. Косов рассмотрел правительственную политику Р. Никсона и Дж. Буша-ст. в отношении Китая [14; 15].

Политические отношения являются основным фактором, который способствует либо препятствует развитию двусторонних отношений, определяет их основной принцип и тип, а также направляет их эволюцию между странами [3, с. 116].

16 ноября 2021 г. во время видеоконференции председатель КНР Си Цзиньпин и президент США Дж. Байден обменялись взглядами на мировые проблемы. Си Цзиньпин отметил, что за последние 50 лет одним из самых важных событий в международных отношениях стало восстановление и развитие китай-

ско-американских отношений, что принесло пользу не только двум странам, но и всему миру [17]. Ввиду этого изучение исторического опыта развития китайско-американских политических отношений способствует укреплению взаимного доверия между Китаем и США, расширению сотрудничества, урегулированию разногласий, а также созданию новой модели отношений между крупными государствами.

Развитие китайско-американских отношений с 1969 по 1993 г. можно разделить на два периода по форме политического взаимодействия.

Период политического сотрудничества (1969—1988 гг.). Данный период, в свою очередь, можно условно разделить на несколько этапов. Этап медленного сближения (1969—1981 гг.), когда в январе 1969 г. Р. Никсон, избранный президентом США, в своей инаугурационной речи заявил: «Мы стремимся к открытому миру — открытому для идей, открытому для обмена товарами и рабочими ресурсами — миру, в котором ни один народ, большой или маленький, не будет жить в изоляции друг от друга» [30]. Впоследствии правительство США выступило с посланиями, направленными на смягчение отношений между КНР и США. В июле 1969 г. администрация Р. Никсона отменила ограничения на поездки в КНР шести категориям американских граждан (членам Конгресса, журналистам, учителям, студентам и аспирантам по программам обмена, ученым, врачам, представителям Красного Креста) [15, с. 350].

8 августа 1969 г. государственный секретарь США У. Роджерс заявил в Австралии, что США признают значительную роль коммунистического Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также «откроют каналы связи», если руководство Китая откажется от «интроспективного мировоззрения» [31, р. 723].

В конце 1960-х — начале 1970-х гг. китайский лидер Мао Цзэдун, придерживаясь однолинейной дипломатической стратегии, обратил особое внимание на сигналы американского правительства об улучшении китайско-американских отношений и скорректировал политику в отношении США. 20 января и 20 февраля 1970 г. в Варшаве были проведены 135-е и 136-е переговоры представителей на уровне послов между Китаем и США [18, с. 464].

С октября 1970 г. по май 1971 г. КНР и США неоднократно обменивались мнениями через лидеров Пакистана и Румынии, договорились о секретном визите помощника президента США по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджера в Пекин [18, с. 676]. 10—17 апреля 1971 г. состоялся визит американской делегации игроков в настольный теннис в Китай. После образования КНР в 1949 г. Вашингтон занимал враждебную позицию по отношению к Пекину и проводил политику

сдерживания, поэтому данный визит «открыл дверь» для налаживания китайско-американских отношений [19].

В январе 1972 г. в Пекин был направлен заместитель советника президента США по национальной безопасности А. М. Хэйг для заключительных переговоров относительно визита президента Р. Никсона [9, с. 76]. В феврале 1972 г. президент США совершил официальный визит в КНР. 28 февраля было опубликовано Китайско-американское совместное коммюнике, в котором две стороны согласились, что, несмотря на различия социальных систем и внешней политики США и Китая, обе страны должны придерживаться принципов взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета, ненападения, невмешательства во внутренние дела, равенства, взаимной выгоды и мирного сосуществования в отношениях между двумя странами [24].

В мае 1973 г. Китай и США договорились об установлении дипломатических связей на уровне послов по особым поручениям. Отметим, что еще 2 декабря 1954 г. США и Тайвань подписали договор о взаимной обороне, что официально подтверждало существование союза взаимопомощи между США и Тайванем и являлось серьезным вмешательством во внутренние дела Китая. В декабре 1975 г. состоялся визит президента США Дж. Форда в Китай: в ходе переговоров с китайским лидером Дэн Сяопином американская сторона заявила, что США согласны следовать трем принципам установления дипломатических отношений с КНР: отмена договора о взаимной обороне, вывод американских войск с Тайваня, разрыв дипломатических отношений с Тайванем [27, р. 896].

В августе 1977 г. государственный секретарь США С. Вэнс посетил Китай. Хотя переговоры не привели к соглашению по тайваньскому вопросу, обе стороны ознакомились с «красной линией» в области политики двух стран, в частности позиция Дэн Сяопина по установлению дипломатических отношений между Китаем и США в определенной степени развеяла нереалистичные иллюзии о том, что правительство США ожидало от Китая больших уступок в тайваньском вопросе [5, с. 9].

В мае 1978 г. советник по национальной безопасности З. Бжезинский посетил Китай. Главным в ходе данного визита, как отметила мировая пресса, была констатация «взаимного американо-китайского интереса» в противостоянии Советскому Союзу на мировой арене. [6, с. 146]. 5 июля 1978 г. в Пекине официально состоялись секретные переговоры об установлении дипломатических отношений между Китаем и США [26, с. 234]. 16 декабря 1978 г. КНР и США опубликовали Совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений и объявили, что 1 января 1979 г. будут установлены двусторонние дипломатические

отношения на уровне послов. В этом документе Соединенные Штаты Америки и Китайская Народная Республика подтвердили принципы, согласованные обеими сторонами в Китайско-американском совместном коммюнике [25].

В январе 1979 г. визит в США Дэн Сяопина стал новым шагом в китайско-американских отношениях. Несмотря на установление дипломатических отношений, США не отказались от своих интересов на Тайване: 10 апреля 1979 г. в одностороннем порядке был принят Закон об отношениях с Тайванем, против которого решительно выступило китайское правительство [26, с. 430].

На этапе комплексного развития (1982—1988 гг.) совместно опубликованное правительство Китая и США в 1982 г. Коммюнике 17 августа завершило кризис в отношениях между Китаем и США по вопросу продажи оружия Тайваню. В коммюнике указывалось, что взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела являются руководящими принципами развития китайско-американских отношений [1].

В сентябре 1982 г. на XII съезде Коммунистической партии Китая была определена самостоятельная и независимая внешняя политика как международная стратегия в новой эпохе реформ, открытости и социалистической модернизации. Правительством подчеркивалось, что КНР стремится развивать китайско-американские отношения на основе строгого соблюдения принципов, изложенных в трех совместных коммюнике [7, с. 145]. С 1983 г. китайско-американские политические отношения вступили в период стабильного развития. С 26 апреля по 1 мая 1984 г. президент США Р. Рейган находился в Китае с государственным визитом, в ходе которого проводились встречи с Дэн Сяопином, Ли Сяньнянем и другими руководителями КНР [4]. В июле 1985 г. председатель КНР Ли Сяньнянь совершил государственный визит в США. Это был первый визит главы Китая в США. В октябре 1985 г. вице-президент США Дж. Буш-ст. посетил Китай и отметил, что стремительное развитие модернизации в КНР создало благоприятные условия и среду для американских инвестиций [8, с. 164].

В 1987 г. госсекретарь США Дж. Шульц посетил Китай и заявил, что с учетом важности поддержания стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и мира во всем мире США придали большое значение развитию отношений с Китаем [8, с. 233]. В декабре 1988 г. лидеры КНР и США обменялись поздравительными телеграммами по случаю 10-й годовщины установления дипломатических отношений между двумя странами и выразили надежду на долгосрочное и стабильное развитие китайско-американских отношений [26, с. 447].

В период 1969–1988 гг. общие разногласия с СССР и стабилизация внутривосточной ситуации в Китае способствовали сближению КНР и США.

Во-первых, совместное сдерживание расширения гегемонии СССР являлось основным фактором, способствующим улучшению китайско-американских политических отношений. С американской стороны активное продвижение Р. Никсоном китайско-американских отношений в 1972 г. было на самом деле попыткой добавить рычаги влияния в американо-советских отношениях и укрепить позицию США как крупного государства в «холодной войне». В конце 1960-х гг. затянувшаяся война во Вьетнаме привела к серьезному политическому, экономическому и социальному кризису в США. В период Никсона — Форда военный потенциал США был значительно меньше, чем у Советского Союза в послевоенный период [28, р. 318]. В 1979 г. Советский Союз использовал свое влияние в Афганистане и контроль над некоторыми ключевыми ведомствами и силами, чтобы под видом «военной помощи» ввести войска в эту страну.

Во-вторых, изменения внутренней ситуации в Китае стимулировали развитие китайско-американских политических отношений. После окончания «культурной революции» в 1976 г. внутриполитическая обстановка в Китае постепенно стабилизировалась. В 1978 г. в Пекине состоялся 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва, на котором было принято решение сместить акцент работы партии на социалистическую модернизацию и выдвинуты задачи политики реформ и открытости. В 1978 г. Дэн Сяопин на встрече с делегацией Федеративной Республики Германии заявил: «Для реализации политики четырех модернизаций мы должны добросовестно изучать передовые технологии и научные достижения всех стран, чтобы воспользоваться ими во благо Китая» [10, с. 133].

Ключевой проблемой в китайско-американских политических отношениях считается вопрос о независимости Тайваня. КНР отстаивает принцип «одного Китая». Два раунда переговоров на уровне послов в 1970 г. положили конец 15-летнему разногласию между КНР и США по тайваньскому вопросу: правительство США впервые заявило, что не будет препятствовать китайцам решать тайваньский вопрос путем мирного диалога; правительство КНР, в свою очередь, опровергло мнение, что установление дипломатических отношений зависит от решения тайваньского вопроса [32, р. 177]. В Совместном китайско-американском коммюнике 1972 г. США заявили, что все китайцы по обе стороны Тайваньского пролива признают, что существует только один Китай, Тайвань является частью Китая и США не оспаривают эту позицию [15]. В Совместном коммюнике об установлении дипломатических отноше-

ний между КНР и США Соединенные Штаты признали, что правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством Китая [25].

В Коммюнике 17 августа правительство США придавало большое значение отношениям с Китаем и вновь заявляло, что США не намерены посягать на суверенитет и территориальную целостность Китая, вмешиваться в его внутренние дела или проводить политику «два Китая» или «один Китай, один Тайвань». Правительство США приняло на себя следующие обязательства: 1) продаваемое им оружие Тайваню как по качеству, так и по количеству не будет превосходить уровень оружия, предоставленного в последние годы после установления дипломатических отношений между КНР и США; 2) американское правительство готово постепенно уменьшить объем продажи оружия Тайваню; 3) окончательное разрешение данного вопроса состоится через определенный отрезок времени [1].

В 1969–1988 гг. общие потребности Китая и США в области стратегии безопасности превзошли идеологические разногласия. Установление дипломатических отношений между Китаем и Соединенными Штатами изменило международный порядок, что имело большое значение для мира и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также способствовало обмену и развитию двух стран в сферах экономики, торговли, науки и техники, культуры и т. д.

Период политических конфликтов (1989–1993 гг.). С апреля по июнь 1989 г. в Пекине и других китайских городах возникли политические волнения. США под предлогом защиты демократии и прав человека предприняли попытку вмешательства во внутренние дела Китая, что привело к самому серьезному кризису с момента установления китайско-американских дипломатических отношений.

На пресс-конференции 5 июня 1989 г. президент США Дж. Буш-ст. объявил о введении санкций против Китая: запрет на все продажи оружия между правительствами и коммерческий экспорт оружия, приостановка визитов военных руководителей двух стран, повторное рассмотрение запросов на продление срока пребывания в США китайских студентов, оказание гуманитарной и медицинской помощи пострадавшим в результате терактов через Общество Красного Креста, а также повторное рассмотрение других вопросов американо-китайских отношений [34].

20 июня 1989 г. правительство США вновь приостановило взаимодействие с высокопоставленными правительственными чиновниками Китая и потребовало у Всемирного банка и Азиатского банка развития отложить рассмотрение вопроса о предоставлении новых кредитов Китаю [33, р. 764].

Одновременно с введением санкций против КНР американское правительство по-прежнему было обеспокоено тем, что реакция США на кризис может иметь тяжелые последствия как для Китая, так и для отношений между двумя странами [29, р. 240]. В подкрепление своих намерений 30 июня – 1 июля 1989 г. Дж. Буш-ст. инициировал секретную поездку советника президента по национальной безопасности Б. Скоукрофта и заместителя госсекретаря Л. Иглбергера в Пекин. С 10 по 13 декабря 1989 г. состоялся второй визит американской делегации во главе с Б. Скоукрофтом и Л. Иглбергером в Пекин (в отличие от первой вторая поездка стала публичной) [14, с. 49–50].

31 октября 1989 г. Дэн Сяопин встретился с бывшим президентом США Р. Никсоном в Доме народных собраний и высоко оценил отечественные в китайско-американских отношениях, а также заявил, что США должны более активно сглаживать противоречия, развивать дружественные отношения между государствами, руководствуясь принципом невмешательства во внутренние дела других стран [11, с. 136]. Переговоры главы МИД КНР Цянь Цичэня с Дж. Бушем в Вашингтоне в ноябре 1990 г. стали первой встречей высокопоставленного официального лица Китая с президентом США за истекшие два года и явились важным шагом в снижении уровня американского противодействия развитию диалога с Китаем. Год спустя, в ноябре 1991 г., состоялся визит в КНР Госсекретаря США Дж. Бейкера, по существу означавший окончание конфронтации и продвижение к нормализации отношений [16, с. 46].

Результаты визита Дж. Бейкера в Китай имели важное значение для восстановления американо-китайских отношений. Во время визита американская сторона выразила поддержку вступлению Китая в Генеральное соглашение по тарифам и торговле в качестве страны-участницы и Тайваня в качестве независимой таможенной зоны. Китайская сторона заявила, что Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей завершит процедуры рассмотрения и утверждения до конца 1991 г., а правительство КНР официально присоединится к Договору о нераспространении ядерного оружия в течение трех месяцев [2].

В сентябре 1992 г. правительство США приняло решение о продаже Тайваню 150 современных истребителей типа F-16. Эта акция создала новые преграды на пути развития китайско-американских отношений и разрешения тайваньского вопроса [20]. В целях смягчения неблагоприятных последствий продажи оружия Тайваню правительство США отменило политические, экономические и технологические санкции в отношении Китая после политических беспорядков в Пекине. В мае

1993 г. американское правительство выдвинуло политические условия по вопросу режима наибольшего благоприятствования в Китае, что максимально ухудшило китайско-американские политические отношения. В июле Соединенные Штаты обвинили китайское грузовое судно «Иньхэ» в перевозке опасных химических веществ и приостановили его коммерческую деятельность [12]. В августе правительство США заявило, что Китай передал Пакистану ракетные технологии, и ввело санкции против Китая [8, с. 348]. Шанс выхода отношений между Китаем и США из тупика появился в ноябре 1993 г. на неформальном саммите АТЭС в Сиэтле, в ходе которого председатель КНР Цзянь Цзэминь и президент США У. Клинтон провели встречу и достигли консенсуса о поддержке здоровых и стабильных китайско-американских отношений в XXI в. [23].

Окончание «холодной войны» и распад СССР привели к исчезновению общих стратегических интересов Китая и США, которые основывались на противостоянии советскому гегемонизму, и во взаимодействии двух стран в сфере стратегической безопасности появилась некоторая неопределенность [21, с. 76]. С появлением «теории китайской угрозы» США начали воспринимать развивающийся Китай в качестве потенциальной угрозы в глобальном масштабе. Социализм с «дипломатией в области прав человека» и «мирной эволюцией» являлся для США главным дипломатическим средством сохранения своей гегемонии и установления однополярной системы мира. КНР, являясь одним из крупнейших социалистических государств, стала первой мишенью, пострадавшей от политического давления. Это серьезно подорвало стабильность политических отношений между двумя странами.

Политика урегулирования внешнего курса КНР предотвратила радикальное ухудшение китайско-американских политических отношений. Столкнувшись с резкими изменениями политической ситуации в Восточной Европе, Дэн Сяопин выдвинул стратегический курс «хладнокровно наблюдать, крепко стоять на ногах, спокойно решать проблемы, выжидать в тени, вести себя скромно, никогда не претендовать на лидерство» [7, с. 174]. В то же время, ориентируясь на соседние страны, Китай активно улучшал дипломатические отношения с другими государствами. За три года, прошедшие после политических волнений в Пекине, международное положение и влияние Китая на региональные и международные дела значительно выросли [8, с. 430]. В декабре 1992 г. китайский лидер Цзянь Цзэминь встретился с делегацией Палаты представителей США и предложил курс на улучшение китайско-американских отношений путем следования принципам «углубления доверия, уменьшения проблем, развития сотрудничества, избегания противостояний» [22].

Различия в идеологии и общественной системе являются проблемами, с которыми сталкиваются КНР и США. Во время «холодной войны» соревнование в стремлении к гегемонии между США и СССР было основной особенностью международной обстановки. В связи с этим китайско-американские отношения с самого начала подчинялись советско-американским отношениям. Когда угроза со стороны СССР уменьшилась, отношения партнерства между Китаем и США стали базироваться на некоторых общих интересах [13, с. 781].

На основании вышеизложенного можно отметить особенности развития китайско-американских политических отношений в 1969—1993 гг.

1. Процесс развития китайско-американских политических отношений был достаточно сложным. Совместное сдерживание советской гегемонии и китайская политика реформ и открытости эффективно способствовали китайско-американскому политическому сотрудничеству в 1969—1988 гг. Для достижения консенсуса по вопросам, касающимся основных интересов Китая, таких как суверенитет Тайваня и продажа оружия Тайваню, КНР и США прошли сложный путь. После окончания «холодной войны» угроза со стороны Советского Союза ослабла, а США начали оказывать давление на Китай, что привело в 1989—1993 гг. к политическим конфликтам. Изменения во внешней политике Китая с 1989 г. содействовали стабилизации развития китайско-американских политических отношений. В конце 1993 г. направлением развития китайско-американских отношений стало усиление политического сотрудничества.

2. Китайско-американские политические отношения имели позитивные тенденции развития. В 1969—1972 гг. КНР и США обменивались политическими мнениями в основном через третьи страны, посредством китайско-американских переговоров на уровне послов

и неофициальных визитов официальных лиц США в Китай. Благодаря установлению дипломатических отношений были устранены ограничения китайско-американских официальных обменов. С 1979 по 1988 г. количество официальных визитов двух стран значительно увеличилось. Три коммюнике, заключенные между Китаем и США в период 1972—1982 гг., подчеркнули важнейшие политические консенсусы, достигнутые двумя странами. Правительство КНР было признано единственным законным правительством страны, а Тайвань — частью территории Китая, что продемонстрировало единство мнений международного сообщества, а также норму международных отношений для соблюдения всеми странами. Несмотря на то, что санкции США против Китая после окончания «холодной войны» ухудшили китайско-американские отношения, две стороны всегда старались поддерживать взаимодействие в политической области и вывести двусторонние отношения из затруднительных ситуаций.

3. В китайско-американских политических отношениях существовали и некоторые негативные факторы. Во-первых, в 1990-х гг. произошли изменения международной ситуации, что стало основной внешней причиной трений в китайско-американских политических отношениях. Во-вторых, огромные различия в социальной системе и идеологии стали фундаментальными внутренними причинами политических разногласий между Китаем и США. Идеологическое сдерживание после «холодной войны» стало важным политическим инструментом США в отношении Китая, что мешало двум странам вести политический диалог.

Таким образом, в 1969—1993 гг. исходя из стремления к единению при сохранении различий правительства Китая и США путем политического диалога проводили устранение разногласий и укрепление взаимодоверия.

Список использованных источников

1. Ба и ци гунбао = Коммюнике 17 августа [Электронный ресурс] // Чжун Го чжу Мэ Го дашигуань = Посольство КНР в США. — 01.06.2010. — Режим доступа: <http://us.china-embassy.gov.cn/zmgx_1/zywj/lhgb/201006/t20100601_5060590.htm>. — Дата доступа: 26.06.2022 (на кит. яз.).
2. Вай Цзяо Бу фаяньжэнь тань Бэйкэ фанхуа чэнгоу = Официальный представитель МИД рассказал о результатах визита госсекретаря США Джеймса Бейкера в Китай // Жэньминь жибао. — 1991. — 18 нояб. — С. 1 (на кит. яз.).
3. Ван Чжэн. Гоцзи гуанси чжун дэ шуаньбянь гуанси цзи ци цзегоу тэчжэн таньси = Анализ двусторонних отношений и их структурных особенностей в международных отношениях / Ван Чжэн // Гоцзи гуанча = Междунар. наблюдение. — 2018. — № 4. — С. 104—123 (на кит. яз.).
4. Визит в КНР Р. Рейгана [Электронный ресурс] // Китайский информационный Интернет-центр. — 18.09.2015. — Режим доступа: <http://russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2015-09/18/content_36623579.htm>. — Дата доступа: 27.06.2022.
5. Гун Ли. Дэн Сяопин юй 1977 нянь чжихоу дэ Чжун Мэй гуанси = Дэн Сяопин и китайско-американские отношения после 1977 г. / Гун Ли // Мэ Го яньцзю = Исследование США. — 2001. — № 2. — С. 7—20 (на кит. яз.).
6. Давыдов, А. С. Пекин, Вашингтон, Москва: взаимоотношения в контексте трансформации глобальной архитектуры / А. С. Давыдов. — М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2015. — 400 с.
7. Дандай Чжун Го вайцзю = Современная китайская дипломатия / сост.: Гун Ли, Ли Баоцзюнь. — Пекин: Гаодэн цзюэюй чубаньшэ = Изд-во высшего образования, 2019. — 341 с. (на кит. яз.).
8. Дандай Чжун Мэй гуанси яньцзю (1979—2009) = Исследование современных китайско-американских отношений (1979—2009 гг.) / Тао Вэньчжао [и др.]. — Пекин: Шэхуэй кэсюе чубаньшэ = Изд-во обществ. наук, 2012. — 824 с. (на кит. яз.).
9. Дегтярёв, А. В. Роль Совета Национальной Безопасности в дипломатической подготовке визита Р. М. Никсона в КНР в феврале 1972 г. / А. В. Дегтярёв // Вестн. Томск. гос. ун-та. — 2008. — № 311. — С. 72—79.

10. Дэн Сяопин вэйсюань = Избранные произведения Дэн Сяопина / Чжун Гун Чжун Ян вэньсян бяньцзи вэйюань-хуэй = Комитет перевода и редактирования документов ЦК КПК. — Пекин: Жэньминь чубаньшэ = Народ. изд-во, 1994. — 446 с. (на кит. яз.)
11. Дэн Сяопин цзянхуа окшилу = Запись выступления Дэн Сяопина / Дэн Сяопин цзянхуа шилу бяньсецзу = Группа записи выступления Дэн Сяопина. — Пекин: Хунци чубаньшэ = Изд-во Красного знамени, 2018. — 1730 с. (на кит. яз.)
12. Инцидент с китайским судном Иньхэ [Электронный ресурс] // Китайский информационный Интернет-центр. — 18.09.2015. — Режим доступа: <http://russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2015-09/18/content_36623580.htm>. — Дата доступа: 27.06.2022.
13. Киссинджер, Г. А. Лунь Чжун Го = О Китае / Г. А. Киссинджер. — Пекин: Чжунсинь чубаньшэ = Из-во Чжунсинь, 2015. — 1211 с. (на кит. яз.)
14. Косов, А. П. Политика США в отношении Китая в период президентства Дж. Буша-ст. / А. П. Косов // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». — 2014. — Т. 18. — С. 45–52.
15. Косов, А. П. Политика США в отношении КНР в период президентства Р. Никсона / А. П. Косов // Метаморфозы истории. — 2014. — № 5. — С. 343–369.
16. Котляров, Н. Н. КНР—США: история экономических отношений / Н. Н. Котляров // Обозреватель = Observer. — 2002. — № 2. — С. 43–47.
17. Мур, Е. Путь в тысячу ли начинается с первого саммита / Е. Мур, П. Тарасенко [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. — 16.11.2021. — Режим доступа: <<https://www.kommersant.ru/doc/5078627?ysclid=17zwy84727011368>>. — Дата доступа: 25.06.2022.
18. Нью Цзюй. Чжун Хуа Же Мин Кон Хэ Го дуйвай гуанси ши гайлунь (1949—2000) = Введение в историю внешних сношений КНР (1949—2000 гг.) / Нью Цзюй. — Пекин: Бэйцзин дасюе чубаньшэ = Изд-во Пекин. ун-та, 2010. — 1141 с. (на кит. яз.)
19. Справка: хроника важных событий в китайско-американских политических отношениях [Электронный ресурс] // Китайский информационный Интернет-центр. — 02.04.2009. — Режим доступа: <http://russian.china.org.cn/international/txt/2009-04/02/content_17540278.htm>. — Дата доступа: 27.06.2022.
20. Тайваньский вопрос и объединение Китая [Электронный ресурс] // Посольство Китайской Народной Республики в Республике Беларусь. — 27.06.2006. — Режим доступа: <http://by.china-embassy.gov.cn/rus/zt/zgtw/200607/t20060726_2413647.htm>. — Дата доступа: 24.06.2022.
21. Чжан Хунчжи. Цзюйбянь хоу дэ фаньсы: Су Лянь цзети юй Чжун Мэ гуанси = Размышления после крутых перемен: распад Советского Союза и китайско-американские отношения / Чжан Хунчжи // Дан дэ вэньсянь = Литература ЦК КПК. — 2000. — № 77. — С. 75–81 (на кит. яз.)
22. Чжоу Ципу. Хуэйцзянь Мэ Го чжунюань фанхуатуань ши Цзян Цзэминь тань Чжун Мэй гуанси: цзэнцзя синьжэнь цзяньшао мафань, фачжань хэцэо, бугао дуйкан = Китайский лидер Цзян Цзэминь встретился с делегацией Палаты представителей США и предложил курс на улучшение китайско-американских отношений: углублять доверие, уменьшать проблемы, развивать сотрудничество, избегать противостояния / Чжоу Ципу // Жэньминь жибао. — 1992. — 1 дек. — С. 1 (на кит. яз.)
23. Чжу Маньтин. Цзян Цзэминь чжуси Кэлиньдунь цзунтун чжэнши хуэйу = Председатель КНР Цзян Цзэминь провел переговоры с президентом США Биллом Клинтонном / Чжу Маньтин, Лю Айчэн // Там же. — 1993. — 21 нояб. — С. 1 (на кит. яз.)
24. Чжун Мэй лянхэ гунбао = Китайско-американское совместное коммюнике [Электронный ресурс] // Чжун Го чжун Мэ Го дашигуань = Посольство КНР в США. — 01.06.2010. — Режим доступа: <http://us.china-embassy.gov.cn/zmgx_1/zywj/lhgb/201006/t20100601_5060580.htm>. — Дата доступа: 26.06.2022 (на кит. яз.)
25. Чжун Мэй цзяньцзяо гунбао = Китайско-американское коммюнике об установлении дипломатических отношений [Электронный ресурс] // Чжун Го чжун Мэ Го дашигуань = Посольство КНР в США. — 01.06.2010. — Режим доступа: <http://us.china-embassy.gov.cn/zmgx_1/zywj/lhgb/201006/t20100601_5060585.htm>. — Дата доступа: 26.06.2022 (на кит. яз.)
26. Ян Чжичжэнь. Чжун Го кайфан чжаньлюе юй Чжун Мэй гуанси = Стратегия открытости КНР и китайско-американские отношения / Ян Чжичжэнь. — Пекин: Чжиши чаньцюань чубаньшэ = Изд-во интеллект. собственности, 2014. — 852 с. (на кит. яз.)
27. FRUS. 1969—1976. Vol. XVIII. China. — Washington: United States Government Printing Office, 2007. — 1002 p.
28. Gaddis, J. L. Strategies of containment / J. L. Gaddis. — New York; Oxford: Oxford University Press, 2005. — 484 p.
29. Harding, H. A. Fragile Relationship: The United States and China since 1972 / H. A. Harding. — Washington: Brookings Institution, 1992. — 480 p.
30. Inaugural Address: 37th President of the United States: 1969—1974 Richard Nixon, 20 Jan. 1969 [Electronic resource] // The American Presidency Project. — Mode of access: <<https://www.presidency.ucsb.edu/documents/inaugural-address-1>>. — Date of access: 19.09.2022.
31. Kissinger, H. A. Diplomacy / H. A. Kissinger. — New York: Simon&Schuster, 1994. — 912 p.
32. Oksenberg, M. A Decade of Sino-American Relations / M. Oksenberg // Foreign Affairs. — 1982. — Vol. 61, N 1. — P. 175—195. (<https://doi.org/10.2307/20041357>)
33. Public Papers of the Presidents of the United States (George H. W. Bush: Book I: Jan. 20 — June 30 1989). — Washington: United States government printing office, 1990. — 883 p.
34. The President's News Conference: 41st President of the United States: 1989—1993, George Bush, 5 June 1989 [Electronic resource] // The American Presidency Project. — Mode of access: <<https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-45>>. — Date of access: 19.09.2022.

Статья поступила в редакцию 30 сентября 2022 г.

РАЗВИТИЕ ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КНР И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В 2005—2013 гг.

Сунь Шэнцзы

На основе анализа широкого круга источников и литературы определены основные направления и формы гуманитарного сотрудничества Китайской Народной Республики и Республики Беларусь в период 2005—2013 гг., а также нормативно-правовая основа и институты китайско-белорусского гуманитарного диалога. Выявлены характерные черты и особенности сотрудничества в образовательной сфере, установлены ключевые области научного партнерства. Проанализированы наиболее актуальные формы культурного диалога. Особое внимание уделено изучению перспективных направлений взаимодействия в туристической и медицинской областях. Сделан вывод о высокой зависимости гуманитарного сотрудничества от уровня политического диалога и статуса межгосударственных отношений Беларуси и Китая.

Ключевые слова: Беларусь; гуманитарное сотрудничество; двусторонние отношения; Китай; стратегическое сотрудничество.

«Development of Humanitarian Cooperation between the People's Republic of China and the Republic of Belarus in 2005—2013» (Sun Shengzi)

Based on the analysis of a wide range of sources and literature, the main directions and forms of humanitarian cooperation between the People's Republic of China and the Republic of Belarus in the period 2005—2013 determined: the legal framework of the Chinese-Belarusian humanitarian dialogue were characterised. The characteristic features and peculiarities of cooperation in the educational sphere was determined, the key areas of scientific partnership were also identified. The author has analysed the most popular forms of cultural dialogue. Particular attention was paid to the relevant aspects in tourism and medical fields. The dependence of humanitarian cooperation on the level of political dialogue and the status of interstate relations between Belarus and China is revealed in the conclusion.

Keywords: Belarus; bilateral relations; China; humanitarian cooperation; strategic cooperation.

Введение. Республика Беларусь является одним из ключевых партнеров Китая в Восточной Европе. После установления отношений стратегического сотрудничества в 2005 г. диалог между государствами активизировался во всех областях, включая гуманитарную. Взаимодействие в гуманитарной сфере является важной частью публичной дипломатии страны, которая содействует повышению международного влияния и привлекательности государства.

В последние годы интерес китайских и белорусских ученых к заявленной проблематике постепенно возрастает. Вместе с тем комплексного исследования, посвященного развитию китайско-белорусского сотрудничества в гуманитарной сфере в 2005—2013 гг., обнаружено не было. Отдельные аспекты проблемы нашли отражение в публикациях белорусских и китайских авторов. Так, Ван Цзюй [6], Сунь Инцзе [44], А. Л. Шевцова [57], Ян Синцзюань [59] сосредоточились на изучении образова-

тельного сотрудничества, Сунь Ваньху [41] уделил основное внимание научным связям, а работы А. В. Морозова [23] и Е. В. Тращенко [46] посвящены культурному диалогу сторон. Исследователь Ду Бо проанализировал отражение китайско-белорусских отношений в средствах массовой информации [16].

Целью данной статьи является анализ основных направлений и форм китайско-белорусского сотрудничества в гуманитарной сфере в период 2005—2013 гг. Выбор хронологических рамок обусловлен установлением официальных двусторонних отношений на стадии стратегического сотрудничества, которое в 2013 г. вышло на новый уровень — всестороннего стратегического партнерства. При подготовке статьи использовались источники и литература на китайском и русском языках, что способствовало относительной объективности выводов. Источниковой базой послужили официальные документы Центрального

Автор:

Сунь Шэнцзы — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: sunshengzi296@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Sun Shengzi — post-graduate student of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: sunshengzi296@gmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

правительства КНР, МИД КНР, Посольства КНР в Республике Беларусь, Посольства Республики Беларусь в КНР, Национального стипендиального совета КНР, материалы официальных сайтов учреждений образования, науки, культуры, здравоохранения Беларуси и Китая, данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, информация официальных СМИ. Методологическую основу исследования составили методы описания, сравнения, анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также ретроспективный и системный подходы.

Развитие гуманитарного сотрудничества Китая и Беларуси в значительной мере определялось состоянием политического диалога двух стран. В декабре 2005 г. во время государственного визита А. Г. Лукашенко в КНР главы государств подписали совместную декларацию Китайской Народной Республики и Республики Беларусь, в которой сообщалось о вступлении китайско-белорусских отношений в стадию стратегического сотрудничества [17]. Встреча на высшем уровне заметно активизировала двустороннее сотрудничество во всех сферах. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2011 г. Китай впервые вошел в тройку крупнейших партнеров Беларуси по импорту после России и Германии [24]. Стабильный и конструктивный политический диалог, динамичное экономическое сотрудничество заложили прочную основу китайско-белорусского взаимодействия в гуманитарной сфере. Страны заметно активизировали взаимодействие в сфере образования, науки, культуры, туризма и медицинского обслуживания. Это сопровождалось укреплением нормативно-правовой базы сотрудничества, выработкой новых форм его практической реализации.

Сотрудничество между КНР и Республикой Беларусь в сфере образования. В 2005—2013 гг. увеличивалась документальная база сотрудничества, расширялось взаимодействие между университетами, научно-исследовательскими учреждениями и социальными институтами. В качестве одного из важных способов укрепления отношений в области образования стал академический обмен, охвативший студентов вузов, аспирантов, научно-исследовательских и педагогических работников. В данный период наибольшее количество китайских студентов обучалось в Белорусском государственном университете (БГУ), Минском государственном лингвистическом университете (МГЛУ), Белорусском национальном техническом университете (БНТУ) и Белорусской государственной академии музыки. Благодаря согласованной политике правительств Китая и Беларуси число белорусских студентов, обучающихся в Китае, быстро выросло и в 2012/2013 учебном году достигло 672 человек [44, с. 155].

Совместные усилия правительств двух стран предоставили китайским студентам, аспирантам, докторантам и приглашенным ученым хорошую платформу для обучения в Беларуси. В течение указанного периода китайские студенты могли подать заявку на обучение за рубежом по трем программам, спонсируемым государством: государственной программе последиplomного образования Национального строительного университета высокого уровня, программе стипендий Китая и Содружества Независимых Государств по обмену и зарубежной программе стажировки молодых преподавателей колледжей и университетов [58]. Для студентов из Республики Беларусь, которые хотели подать заявку на обучение в Китае, существовали две программы, спонсируемые правительством КНР: стипендиальная программа Института Конфуция (с 2009 г.) и стипендиальная программа Правительства Китайской Народной Республики (учреждена в 1950-х гг.) [52]. В дополнение Республика Беларусь также ежегодно предоставляла государственные стипендии китайским студентам, обучающимся в Беларуси.

Вторым важным направлением образовательного сотрудничества стало изучение и преподавание иностранного языка. Рассматривая язык как связующее звено между людьми и незаменимый мост общения, Китай придавал особое значение его популяризации за рубежом. В ноябре 2006 г. страны подписали Соглашение между Министерством образования Республики Беларусь и Государственной канцелярией Китайской Народной Республики по международному распространению китайского языка о сотрудничестве в области преподавания китайского языка [35]. Это послужило отправной точкой создания и деятельности Института Конфуция в Республике Беларусь. В 2006 г. Республиканский центр китаеведения «Иероглиф» был преобразован в Республиканский институт китаеведения имени Конфуция БГУ [21]. Это был первый Институт Конфуция в Беларуси. В 2011 г. Институт Конфуция был открыт в МГЛУ [25]. Работа данных центров внесла важный вклад в распространение и популяризацию китайского языка в Беларуси, содействовала укреплению культурного, образовательного и языкового сотрудничества между государствами.

Преподавание китайского языка началось в средних школах Беларуси. В 2006 г. белорусские специалисты по народному образованию совместно с китайскими учителями подготовили учебные пособия по китайскому языку. Это был единственный комплект учебников, специально составленный для белорусских учащихся начальных и средних школ [29, с. 10]. В период с 2007 по 2013 г. учащиеся пяти учреждений среднего образования начали изучение китайского языка: гимназии № 12, 23 Минска, средние школы № 10, 20 Минска, № 44 Витебска [19].

В то же время белорусский язык стал постепенно изучаться в КНР. С середины 1990-х гг. отдельные китайские ученые (Ван Цюньшэн, Чжан Хунъюй) приступили к исследованию актуальных вопросов белорусской филологии. Они рассмотрели развитие белорусского языка в исторической ретроспективе и проанализировали его современное состояние [7; 50]. 27 апреля 2012 г. в Китае был открыт Центр изучения Беларуси при Восточно-китайском педагогическом университете. Центр стал первым научно-исследовательским учреждением в Китае, которое сосредоточилось на вопросах изучения и преподавания белорусского языка [55].

Образовательное сотрудничество между двумя странами не ограничивалось уровнем министерств и правительств, но также осуществлялось в рамках региональных и целевых проектов. Это нашло отражение в подписании соглашений о сотрудничестве между китайскими и белорусскими университетами и другими учебными заведениями. В октябре 1998 г. Китай и Беларусь подписали Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании [31]. В 2005—2013 гг. на основе этого соглашения был подписан ряд договоров о сотрудничестве между китайскими и белорусскими учреждениями образования (включая профессиональные колледжи, высшие учебные заведения и т. д.). В сентябре 2009 г. Государственное управление по делам иностранных специалистов КНР и Министерство образования Республики Беларусь согласовали углубление сотрудничества в области профессионального обучения, повышения квалификации и обмена экспертами [34]. Проведенный нами анализ официальных сайтов белорусских вузов демонстрирует, что в 2005—2013 гг. основными объектами сотрудничества крупных китайских университетов стали БГУ, Белорусский государственный университет физической культуры, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка и Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации (Гомель). Безусловным лидером являлся БГУ. Удалось установить, что к 2013 г. 22 китайских вуза установили с ним сотрудничество [18].

Развитие стратегического сотрудничества в области науки и техники. В XXI в. роль науки и технологий в национальном развитии и международных отношениях стала еще более важной. Представляется закономерным, что научно-техническое сотрудничество стало одним из приоритетных направлений гуманитарного диалога Китая и Беларуси.

На фоне установления отношений стратегического партнерства между КНР и Республикой Беларусь активизировалось двусторон-

нее научно-техническое сотрудничество. В декабре 2005 г. было подписано соглашение о научно-техническом сотрудничестве между Национальной академией наук Беларуси и Академией наук Китая [37]. В 2005—2007 гг. были подписаны протоколы о намерениях между Государственным комитетом по науке и технологиям Республики Беларусь и соответствующими структурами провинций Цзилинь, Хэйлуцзян и Шаньдун [3]. В мае 2012 г. во время визита парламентской делегации КНР в Беларусь в целях дальнейшего углубления партнерства была создана Межправительственная комиссия по сотрудничеству в области высоких технологий. В качестве перспективных направлений были названы машиностроение, микроэлектроника, лазерная техника, тонкая химия. Создание комиссии свидетельствовало об институционализации и структурировании данного направления гуманитарного диалога [2].

Активными участниками научно-технического взаимодействия стали белорусские и китайские вузы. Исследователь Ян Синцзюань отмечает, что с белорусской стороны наиболее активную позицию заняли БГУ, Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, БНТУ и Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины (ГУ). Среди китайских вузов наибольший интерес проявили Цзилиньский технический университет, Нанкинский, Сидяньский, Хэнаньский, Чжэнчжоуский и Шанхайский университеты, Чэндуский научно-технический университет, Пекинский политехнический университет, Пекинский педагогический институт [59, с. 35—36]. Между университетами двух стран подписывались соглашения по установлению сотрудничества и научно-технического обмена. Например, БГУ подписал соглашения с Харбинским политехническим университетом (2005 г.) [15] и Китайским университетом международных отношений (2011 г.) [38]. Стороны обязались проводить совместные научные исследования по смежным специальностям и вопросам, представляющим взаимный интерес. Предусматривался регулярный научный обмен профессорско-преподавательского состава и студентов. В отдельных случаях речь шла о многостороннем сотрудничестве. Так, в 2012 г. Даляньский политехнический университет, БГУ и Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск) подписали соглашение о совместном открытии научно-исследовательской лаборатории [49, с. 57—58].

Результатами диалога стало создание Белорусского центра научно-технического сотрудничества с Китайской Народной Республикой (2003 г.) [26], Белорусско-Китайского инновационного центра (2009 г.) [4], Белорусско-Китайского Чанчуньского научно-технологического парка (2010 г.) [53]. Благодаря

платформенной роли этих центров университетов и научно-технические учреждения Китая и Беларуси смогли создать широкую сеть контактов. Технопарк БНТУ «Политехник» совместно с Белорусско-Китайским Чанчуньским научно-технологическим парком реализовал несколько проектов по разработке медицинского оборудования, ландшафтного дизайна территории технопарка в Чанчуне и др. [27].

На уровне предприятий большая часть научно-технического сотрудничества осуществлялась при поддержке государственных органов Китая и Беларуси. Так, в 2006 г. Белорусский государственный технологический университет и компания «Гаоюань» Китайской Народной Республики создали совместный Китайско-Белорусский центр научных исследований в области дорожного строительства [20], в 2011 г. Китайская корпорация аэрокосмической науки и техники анонсировала запуск спутника связи для Беларуси [54]. В январе 2016 г. «Белинтерсат-1» был успешно запущен с китайского космодрома «Сичан» [40]. Свообразным прорывом стало решение о запуске проекта «Китайско-Белорусский индустриальный парк» [32].

Научное сотрудничество Беларуси и Китая в 2005—2013 гг. обнаружило взаимный интерес сторон к определенным областям. Наиболее активно развивались связи в области точных наук (в первую очередь, физика, математика, химия), связанных с развитием тяжелой промышленности, транспорта, микроэлектроники, лазерных технологий, а также аэрокосмической отрасли. Это демонстрировало важное значение научного направления для дальнейшего развития экономического и технологического партнерства Беларуси и Китая.

Китайско-белорусский диалог в области культуры. Культурное сотрудничество призвано укрепить взаимопонимание между Китаем и Беларусью и способствовать конструктивному строительству в евразийском стратегическом пространстве. В 1992 г. в Пекине китайское и белорусское правительства подписали Соглашение между Правительством КНР и Правительством Республики Беларусь о культурном сотрудничестве, в котором уточнялись направления и содержание предстоящего сотрудничества учреждений двух стран, включая проведение культурно-художественных выставок, дней культуры, и осуществление обменов между музеями и библиотеками [36]. Актуальность культурного сотрудничества между Китаем и Беларусью отмечалась в двусторонних документах 2005 и 2007 гг. [9; 37]. Культурное сотрудничество между странами можно проанализировать в двух измерениях: теоретическом и практическом. Первое предполагает установление контактов на высоком и высшем уровнях и подписание соглашений в области культуры, а второе — анализ проведенных совместных мероприятий.

В 2005—2013 гг. количество встреч глав правительств и министерств культуры Китая и Беларуси значительно выросло. Их целью являлась реализация стратегического сотрудничества в культурной сфере. Достижению цели содействовали визиты премьер-министра Вэнь Цзябао в Беларусь (2007 г.) и министра культуры Беларуси В. Матвейчука в Китай (2008 г.), а также посещение китайской правительственной культурной делегации Беларуси (2009 г.) [11; 30; 43, с. 35]. Контакты на высоком уровне содействовали развитию диалога между учреждениями культуры двух стран и проведению комплекса мероприятий. Среди них следует отметить выставки китайских музыкальных инструментов (2005 г.) и китайской живописи на льду и снегу (2006 г.), концерт «Вечер китайской музыки и поэзии» (2007 г.), выставки костюмов китайских народных традиций (2011 г.) и белорусского народного костюма и современной живописи (2012 г.) и др. [1; 9; 10; 14; 22]. Среди культурных мероприятий особое значение имели Дни культуры Китая в Беларуси и Дни культуры Беларуси в Китае. Страны ежегодно проводили подобные мероприятия с 1999 г. Однако только с выходом двусторонних отношений на уровень стратегического сотрудничества они превратились в эффективную площадку активизации культурных обменов с привлечением большого количества участников и включением разнообразных видов мероприятий.

Туристическое направление гуманитарного сотрудничества. Туризм занимает важное место в национальной экономике и играет особую роль в гуманитарном сотрудничестве государств. В 1993 г. в целях содействия развитию туризма между Китаем и Беларусью и облегчения обменов между гражданами двух стран были подписаны Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о взаимных безвизовых поездках по служебным делам и Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о взаимных безвизовых групповых туристических поездках [13]. Их подписание заложило прочную основу дальнейшего развития туристического партнерства Китая и Беларуси. Установление отношений стратегического сотрудничества привело к подписанию в декабре 2005 г. Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области туризма [33].

Важную роль в развитии сотрудничества сыграли туристические компании Китая и Беларуси, которые установили прямые контакты. В 2006 г. в Пекине прошла международная туристическая выставка «ВITE», в которой приняли участие белорусские компании. Национальное агентство по туризму Республики

Беларусь, фирмы «АлатанТур», «ЦентрКурорт», «Белинтурист», «Топ-Тур», информационный центр «Минск» и др. подписали ряд соглашений с китайскими партнерами (Всемирная туристическая корпорация и др.). В 2007 г. команда белорусских туроператоров вновь приняла участие в международной туристической выставке «СОТТМ», проходившей в Пекине [42, с. 47].

Диалог стимулировали и встречи на высоком уровне. В 2008 г. министр спорта и туризма Республики Беларусь А. В. Григоров посетил Китай и провел встречу с директором Главного управления спорта КНР Лю Пэном. Стороны обсудили конкретные вопросы сотрудничества и обменов в области спорта и туризма между Китаем и Беларусью. Особое внимание было уделено обсуждению предстоящей Олимпиады в Пекине и участию белорусской стороны в соревнованиях высшего уровня [45]. В 2008—2013 гг. благодаря постоянным усилиям правительств двух стран туристический поток продолжал увеличиваться. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, количество китайских туристов, посетивших Беларусь в 2012 г., составило 314 человек, а количество белорусских туристов, посетивших Китай, — 890 человек [47, с. 27]. В этот период белорусы чаще всего посещали Пекин и Шанхай, особым вниманием пользовались Великая китайская стена, Запретный город, Пещера тысячи будд, остров Хайнань, монастырь Шаолинь и др. [51, с. 44]. Наибольшее количество китайских туристов предпочитало посетить столицу Республики Беларусь. В то же время, по состоянию на 2013 г., оставались нерешенными вопросы безвизового режима в отношении всех категорий граждан, владельцев обычных паспортов, а также организации прямых авиарейсов между Беларусью и Китаем.

Сотрудничество между КНР и Республикой Беларусь в области медицины. Китайско-белорусское сотрудничество в области медицины началось относительно поздно и в 2005—2013 гг. демонстрировало невысокую динамику по сравнению с другими направлениями гуманитарного сотрудничества.

В июле 1994 г. Китайская Народная Республика и Республика Беларусь подписали Соглашение о сотрудничестве между Министерством здравоохранения Республики Беларусь и Министерством здравоохранения Китайской Народной Республики в области здравоохранения и медицинской науки [39]. С тех пор китайско-белорусское сотрудничество в данной области основывалось на содержании этого документа. Медицина как важная отрасль гуманитарного сотрудничества была упомянута в совместной декларации Китайской Народной Республики и Республики Беларусь (подписана по итогам государственного визита Президента А. Г. Лукашенко в КНР в 2001 г.), а также

совместном коммюнике Правительства Китайской Народной Республики и Правительства Республики Беларусь (подписано по результатам визита главы Госсовета КНР Вэнь Цзябао в Республику Беларусь в ноябре 2007 г.) [12; 56].

В рассматриваемый период взаимодействия в медицинской сфере, главным образом, сводилось к проектам гуманитарной помощи и сотрудничеству в области традиционной китайской медицины (ТКМ). Конкретные проекты реализовывались, как правило, по итогам успешных визитов на высоком уровне. Так, в 2005 г. министр здравоохранения Беларуси Л. А. Постоялко посетила Академию медицинских наук Китая. Стороны обсудили вопросы профилактики и борьбы с онкологическими заболеваниями в связи с последствиями аварии на ЧАЭС. Это был первый официальный визит представителя Беларуси в Китай, посвященный обмену опытом использования методов ТКМ. По результатам визита белорусской стороной была предложена идея создания в Минске совместного медицинского научно-исследовательского института [5, с. 2534]. В 2006 г. белорусская делегация медиков посетила Академию медицинских наук Китая. Белорусская сторона выразила заинтересованность в открытии центра ТКМ в Минске и заручилась согласием китайских коллег помочь с организацией обучения и оказания консультационных услуг [48]. В 2007 г. делегация Белорусской академии медицинских наук посетила Всемирный объединенный штаб акупунктуры и прижигания в Пекине [7, с. 2534].

Отдельным направлением сотрудничества в области медицины стала фармацевтика. Так, в 2008 г. препараты предприятия «Ци Син», которое представляет ТКМ, были впервые зарегистрированы в качестве лекарственного средства и успешно вышли на белорусский фармацевтический рынок. Перспективным направлением сотрудничества стали медицинские технологии. В 2010 г. в Белорусско-Китайском Чанчуньском научно-технологическом парке был реализован проект в области медицинских лазеров [53]. Одновременно при поддержке Китая было завершено строительство Центра торакальной хирургии Гомельского государственного центра профилактики и лечения сердечно-сосудистых заболеваний в Беларуси [8]. В 2012 г. Нанкинский университет науки и технологий и ГТУ имени Франциска Скорины создали Китайско-Белорусскую научную лабораторию вакуумно-плазменных технологий [28, с. 73]. Очевидно, сотрудничество в области медицинских технологий представляло большой взаимный интерес. В то же время актуальный для китайской стороны вопрос развития и популяризации ТКМ не был решен окончательно и требовал дополнительного внимания и анализа со стороны белорусских партнеров.

Заключение. Установление отношений стратегического сотрудничества между Китаем и Беларусью придало новый импульс развитию контактов между государствами. На протяжении 2005—2013 гг. политическое и экономическое сотрудничество двух стран интенсивно развивалось, в связи с этим активизация взаимодействия в гуманитарной сфере представлялась актуальной и насущной задачей. Приоритетными направлениями двустороннего диалога стали образование, наука, культура, а также туризм и здравоохранение.

Сотрудничество в области образования, науки и культуры развивалось достаточно динамично как на уровне официальных межправительственных структур, так и в рамках контактов учреждений образования. Наблюдалось расширение стипендиальных программ, рост показателей академического обмена, изучение китайского языка стало доступным белорусским школьникам и студентам. В то же время в КНР белорусский язык был впервые включен в программу университетов. Научный диалог осуществлялся на уровне академий наук, государственных комитетов по науке и технологиям, а также посредством сотрудничества вузов и предприятий. Интенсификации культурного партнерства содействовали официальные визиты представителей двух стран, установление прямых контактов между учреждениями и диверсификация форм сотрудничества. Благодаря регулярным визитам на высоком и высшем уровнях, а также созданию профильных структур происходила

институционализация белорусско-китайского сотрудничества. По итогам 2005—2013 гг. взаимодействие в области образования, науки и культуры выглядело наиболее плодотворным и результативным.

В то же время в процессе углубления взаимодействия Китая и Беларуси в гуманитарной сфере обнаружились некоторые трудности и ограничения. Так, двусторонние отношения в области медицины и туризма развивались относительно медленно, промежуточные результаты к 2013 г. оказались скромными, а формы диалога оставались достаточно простыми. Развитие туристического направления сдерживалось сохранением визового режима для индивидуальных туристов, отсутствием прямого авиасообщения между городами Беларуси и Китая. Сотрудничество в области фармацевтики, медицинских технологий и ТКМ выглядело перспективным, однако требовало времени и дополнительных нормативно-правовых основ реализации.

К концу рассматриваемого периода наметился переход межгосударственных отношений КНР и Республики Беларусь на качественно новый уровень. В связи с этим стала очевидной потребность дальнейшего укрепления сотрудничества в сфере образования, науки и культуры, а также обогащения содержания и форм диалога в медицинской и туристической отраслях. Новый статус межгосударственных отношений Беларуси и Китая, обозначенный в 2013 г., позволял прогнозировать интенсификацию гуманитарного сотрудничества сторон.

Список использованных источников

1. Бай эр ло сы мин цзоу фу чжуан ди сянь дай хуэй хуа чжань лян сян шуо ду ту шу гуань = Выставка белорусского национального костюма и современной живописи в столичной библиотеке [Электронный ресурс] // Чжун хуа жэнь мин гун хэ го го юань = Государственный совет Китайской Народной Республики. — 27.11.2012. — Режим доступа: <<http://www.scio.gov.cn/zhzc/35353/35354/Document/1503763/1503763.htm>>. — Дата доступа: 26.07.2022 (на кит. яз.).
2. Беларусь и Китай подписали соглашение о сотрудничестве в области высоких технологий [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 21.05.2012. — Режим доступа: <<https://pravo.by/povosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2012/may/9100/>>. — Дата доступа: 26.09.2022.
3. Белорусский центр научно-технического сотрудничества с КНР [Электронный ресурс] // Национальный научно-технический портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://scienceportal.org.by/cooperation/opportunities/centers/bel-tsentr-sotrudnichestva-s-KNR.html>>. — Дата доступа: 26.09.2022.
4. Белорусско-Китайский инновационный центр [Электронный ресурс] // Белорусский государственный университет. — Режим доступа: <http://research.bsu.by/innovative-activity/int_sci_tech_cooperation/inter-innov-centre/belchine-centr/>. — Дата доступа: 10.06.2022.
5. Ван Синьгун. «И дай и лу» чан и чжу туй бай эр ло сы чжун и яо дэ синь фа чжань = Инициатива «Один пояс, один путь» способствует новому развитию традиционной китайской медицины в Беларуси / Ван Синьгун, Цзян Чэньсюе // Дун бэй я цзин цзи янь цзю = Мировая традиционная китайская медицина. — 2019. — № 9. — С. 2533—2536.
6. Ван Цзюй. «И дай и лу» чан и ся дэ чжун бай цзю юй хэ цзо: ли ши, сянь чжуан юй чжань ван = Китайско-белорусское сотрудничество в сфере образования в рамках инициативы «Один пояс, один путь»: история, текущая ситуация и перспективы / Ван Цзюй // Хэ нань цзю юй = Журн. образования Хэнаня. — 2018. — № 7. — С. 16—19 (на кит. яз.).
7. Ван Цюньшэн. Бай э ло сы юй дэ ли ши хэ сянь чжуан = История и современное состояние белорусского языка / Ван Цюньшэн // Цзин чжоу ши чжуань сюе бао = Журн. педагог. колледжа Цзинчжоу. — 1995. — № 6. — С. 73—77 (на кит. яз.).
8. Во юань цзянь гэ мэи ли чжоу сюн вай ке шуо шу чжун синь цзюнь гун дянь ли цзюй син = Состоялась церемония завершения строительства Центра торакальной хирургии в Гомельской области с помощью Китая [Электронный ресурс] // Чжун хуа жэнь мин гун хэ го чжу бай эр ло сы гун хэ го да ши гуань цзин цзи шан у чу = Торгово-экономический отдел Посольства Китайской Народной Республики в Республике Беларусь. — 20.12.2012. — Режим доступа: <<http://by.mofcom.gov.cn/article/zxhz/hzjj/201012/20101207318497.shtml>>. — Дата доступа: 06.07.2022 (на кит. яз.).
9. Выставка китайских народных костюмов открылась в историческом музее Беларуси [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао. — Режим доступа: <<http://russian.people.com.cn/31519/7289317.html>>. — Дата доступа: 08.07.2022.
10. Выставка народных костюмов из Китая открылась в Шумилинском историко-краеведческом музее [Электронный ресурс] // Герой працы. — 25.08.2011. — Режим доступа: <<http://www.shumilino.by/?p=4308>>. — Дата доступа: 26.09.2022.

11. Вэнь хуа бу фу бу чжан шуай чжун го чжэн фу вэнь хуа дай бяо туань фан вэнь бай э ло сы = Заместитель министра культуры возглавил культурную делегацию правительства Китая с визитом в Беларуси [Электронный ресурс] // Чжун хуа жэнь минь гун хэ го чжэн фу ван = Правительство КНР. — 21.09.2009. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/govweb/gzdt/2009-09/21/content_1422737.htm>. — Дата доступа: 26.09.2022 (на кит. яз.).
12. Вэнь Цзябао провел встречу с и. о. премьер-министра Беларуси В. Семашко [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. — 06.11.2007. — Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjw/zjjg/dozys/xwlb/200711/t20071106_930357.html>. — Дата доступа: 26.09.2022.
13. Государства, с которыми Республики Беларусь заключила соглашения о взаимных безвизовых поездках граждан [Электронный ресурс] // Ассоциация автобусных перевозчиков. — Режим доступа: <<https://asbus.by/resource/site/file/16passengers.pdf>>. — Дата доступа: 26.09.2022.
14. Гришкевич, А. Творческий вечер китайской музыки и поэзии прошел в Доме дружбы в Минске / А. Гришкевич [Электронный ресурс] // news.21.by: стартовая страница Беларуси. — Режим доступа: <<http://news.21.by/culture/2007/02/14/498157.html>>. — Дата доступа: 13.06.2022.
15. Договор о сотрудничестве между Белорусским государственным университетом (Беларусь) и Харбинским политехническим университетом (Китай) от 15 нояб. 2005 г. [Электронный ресурс] // Белорусский государственный университет. — 15.11.2005. — Режим доступа: <https://ums.bsu.by/images/Agreements/China/Harbin_politech.pdf>. — Дата доступа: 26.09.2022.
16. Ду Бо. Мэй ти янь чжун дэ чжун бай лян го гуань си фа чжань янь цю = Исследование развития китайско-белорусских отношений с точки зрения СМИ / Ду Бо // Дун нань да сюе шо ши би е лунь вэнь = Магистерская диссертация Юго-восточ. ун-та. — 2016. — 62 с. (на кит. яз.).
17. Китай и Беларусь подписали Совместную декларацию [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. — 05.12.2005. — Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/gb/200512/t20051206_858111.html>. — Дата доступа: 26.09.2022 (на кит. яз.).
18. Китай [Электронный ресурс] // Белорусский государственный университет. — Режим доступа: <<https://ums.bsu.by/ru/international-partnership/bilateral-agreements/china/>>. — Дата доступа: 06.06.2022.
19. Китайский язык изучают в пяти школах и гимназиях Беларуси [Электронный ресурс] // БЕЛТА. — 17.09.2011. — Режим доступа: <<https://www.belta.by/society/view/kitajskij-jazyk-izuchajut-v-pjati-shkolah-i-gimnazijah-belarusi-119900-2011>>. — Дата доступа: 06.07.2022.
20. Китайско-Белорусский центр научных исследований в области дорожного строительства [Электронный ресурс] // Белорусский центр научно-технического сотрудничества с Китайской Народной Республикой. — Режим доступа: <<http://belarus-china.bntu.by/o-centre/kitajsko-belorusskij-centr-nauchnyh-issledovanij-v-oblasti-dorozhno-gostroitelstva/>>. — Дата доступа: 10.06.2022.
21. Краткая история Республиканского института китаеведения имени Конфуция Белорусского государственного университета [Электронный ресурс] // Республиканский институт китаеведения имени Конфуция Белорусского государственного университета. — Режим доступа: <<https://rci.bsu.by/about-ru.html>>. — Дата доступа: 26.09.2022.
22. Лу Пин. Чжун го бин сюе хуа цзай бай э ло сы фань сян кун цянэ = Китайские картины из льда и снега вызвали небывалый резонанс в Беларуси / Лу Пин // Вэнь и пин лунь = Журн. лит. критики. — 2007. — № 1. — С. 96—98 (на кит. яз.).
23. Морозов, А. В. Межкультурный диалог как основа укрепления белорусско-китайского сотрудничества / А. В. Морозов // Картина мира через призму китайской и белорусской культур: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 6 дек. 2019 г. / редкол.: М. В. Мишкевич (гл. ред.) [и др.]; Белорус. гос. экон. ун-т, Респ. ин-т китаеведения. — Минск, 2020. — С. 3—7.
24. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <<http://dataportal.belstat.gov.by/AggregatedDb>>. — Дата доступа: 20.09.2022.
25. Об Институте [Электронный ресурс] // Официальный сайт Института Конфуция в МГЛУ. — Режим доступа: <<https://ci.mslu.by/ob-institute>>. — Дата доступа: 20.09.2022.
26. О центре [Электронный ресурс] // Белорусский центр научно-технического сотрудничества с Китайской Народной Республикой. — Режим доступа: <<http://belarus-china.bntu.by/o-centre/>>. — Дата доступа: 10.06.2022.
27. Рассказываем, что нужно знать о Белорусско-Китайском технопарке в Чанчуне [Электронный ресурс] // Белорусский национальный технический университет. — 05.04.2021. — Режим доступа: <<https://bntu.by/en/news/8684-tehnopark-v-chanchune>>. — Дата доступа: 26.09.2022.
28. Рогачёв, А. В. Сотрудничество Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины с вузами и организациями КНР / А. В. Рогачёв, В. И. Коваль, С. А. Хахомов // Белорусско-китайское промышленное и научно-техническое сотрудничество: материалы I Белорус.-кит. семинара по пром. и науч.-техн. сотрудничеству / редкол.: А. Н. Гордей, Лю Сулин. — Минск: РИВШ, 2013. — С. 71—78.
29. Син Юе. Бай э ло сы чжун вэнь цзяо цай «Хань юй» янь цю юй фэнь си = Исследование и анализ белорусско-китайского учебника «Китайский язык» / Син Юе // Шань дун да сюе бо ши сюе вэй лунь вэнь = Докторская диссертация Шаньдунского университета. — 2020. — 61 с. (на кит. яз.).
30. Совместное коммюнике Правительства Республики Беларусь и Правительства Китайской Республики от 5 нояб. 2006 г. [Электронный ресурс] // СБ — Беларусь сегодня. — 06.11.2007. — Режим доступа: <<https://www.sb.by/articles/sovmestnoe-kommunike-pravitelstva-respubliki-belarus-i-pravitelstva-kitayskoj-narodnoj-respubliki-.html>>. — Дата доступа: 05.06.2022.
31. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании: [закл. в г. Пекине 28 окт. 1998 г.] [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.
32. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о Китайско-Белорусском индустриальном парке: [закл. в г. Минске 18 сент. 2011 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
33. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области туризма: [закл. в г. Пекине 5 дек. 2005 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
34. Соглашение между Министерством образования Республики Беларусь и Государственным управлением по делам иностранных специалистов Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области профессиональной подготовки, повышения квалификации, стажировки и переподготовки кадров, обмена специалистами: [закл. в г. Минске 8 сент. 2009 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
35. Соглашение между Министерством образования Республики Беларусь и Государственной канцелярией Китайской Народной Республики по международному распространению китайского языка о сотрудничестве в области преподавания китайского языка: [закл. в г. Пекине 16 нояб. 2006 г.] [Электронный ресурс] // Там же.
36. Соглашение о культурном сотрудничестве между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Республики Беларусь // Белорусско-китайские отношения в межгосударственных, межправительственных и межведомственных документах (1992—2019 гг.) / сост.: А. В. Воловик, А. Ю. Грабко, Ю. С. Вергейчик. — Минск: Изд. центр БГУ, 2019. — С. 210—212.
37. Соглашение о научно-техническом сотрудничестве между Национальной академией наук Беларуси и Академией наук Китая: [закл. в г. Пекине 5 дек. 2005 г.] [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН-online. — Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=i00500020&q_id=6531681>. — Дата доступа: 26.09.2022.

38. Соглашение о сотрудничестве между Китайским университетом международных отношений и Белорусским государственным университетом от 27 июня 2011 г. [Электронный ресурс] // Белорусский государственный университет. — 27.06.2011. — Режим доступа: <https://ums.bsu.by/images/Agreements/China/China_foreign_Affairs_University.pdf>. — Дата доступа: 26.09.2022.
39. Соглашение о сотрудничестве между Министерством здравоохранения Республики Беларусь и Министерством здравоохранения Китайской Народной Республики в области здравоохранения и медицинской науки: [закл. в г. Пекине 28 марта 1994 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.
40. Спутник «Белинтерсат-1» запущен с космодрома в Китае [Электронный ресурс] // БЕЛТА. — 15.01.2016. — Режим доступа: <<https://www.belta.by/tech/view/sputnik-belintersat-1-zapuschen-s-kosmodroma-v-kitae-177748-2016/>>. — Дата доступа: 26.09.2022.
41. Сунь Ваньху. Ли цзу чан юань гуй хуа — чжун го юй ду лян ти го цзя кэ цзи хэ цзо = На основе долгосрочного планирования — научно-техническое сотрудничество между Китаем и Содружеством Независимых Государств / Сунь Ваньху // Го цзи мао и = Междунар. торговля. — 2001. — № 6. — С. 9—12 (на кит. яз.).
42. Сунь Инцзе. Взаимодействие КНР с Республикой Беларусь в области туризма в 1993—2018 гг. / Сунь Инцзе // Этнокультурное наследие Беларуси и его использование в туризме: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17 окт. 2019 г. / редкол.: Т. А. Новгородский, И. В. Олюнина (отв. ред.). — Минск: БГУ, 2020. — С. 45—50.
43. Сунь Инцзе. Китайско-белорусское взаимодействие в области культуры (1992—2018 гг.) / Сунь Инцзе // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2018. — № 3-4 (86-87). — С. 33—40.
44. Сунь Инцзе. Китайско-белорусское сотрудничество в области образования (1992—2018 гг.) / Сунь Инцзе // Актуальные проблемы междунар. отношений и глобального развития: сб. науч. ст. Вып. 6. — Минск, 2018. — С. 147—164.
45. Ти юй цзун цзюй цзюй чжан хуэй цзянь бай э ло сыт и юй юй люю лю бу чжан и син = Директор Главного управления спорта встретился с министром спорта и туризма Беларуси [Электронный ресурс] // Чжун хуа жэнь минь гун хэ го чжэн фу ван = Правительство КНР. — 24.04.2008. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/gzdt/2008-04/24/content_953033.htm>. — Дата доступа: 26.09.2022 (на кит. яз.).
46. Тращенко, Е. В. Фактор культуры в политике «мягкой силы» в белорусско-китайских отношениях / Е. В. Тращенко // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов. Вып. 24. — Минск: Четыре четверти, 2020. — С. 419—421.
47. Туризм и туристические ресурсы в Республике Беларусь, 2017. — Минск, 2017. — 83 с. [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — 2017. — Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/turizm/publikatsii_9/index_7630/?special_version=Y>. — Дата доступа: 20.07.2022.
48. Цинь Цю. Бай эр ло сы и сюе юань юань чжан фан вэнь чжун и ке сюе юань = Декан Белорусской медицинской академии посетил Академию китайских медицинских наук [Электронный ресурс] // Чжун го чжун и яо бао = Китайская медицина. — 20.04.2006. — Режим доступа: <http://211.103.141.53/html/content/2006-04/20/node_2.htm>. — Дата доступа: 26.09.2022 (на кит. яз.).
49. Чжан Синьянь. Задачи и возможности сотрудничества белорусских и китайских университетов в рамках реализации проекта «Пояс и путь» с учетом опыта БГУ и ДПУ / Чжан Синьянь // Развитие белорусско-китайского сотрудничества в сфере высшего образования в рамках проекта «Пояс и путь»: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26 окт. 2017 г. / под ред. В. А. Гайсенка, А. А. Тозика. — Минск: РИВШ, 2017. — С. 56—63.
50. Чжан Хунъюй. Бай эр ло сы юй янь сюе дэ янь цзю = Исследования в области белорусского языкознания / Чжан Хунъюй // Го вай вайю й цзюо сюе = Журн. преподавания иностр. яз. — 1994. — № 4. — С. 45—46 (на кит. яз.).
51. Чжао Цзыи. Анализ китайско-белорусского сотрудничества в сфере туризма и разработка предложений по повышению его эффективности: магистер. дис. / Чжао Цзыи [Электронный ресурс] // Электронная библиотека БГУ. — Режим доступа: <<https://elib.bsu.by/handle/123456789/238721>>. — Дата доступа: 08.07.2022.
52. Чжун го чжэн фу сюе сяо цин чжао шэн цзянь чжан = Руководство по приему на стипендиальную программу Правительства Китайской Народной Республики [Электронный ресурс] // Го цзя лю сюе цзи цзинь вэй = Национальный стипендиальный совет Китайской Народной Республики. — 20.04.2019. — Режим доступа: <https://www.campuschina.org/zh/content/details1003_122933.html>. — Дата доступа: 06.07.2022 (на кит. яз.).
53. Чжун го юй бай эр ло сы хэ цзо кай фа и ляо цзи гуань ци сянь му = Китай и Беларусь сотрудничают в разработке медицинского лазерного проекта // Гуань цзи дяннь синь си = Оптоэлектрон. информ. газ. — 2010. — № 10. — С. 54 (на кит. яз.).
54. Чжун го юй бай эр ло сы ши ба жи цяннь шу фэнь тун синь вэй син сянь му хэ еун = Китай и Беларусь подписали контракт на проект спутника связи 18 августа [Электронный ресурс] // Чжун хуа жэнь минь гун хэ го чжун ян жэнь минь чжэн фу = Правительство Китайской Народной Республики. — 19.09.2011. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/jrzq/2011-09/19/content_1950513.htm>. — Дата доступа: 10.06.2022 (на кит. яз.).
55. Чжун дяннь ши янь ши юй янь цзю цзи ди = Ключевая лабораторно-исследовательская база [Электронный ресурс] // Восточно-китайский педагогический университет. — Режим доступа: <<https://www.ecnu.edu.cn/wzcd/xsyj/yjg2/zdsyuyjhd.htm#>>. — Дата доступа: 13.09.2022 (на кит. яз.).
56. Чжун хуа жэнь минь гун хэ го хэ бай эр ло сы гун хэ го лян хэ шэн мин = Совместное заявление Китайской Народной Республики и Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Чжун хуа жэнь минь гун хэ го чжэн фу ван = Правительство КНР. — 23.04.2001. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/gongbao/content/2001/content_60865.htm>. — Дата доступа: 06.04.2022 (на кит. яз.).
57. Шевцова, А. Л. Перспективы развития связей Республики Беларусь и Китайской Народной Республики в сфере образования / А. Л. Шевцова // Интеграция Республики Беларусь в международные экономические и политические процессы: перспективы и проблемы сотрудничества Республики Беларусь со странами дальнего зарубежья: сб. науч. тр. / под ред. С. А. Кизима; Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь. — Минск, 2020. — С. 136—142.
58. 2022 нянь го цзя цзянь шэ гао шуй пин да сюе гун пай янь цзю шэн сянь му чжуан лань = Колонка Национальной программы последилового образования для высших строительных университетов 2022 г. [Электронный ресурс] // Го цзя лю сюе цзи цзинь вэй = Национальный стипендиальный совет Китайской Народной Республики. — 18.02.2022. — Режим доступа: <<https://www.csc.edu.cn/chuguo/s/2212>>. — Дата доступа: 06.07.2022 (на кит. яз.).
59. Ян Синцзюань. Участие высших учебных заведений Республики Беларусь в научном сотрудничестве с Китаем / Ян Синцзюань // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2020. — № 3-4 (94-95). — С. 34—41.

Статья поступила в редакцию 3 октября 2022 г.

РОЛЬ ИНСТИТУТОВ КОНФУЦИЯ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРНО-ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ КИТАЕМ И КАЗАХСТАНОМ В 2003—2022 гг.

Чжан Хунчао

Статья посвящена изучению культурно-гуманитарного взаимодействия Китая и Казахстана и исследованию роли институтов Конфуция в активизации сотрудничества в указанной сфере в период с 2003 по 2022 г. В статье рассмотрена договорно-правовая база культурно-гуманитарного сотрудничества, исследованы особенности развития связей Китая и Казахстана в области образования, культуры и туризма и обоснована ведущая роль Института Конфуция в продвижении «мягкой силы» Китая в Казахстане. Актуальность этой темы заключается в том, что Институт Конфуция способствует развитию всестороннего стратегического партнерства между Китаем и Казахстаном. Сделан вывод о том, что деятельность Института Конфуция имеет большое значение в подготовке высококвалифицированных кадров, что очень важно для усиления китайско-казахстанского торгово-экономического сотрудничества, повышения уровня взаимопонимания между народами и укрепления политического взаимного доверия между двумя странами в XXI в.

Ключевые слова: инициатива «Один пояс, один путь»; Институт Конфуция; Казахстан; Китай; китайская культура; китайский язык; культурно-гуманитарное сотрудничество; культурно-просветительская деятельность.

«The Role of Confucius Institutes in the Development of Cultural and Humanitarian Cooperation between China and Kazakhstan in 2003—2022» (Zhang Hongchao)

The article is devoted to the study of cultural and humanitarian interaction between China and Kazakhstan and to the study of the role of Confucius Institutes in enhancing cooperation in this area in the period from 2003 till 2022. This article examines the legal framework of cultural and humanitarian cooperation, examines the peculiarities of the development of relations between China and Kazakhstan in the field of education, culture and tourism, and substantiates the leading role of the Confucius Institute in promoting China's soft power in Kazakhstan. The relevance of this topic lies in the fact that the Confucius Institute contributes to the development of an eternal comprehensive strategic partnership between China and Kazakhstan. Thus, it is concluded that the activities of the Confucius Institute are of great importance in the training of highly qualified personnel, which is extremely important for strengthening Chinese-Kazakh trade and economic cooperation, increasing the level of mutual understanding between peoples and strengthening political mutual trust between the two countries in the XXI century.

Keywords: Belt and Road initiative; China; Chinese culture; Chinese language; Confucius Institute; cultural and educational activities; cultural and humanitarian cooperation; Kazakhstan.

С момента установления дипломатических отношений в 1992 г. Китай и Казахстан как надежные партнеры стали активно развивать политические и экономические контакты на высшем уровне. В начале XXI в. отмечались положительные тенденции развития культурно-гуманитарных отношений, а изучение языка как важнейшего двигателя сотрудничества приобрело особое значение в продвижении культурных и образовательных обменов между Китаем и Казахстаном [12, с. 546—547]. В развитии культурно-гуманитарного взаимо-

действия одну из главных ролей стали играть институты Конфуция.

Целью данной статьи является выявление особенностей влияния институтов Конфуция на развитие культурно-гуманитарного взаимодействия Китая с Казахстаном в 2003—2022 гг.

При написании статьи были использованы работы китайских (Айтила Абду Рейму, Лю Нань [1], Лю Баоцунь [16]) и российских авторов (Л. И. Кадырова [12]), проанализированы выступления официаль-

Автор:

Чжан Хунчао — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: 1519341399@qq.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Zhang Hongchao — post-graduate student of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: 1519341399@qq.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

ных лиц [25; 34], официальные документы [8; 13; 18; 22; 35; 37] и материалы новостных информационных агентств [3; 5; 6; 10; 19; 24; 26].

В XXI в. гуманитарные связи играют важную роль в выстраивании межгосударственных отношений. Развитие сотрудничества между Китаем и Казахстаном не является исключением. В Совместной декларации, подписанной председателем КНР Ху Цзиньтао и президентом Казахстана Н. Назарбаевым в Астане в июне 2003 г., указано, что для продвижения стратегического партнерства китайская и казахстанская стороны придадут важное значение расширению связей в области культуры, образования, туризма, молодежных обменов [22]. В июне 2003 г. были подписаны шесть официальных документов, в том числе Программа сотрудничества на 2003—2008 годы, в которой были определены приоритетные направления сотрудничества в различных областях между Китаем и Казахстаном, в частности в гуманитарной сфере, и Соглашение о сотрудничестве в области образования, которое стало политико-правовой основой двустороннего взаимодействия в области образования [9, с. 30].

Для реализации Программы сотрудничества на 2003—2008 годы правительства Китая и Казахстана в 2004 г. учредили комитет по сотрудничеству, в рамках которого был создан подкомитет по культурно-гуманитарному сотрудничеству — основной механизм, координирующий гуманитарное взаимодействие между странами [3].

В декабре 2006 г. председатель КНР Ху Цзиньтао во время переговоров с президентом Казахстана Н. Назарбаевым в Пекине уделил особое внимание обменов и сотрудничеству в гуманитарной области. В своем выступлении Ху Цзиньтао отметил, что китайская сторона готова углублять культурно-гуманитарное сотрудничество с Казахстаном в области образования, спорта, туризма и т. д., а также поощрять общественные организации с тем, чтобы «дружба между народами двух стран могла передаваться из поколения в поколение» [26]. Акцентирование особого внимания лидера КНР на расширение культурных обменов между странами позволило ускорить открытие институтов Конфуция в Казахстане.

В декабре 2007 г. первое лингвокультурное учреждение, созданное в рамках сотрудничества между Евразийским национальным университетом имени Л. Н. Гумилёва (ЕНУ) и Сианьским университетом иностранных языков, успешно вошло во всемирную сеть институтов Конфуция. На церемонии открытия Института посол Китая в Казахстане Чжан Сиюнь и министр образования Казахстана Ж. Г. Туймебаев согласились с тем, что в последние годы китайско-казахстанские отношения ста-

новятся все более тесными. Это выражается в укреплении сотрудничества в культурной и образовательной сферах, увеличении объемов товарооборота. Институт Конфуция нацелен на подготовку большого количества кадров, владеющих китайским языком, и культурных посланников между Китаем и Казахстаном и на внесение вклада в развитие сотрудничества в различных областях между двумя странами [19].

Центр китайского языка, созданный Ланьчжоуским университетом и Казахским национальным университетом имени аль-Фараби (КазНУ) в апреле 2002 г., был переименован в феврале 2009 г. в Институт Конфуция, поэтому некоторые эксперты считают его первой подобной структурой на территории Казахстана. Как отметил ректор КазНУ Ж. Т. Бакытжан, задачей Института Конфуция являются организация связанных с Китаем научно-академических мероприятий и придание нового импульса сотрудничеству между двумя странами в различных сферах. Генеральный консул Посольства КНР в Казахстане (2008—2010 гг.) Сун Лин Цзянь выразил уверенность в том, что это учреждение будет взято за образец проведения межуниверситетского обмена и межгосударственного сотрудничества [21]. Создание Института Конфуция при КазНУ открыло новые возможности для молодежи Казахстана, особенно Алматы, в понимании современного Китая. Алматы как финансовый, научно-технический, культурно-образовательный центр Казахстана примыкает к Китаю на востоке. Создание Института Конфуция в этом городе имеет стратегическое значение для содействия китайско-казахстанскому приграничному сотрудничеству.

В 2011 г. дипломатические отношения между Китаем и Казахстаном вступили в период всеобъемлющего стратегического партнерства. Главы двух стран высказали заинтересованность в укреплении сотрудничества между информационными агентствами, академическими институтами, литературными и художественными коллективами, а также углублении взаимопонимания в области культуры, образования, туризма, здравоохранения и спорта [35]. Начиная со второго десятилетия XXI в. культурно-гуманитарное сотрудничество стало одним из ключевых элементов китайско-казахстанских отношений.

В июле 2011 г. Посольством Китая в Казахстане и Институтом Конфуция при ЕНУ был организован финал конкурса знаний о китайской культуре, в котором активно приняли участие 13 студентов, интересующихся языком, историей и искусством Китая [32]. Конкурс значительно способствовал распространению китайской национальной культуры в Казахстане.

По случаю 20-летия установления дипломатических отношений между Китаем и Казахстаном на 8-м заседании Подкомитета по

культурно-гуманитарному сотрудничеству, проведенном в декабре 2012 г., вице-министр культуры Китая Чжао Шаохуа подчеркнула, что Китай намерен продолжать сотрудничать с Казахстаном в целях всестороннего углубления культурно-гуманитарного обмена, что, по ее мнению, внесет существенный вклад в содействие устойчивому и здоровому развитию китайско-казахстанского всеобъемлющего стратегического партнерства [34].

Деятельность Института Конфуция способствовала усилению сотрудничества в области культуры и образования. Например, с 2009 г. по 2012 г. Институт Конфуция при КазНУ подготовил более 2000 обучающихся со знанием китайского языка. Более 600 казахстанских студентов отправились в китайские университеты на учебу при поддержке Института Конфуция [16, с. 344].

В 2013 г. выдвигая председателем КНР Си Цзиньпином идеи совместного строительства Экономического пояса Шелкового пути XXI в. в Назарбаев Университете продемонстрировало важное место, которое Казахстан занимает во внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии Китая в новую эпоху. В целях ускорения реализации строительства Экономического пояса Шелкового пути китайское правительство приступило к проведению ряда мероприятий публичной дипломатии в Казахстане [30], в том числе на базе институтов Конфуция.

В сентябре 2014 г. на симпозиуме, проведенном в Институте Конфуция при КазНУ, директор учреждения Ван Чжэн отметил, что преподаватели Института Конфуция должны работать над созданием высококачественной платформы лингвокультурного обмена для совместного строительства Экономического пояса Шелкового пути [15]. Высокий уровень образовательной работы институтов Конфуция привлекает многих студентов к изучению китайского языка и культуры. Согласно статистике Офиса Института Конфуция в Ланьчжоуском университете, в Институте Конфуция при КазНУ в среднем ежегодно регистрируются около 400 человек. В 2015 г. международный стандартизированный тест на знание китайского языка (*HSK/HSKK*) был проведен дважды. Было зарегистрировано около 800 человек, а уровень сдачи экзамена составил около 80 %. Более того, в том же году 62 обучающихся получили стипендии Института Конфуция и отправились в китайские университеты на учебу [2].

В целях укрепления дружественных связей и развития культурно-гуманитарного сотрудничества в 2015 г. между правительствами Казахстана и КНР было подписано Соглашение о культурно-гуманитарном сотрудничестве, в котором подчеркивалось, что на основе принципов равенства и взаимной выгоды обе стороны приняли решение:

1) поддерживать обмен опытом и сотрудничество в области культуры, образования, радиовещания, телевидения, издательского дела, спорта, архивного дела, культурного наследия, общественных наук, молодежной политики и др.;

2) укреплять связи между научно-исследовательскими институтами в целях проведения совместных научных исследований;

3) установить партнерские связи между туристическими кругами [18].

Подписание данного соглашения означало, что обе страны планируют придать больший динамизм развитию в культурно-гуманитарной области.

Реализация Плана сотрудничества по содействию новой экономической политики «Нурлы Жол» и строительства Экономического пояса Шелкового пути в сентябре 2016 г. также усилила социально-экономические связи между Китаем и Казахстаном. В связи с этим заместитель премьер-министра Республики Казахстан Д. Н. Назарбаева отметила, что «Китай — наш друг, торговый партнер и крупнейший инвестор в экономике нашей страны. Поэтому в ближайшем будущем нам всем нужно будет знать китайский язык» [7]. В таких условиях возрос интерес в казахстанском обществе к изучению китайского языка и культуры. Например с 2007 по 2016 г. Институт Конфуция при ЕНУ принял в общей сложности 3399 обучающихся, в частности в сентябре 2016 г. к учебе приступили 510 слушателей, что является самым высоким показателем в истории этого учреждения [24].

Параллельно с преподаванием языка Институт Конфуция при ЕНУ начал проводить регулярные занятия, направленные на знакомство с китайской культурой, в частности каллиграфией, театральным искусством и др., с ноября 2018 г. Эти занятия стали важным нововведением в преподавательской деятельности [4]. Одновременно Институт Конфуция при ЕНУ открыл курс русско-китайского перевода, что обеспечило китайско-казахстанских переводчиков платформой для взаимного обучения, совместного обсуждения методов и обмена опытом в процессе обучения переводческой деятельности, а также повышения уровня квалификации [31].

Наряду с усилением экономических связей между Китаем и Казахстаном многие китайские компании демонстрируют большую заинтересованность в расширении масштабов предпринимательской деятельности в этой центральноазиатской стране. Однако многие китайские сотрудники компаний не понимают казахский и русский языки, не знакомы с местной культурой, обычаями, традициями, из-за чего возникают трудности в процессе осуществления экономической деятельности. В результате возросшего спроса на изучение названных языков Институт Конфуция при

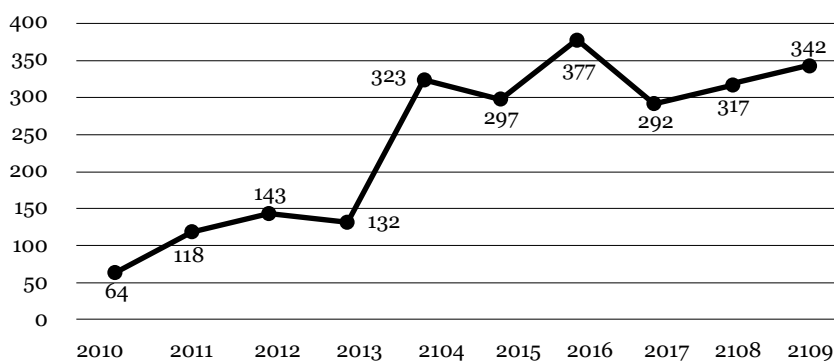
Актюбинском региональном университете имени К. Жубанова (АРУ) организовал курс по обучению казахскому и русскому языкам для китайских сотрудников [27]. Это показало, что Институт Конфуция в Казахстане продвигает распространение не только китайского, но и местных языков. Более того, в мае 2017 г. Институт Конфуция при АРУ принял решение открыть специальность для подготовки квалифицированных специалистов со знанием китайского и казахского языков, необходимым местным компаниям, и с профессиональными знаниями в области нефти и газа [28]. Институт Конфуция при АРУ в соответствии с потребностями непрерывного социального развития постоянно обновляет учебные программы, что способствует обогащению разнообразия лингвокультурных курсов учреждения.

В рамках расширенного сотрудничества в области экономики между институтами Конфуция и местными предприятиями, особенно имеющими торгово-экономические контакты с Китаем, установлено тесное партнерство. В июне 2017 г. Институт Конфуция при АРУ подписал соглашения о сотрудничестве почти с 20 компаниями, в том числе с *PetroChina Aktobe Oil and Gas Co., Ltd.*, направленные на подготовку высококвалифицированных кадров, владеющих китайским языком. Ректор университета Б. А. Ердембеков отметил, что с углублением сопряжения новой экономической политики «Нұрлы Жол» и строительства Экономического пояса Шелкового пути казахстанско-китайские отношения продолжают развиваться в позитивном направлении и институты Конфуция, отвечающие за преподавание китайского языка, будут становиться все более важными учреждениями в будущем. Согласно статистике, с 2011 по 2017 г. Институт Конфуция при АРУ создал 8 учебных пунктов в Казахстане, подготовил более 8500 обучающихся китайскому языку и отправил 150 студентов, получивших стипендию, на учебу в Китай. С 2016 по 2017 г. это же учреждение провело более 30 культурных мероприятий с участием около 10 000 человек [6].

Подъем китайско-казахстанских отношений на уровень всестороннего стратегического партнерства в 2019 г. открыл широкие перспективы для межгосударственного сотрудничества и придал новый импульс развитию институтов Конфуция. Казахстан — страна с огромным туристическим потенциалом, очень привлекает китайцев. Для того чтобы китайские туристы могли лучше узнать своего соседа, в мае 2019 г. Институт Конфуция при ЕНУ и туристическое агентство «Panda Tur» организовали учебный курс для гидов в государственном природном парке «Бурабай». Директор Института Конфуция Ян Лэй подчеркнул, что туризм является важным направлением развития гражданских контактов и выразил надежду, что Институт Конфуция сможет продолжать сотрудничество с агентством в целях внесения совместного вклада в содействие установлению устойчивых дипломатических отношений между Китаем и Казахстаном [23]. Сотрудничество между Институтом Конфуция и туристическими компаниями расширило сферу практической деятельности и повысило популярность института в казахстанском обществе.

Международный стандартизированный тест на знание китайского языка (*HSK/HSKK*) пользуется большой популярностью в Казахстане. Например, в Институте Конфуция при ЕНУ число участников в тесте сохраняет тенденцию к росту: в 2010 г. на его сдачу зарегистрировались 64 обучающихся, а в 2019 г. их число достигло 342 человек [36, с. 16–18] (см. рисунок).

Данные показывают, что со времени представления инициативы «Один пояс, один путь» в 2013 г. и подписания Плана сотрудничества по сопряжению новой экономической политики «Нұрлы Жол» и строительства Экономического пояса Шелкового пути в 2016 г. число участников в международном тесте на знание китайского языка значительно увеличилось. Это указывает на то, что торгово-экономические отношения между Китаем и Казахстаном придают дополнительный стимул к изучению китайского языка.

Динамика роста числа учащихся в Институте Конфуция при ЕНУ, сдававших тест *HSK/HSKK* в 2010–2019 гг.

Источник: [36, с. 16–18]

В сентябре 2020 г. во время встречи с министром иностранных дел Китая Ван И президент Казахстана К.-Ж. Токаев отметил, что казахстанское правительство готово расширить обмена с Китаем в культурно-гуманитарной области и приветствовать создание новых институтов Конфуция на своей территории [25]. Это показывает, что культурное сотрудничество играет незаменимую роль в укреплении основы дружественного общественного мнения между двумя странами и содействию развитию всестороннего стратегического партнерства между Китаем и Казахстаном [33], а также свидетельствует о большой важности Института Конфуция в реализации культурно-гуманитарного сотрудничества между Китаем и Казахстаном.

В настоящее время Институт Конфуция позволяет молодому поколению Казахстана понять Китай, его национальный язык и культуру, подготовить высококвалифицированные кадры, что имеет огромное значение для национального развития и устранения негативных стереотипов о Китае [10].

Неоспоримым фактом является то, что число людей, изучающих китайский язык в Казахстане, увеличивается. Одной из важнейших причин является то, что сегодня много китайских компаний приезжают в Казахстан для инвестирования и строительства своих филиалов. К концу 2020 г. число финансируемых Китаем предприятий в Казахстане превысило 1000. Динамика инвестиций Китая в Казахстан также увеличивается. Согласно статистике Министерства торговли КНР, прямые инвестиции Китая в Казахстан в 2020 г. составили 580 млн дол. США, объем двусторонней торговли — 21,43 млрд [8, введение], в 2021 г. — 859 млн и 25,25 млрд дол. США соответственно [37]. Владение китайским языком рассматривается как ценное и востребованное конкурентное преимущество: работники, владеющие китайским языком, имеют больше возможностей трудоустройства, особенно в таких областях, как нефтяной сектор и международный бизнес [5]. В настоящее время все больше казахстанских студентов принимают решение учиться в Китае, и образовательное взаимодействие между двумя странами достигло высокого уровня. В 2010 г. в китайских университетах обучались 7874 казахстанских студента, в 2014 г. — 11 764, в 2020 г. — 15 000 [11]. По мнению казахстанских экспертов, учебная миграция из Казахстана в Китай стимулирует укрепление межгосударственного культурно-гуманитарного взаимодействия, при этом может стать элементом «утечки мозгов» из Казахстана, поскольку трудоустройство в Китае предоставляет им большие перспективы карьерного роста [9, с. 32].

Культурно-образовательная деятельность Института Конфуция обеспечивает уверенное развитие китайско-казахстанских отношений

кадровой поддержкой и обогащает содержательность сотрудничества между Китаем и Казахстаном в области социально-гуманитарных наук. В частности, с ноября 2012 г. по май 2022 г. Институт Конфуция при Карагандинском техническом университете подготовил более 2000 обучающихся китайскому языку [17], а с апреля 2017 г. по первую половину 2022 г. Институт Конфуция при Казахском университете международных отношений и мировых языков имени Абылай хана — более 1400 [20].

Казахстанский эксперт А. Каукенов, исследующий инициативу «Один пояс, один путь», считает, что у казахстанцев есть желание понять особенности социально-экономического развития Китая, а также исследовать возросшее влияние страны на международное сообщество [см.: 29, с. 10]. Китайские эксперты Айтила Абду Рейму и Лю Нань отмечают, что институты Конфуция в Казахстане играют большую роль в продвижении обучения китайскому языку, подготовке кадров китайского языка, а также содействию дружеским обменам между народами. Более того, благодаря усилиям институтов Конфуция интерес казахстанцев к китайскому языку и культуре продолжает расти, а число людей, владеющих китайским языком, в различных отраслях увеличивается [1, с. 26]. Однако в настоящее время развитие институтов Конфуция в Казахстане сталкивается с проблемой равноуровневого качества культурно-просветительской деятельности. В связи с этим учреждения должны улучшить учебные программы, оптимизировать планирование по открытию новых институтов, сформировать сетевой альянс между институтами Конфуция Казахстана и других стран, а также внедрить новые инновационные технологии в механизм работы институтов [16, с. 354].

По случаю 30-летия установления дипломатических отношений между двумя странами в сентябре 2022 г. Китай и Казахстан опубликовали Совместное заявление, в котором обе стороны выразили готовность:

- 1) укреплять межкультурное взаимодействие, способствующее уважению и пониманию ценностей народов;
- 2) развивать сотрудничество в сфере образования, науки, искусства, туризма, спорта и здравоохранения на основе Соглашения о культурно-гуманитарном сотрудничестве от 2015 г.;

- 3) продвигать взаимодействие между учебными заведениями и исследовательскими институтами, содействовать плодотворному функционированию лингвокультурных учреждений, в том числе Института Конфуция [13].

Наряду с развитием китайско-казахстанских политических отношений (от добрососедства и дружбы до всестороннего стратегического партнерства) непрерывно углубляется торгово-экономическое сотрудничество. Ка-

захстан стал одной из приоритетных стран в Центральной Азии, где Китаем активно создаются институты Конфуция. Темпы открытия новых учреждений в этой стране (5 институтов) в настоящее время превосходят темпы создания таких культурно-образовательных институтов в любой другой центральноазиатской стране. По состоянию на ноябрь 2022 г., в Кыргызстане действуют 4 института Конфуция, в Таджикистане — 2, в Узбекистане — 2, в Туркменистане нет ни одного такого учреждения [14].

В XXI в. культурно-гуманитарное взаимодействие между Китаем и Казахстаном стремительно развивается. Постоянное совершенствование договорно-правовой базы, учреждение

Подкомитета по культурно-гуманитарному сотрудничеству демонстрируют заинтересованность стран в углублении сотрудничества в сфере культуры, образования и туризма. Особое внимание в развитии взаимоотношений с Казахстаном уделяется деятельности институтов Конфуция. Как главное учреждение по распространению языка и культуры Китая в Казахстане Институт Конфуция играет ведущую роль в продвижении «мягкой силы» КНР. Всестороннее культурно-гуманитарное взаимодействие придает мощный импульс дальнейшему укреплению политического сотрудничества и усилению торгово-экономического взаимодействия между странами, основанным на взаимоуважении, гармонии и доверии.

Список использованных источников

1. Айтила Абду Рейму. «И дай и лу» чан и ся чжун го юй ха са кэ сы тань цзяо юй хэ цзо дэ чжэн цэ дуй цзе юй ши цзянь туй цзинь = Сопряжение и практика политики образовательного сотрудничества между Китаем и Казахстаном в рамках инициативы «Один пояс, один путь» / Айтила Абду Рейму, Лю Нань // Би цзяо цзяо юй янь цзю = Междунар. и сравнит. образование. — 2019. — № 12. — С. 22–29 (на кит. яз.).
2. А ли фа ла ба ха са кэ го ли минь цзю да сюе кун цзы сюе юань = Институт Конфуция в Казахском национальном университете им. аль-Фараби [Электронный ресурс] // Лань чжоу да сюе = Ланьчжоуский университет. — Режим доступа: <http://faoffice.lzu.edu.cn/col_alfbhsk/index/>. — Дата доступа: 20.05.2022 (на кит. яз.).
3. Бэй цзин цзы ляо: чжун ха хэ цзо вэй юань хуэй = Справочная информация: китайско-казахстанский комитет по сотрудничеству [Электронный ресурс] // Синьхуа. — 08.12.2012. — Режим доступа: <http://www.xinhuanet.com/world/2012-12/08/c_113956971.htm>. — Дата доступа: 20.12.2022 (на кит. яз.).
4. Ван Ин. Оу я да сюе кун цзы сюе юань вэнь хуа тэ э кэ чэн кай кэ = Характерные культурные курсы предлагаются в Институте Конфуция при ЕНУ / Ван Ин [Электронный ресурс] // Tencent. — 22.11.2018. — Режим доступа: <https://mp.weixin.qq.com/s/GsBsD_Cyl_eBDOsHCkuFkg>. — Дата доступа: 20.12.2022 (на кит. яз.).
5. Ван Чжэ. Чжун го цзай сянь цзяо юй цзоу цзинь ха са кэ сы тань = Китайское онлайн-образование проникает в Казахстан / Ван Чжэ [Электронный ресурс] // FX361.COM. — 07.06.2018. — Режим доступа: <<https://m.fx361.com/news/2018/0607/3616321.html>>. — Дата доступа: 20.05.2022 (на кит. яз.).
6. Вэнь Лунцзе. Ха са кэ сы тань кун цзы сюе юань «цзяо чжун вэнь» вэй ци е «цзе кунь» = Институт Конфуция в Казахстане учит китайскому языку, чтобы решить проблемы предприятий / Вэнь Лунцзе [Электронный ресурс] // Чжун го синь вэнь ван = Новости Китая. — 15.06.2017. — Режим доступа: <<https://www.chinanews.com.cn/cul/2017/06-15/8252071.shtml>>. — Дата доступа: 20.05.2022 (на кит. яз.).
7. Гусакова, И. Ю. Институты Конфуция в Казахстане навредили Китаю / И. Ю. Гусакова [Электронный ресурс] // Pravda.ru. — 16.09.2021. — Режим доступа: <https://www.pravda.ru/world/1640535-pekin_kazahstan/>. — Дата доступа: 20.05.2022.
8. Дуй вай тоу цзы хэ цзо го бе (ди цюй) чжи нань ха са кэ сы тань (2021) = Руководство по странам (регионам) по сотрудничеству в области иностранных инвестиций в Казахстане (2021) [Электронный ресурс] // Чжун хуа жэнь минь гун хэ го шан ву бу = Министерство торговли КНР. — Режим доступа: <<http://www.mofcom.gov.cn/dl/gbdqzn/upload/hasakesitan.pdf>>. — Дата доступа: 20.12.2022 (на кит. яз.).
9. Ду Цзяоюнь. Сотрудничество между Китаем и Казахстаном в сфере образования в 1992–2018 гг. / Ду Цзяоюнь // Беларусь в современном мире: материалы XVIII Междунар. науч. конф., посвящ. 98-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 30 окт. 2019 г. / редкол.: В. Г. Шадурский (пред.) [и др.]. — Минск: БГУ, 2019. — С. 30–34.
10. Жерконова, С. Ха чжуань цзя тань чжун ха цзяо ло: ин тун го гао сяо хэ цзо лай гай бянь ся ху дэ жэнь чжи = Казахские эксперты говорят о китайско-казахстанских обменах: взаимопонимание должно быть изменено через сотрудничество университетов / С. Жерконова [Электронный ресурс] // Tencent. — 02.05.2021. — Режим доступа: <<https://new.qq.com/omn/20210502/20210502A06RSH00.html>>. — Дата доступа: 18.06.2022 (на кит. яз.).
11. За последние годы число казахстанских студентов, обучающихся в Китае, превысило 11 тысяч [Электронный ресурс] // Медиахолдинг «Atameken Business». — 15.11.2022. — Режим доступа: <<https://inbusiness.kz/ru/news/zapovednie-gody-chislo-kazahstanskih-studentov-obuchayushihся-v-kitae-prevysilo-11-tysyach>>. — Дата доступа: 20.12.2022.
12. Кадырова, Л. И. Китайско-казахстанские гуманитарные связи / Л. И. Кадырова // Общество и государство в Китае. Т. XLV, ч. 2 / Ин-т востоковедения РАН. — М., 2015. — С. 546–548.
13. Китай и Казахстан опубликовали Совместное заявление по случаю 30-летия установления дипотношений между двумя странами (14 сентября 2022 г.) [Электронный ресурс] // Синьхуа новости. — 15.09.2022. — Режим доступа: <<https://russian.news.cn/20220915/1db83039a8e1474abf90359c6500112e/c.html>>. — Дата доступа: 20.12.2022.
14. Кун цзы сюе юань гуань ван = Институт Конфуция [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <<http://ci.cn>>. — Дата доступа: 20.12.2022 (на кит. яз.).
15. Лань чжоу да сюе гун цзянь кун юань цзюй бань а ла му ту ди цюй хань юй цзяо сюе цзи гоу «кун юань ши чжоу нянь цин» цзо тань хуэй = Институт Конфуция, построенный на основе сотрудничества Ланьчжоуского университета, провел симпозиум, посвященный празднованию 10-летия Института Конфуция — учебного заведения по обучению китайскому языку в Алматинской области [Электронный ресурс] // Лань чжоу да сюе = Ланьчжоуский университет. — 17.09.2014. — Режим доступа: <<https://news.lzu.edu.cn/c/201409/31803.html>>. — Дата доступа: 20.05.2022 (на кит. яз.).
16. Лю Баоцунь. «И дай и лу» янь сянь ба го го цзи цзяо юй хэ цзо юй цзяо лю чжэн цэ янь цзю = Политика международного сотрудничества и обмена в области образования в восьми странах вдоль инициативы «Один пояс, один путь» / Лю Баоцунь. — Пекин: Жэнь минь чу бань шэ = Народное изд-во, 2021. — 414 с. (на кит. яз.).
17. Мао Юньюнь. Во сяо ха са кэ сы тань кун цзы сюе юань ди ба цзе ли ши хуэй чжао кай = Состоялся 8-й совет Института Конфуция нашего университета в Казахстане / Мао Юньюнь [Электронный ресурс] // Ши хэ цзы да сюе = Университет Шихэцзы. — 24.05.2022. — Режим доступа: <<https://www.shzu.edu.cn/2022/0520/c2a174292/page.htm>>. — Дата доступа: 20.12.2022 (на кит. яз.).

18. О подписании Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики о культурно-гуманитарном сотрудничестве: постановление Правительства Респ. Казахстан от 29 авг. 2015 г. № 688 [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». — 29.08.2015. — Режим доступа: <<https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1500000688>>. — Дата доступа: 19.12.2022.
19. Оу я да сие кун цзы сие юань цзай ха шоу ду а сы та на цзе пай = В столице Казахстана Астане состоялось торжественное открытие Института Конфуция при ЕНУ [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао. — 10.12.2007. — Режим доступа: <<http://cpc.people.com.cn/n/2013/0905/c64387-22819937.html>>. — Дата доступа: 20.05.2022 (на кит. яз.).
20. Пань Шуан. Сюе сяо гун цзянь а бу лай хань го цзи гуань си юй вай го юй да сие кун цзы сие юань ди сань цзе ли ши хуэй чэн гун чжао кай = Состоялся третий совет Института Конфуция Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана / Пань Шуан [Электронный ресурс] // Си нань да сие = Юго-Западный университет. — 28.03.2022. — Режим доступа: <<http://gjc.swu.edu.cn/info/1121/4035.htm>>. — Дата доступа: 18.12.2022 (на кит. яз.).
21. Первый Институт Конфуция в Казахстане [Электронный ресурс] // Казахский национальный университет имени аль-Фараби. — 27.02.2009. — Режим доступа: <<https://www.kaznu.kz/ru/3/news/one/376/>>. — Дата доступа: 20.05.2022.
22. Совместная декларация Китайской Народной Республики и Республики Казахстан (3 июня 2003 г.) [Электронный ресурс] // Все о Китае из первых рук: китайский информационный Интернет-центр. — 05.06.2003. — Режим доступа: <<http://russian.china.org.cn/russian/73675.htm>>. — Дата доступа: 18.06.2022.
23. Ха са кэ сы тань оу я да сие кун цзы сие юань се шоу бэнь ту луй ю гун сы кай чжань хань юй дао ю бань пэй = Институт Конфуция при Евразийском национальном университете объединяет усилия с местными туристическими компаниями для проведения обучения для гида, говорящего по-китайски [Электронный ресурс] // Tencent. — 20.05.2019. — Режим доступа: <<https://mp.weixin.qq.com/s/O128yoxKDC-b8V2mH4iaYw>>. — Дата доступа: 20.05.2022 (на кит. яз.).
24. Ха са кэ сы тань оу я да сие цин чжу цюань цю кун цзы сие юань жи = Евразийский национальный университет в Казахстане отмечает Всемирный день Института Конфуция [Электронный ресурс] // Синь хуа ван синь вэнь = Синь-хуа новости. — 25.09.2016. — Режим доступа: <http://www.xinhuanet.com/world/2016-09/25/c_129297664.htm>. — Дата доступа: 20.05.2022 (на кит. яз.).
25. Ха са кэ сы тань цзун тун то ка е фу хуэй цзянь Ван И = Президент Казахстана Токаев встретился с Ван И [Электронный ресурс] // Чжун хуа жэнь минь гун хэ го вай цзяо бу = Министерство иностранных дел КНР. — 12.09.2020. — Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn/web/wjdt_674879/gjldrhd_674881/202009/t20200912_7732481.shtml>. — Дата доступа: 18.06.2022 (на кит. яз.).
26. Ху Цзиньтао ву на чжа эр ба е фу цян шу чжун ха 21 ши цзи хэ цзо чжань люе = Ху Цзиньтао встретился с Н. Назарбаевым, чтобы подписать стратегию Сотрудничества Китая и Казахстана на XXI в. [Электронный ресурс] // Синь лан синь вэнь = Новости Sina. — 20.12.2006. — Режим доступа: <<http://news.sina.com.cn/c/2006-12-20/205410822719s.shtml>>. — Дата доступа: 17.06.2022 (на кит. яз.).
27. Цзинь Цзин. Ха са кэ сы тань а кэ то бе чжоу чжу ба но фу го ли да сие кун цзы сие юань вэй дан ди чжун цзы ци е кай шэ ха юй, э юй пэй сюнь бань = Институт Конфуция при Актыбинском региональном университете имени К. Жубанова в Казахстане предлагает курсы казахского и русского языков для местных предприятий, финансируемых Китаем / Цзинь Цзин [Электронный ресурс] // Tencent. — 29.03.2017. — Режим доступа: <<https://mp.weixin.qq.com/s/x9kmDY1h-vLiSJYfUa-jKA>>. — Дата доступа: 20.12.2022 (на кит. яз.).
28. Цзинь Цзин. Ха са кэ сы тань а кэ то бе чжоу чжу ба но фу го ли да сие кун цзы сие юань цзюй бань хань ха юй чжуань е кэ чэн шэ чжи янь тао хуэй = Институт Конфуция при Актыбинском региональном университете имени К. Жубанова в Казахстане провел семинар по составлению учебных программ для специальностей китайского и казахского языков / Цзинь Цзин [Электронный ресурс] // Tencent. — 26.05.2017. — Режим доступа: <<https://mp.weixin.qq.com/s/QSS3zXN4EfdpF42CS4fveg>>. — Дата доступа: 29.12.2022 (на кит. яз.).
29. Цюань Цунли. Сы чоу чжи лу цзин цзи дай бэй цзин ся чжун ха гуань си янь цзяо = Исследование китайско-казахстанских отношений в контексте Экономического пояса Шелкового пути: магистер. дис. / Цюань Цунли. — Синь цзян да сие = Синьцзян. ун-т, 2019. — 63 с. (на кит. яз.).
30. Чжан Хуэй. «И дай и лу» бэй цзин ся чжун го дуй ха са кэ сы тань дэ гун гун вай цзяо = Публичная дипломатия Китая в отношении Казахстана в рамках инициативы «Один пояс, один путь» / Чжан Хуэй [Электронный ресурс] // Чжун го ван = Китайский информационный Интернет-центр. — 01.06.2019. — Режим доступа: <http://news.china.com.cn/world/2019-06/01/content_75056549.htm>. — Дата доступа: 17.06.2022 (на кит. яз.).
31. Чжоу Жуй. Ха са кэ сы тань оу я да сие кун цзы сие юань вэй чжун ха гао цзи и юань жэ си ле чжуань ти цзян цзо = Институт Конфуция при Евразийском национальном университете в Казахстане предлагает серию специальных лекций для старших переводчиков китайского и казахского языков / Чжоу Жуй [Электронный ресурс] // Tencent. — 25.12.2018. — Режим доступа: <<https://mp.weixin.qq.com/s/oWNfntWsBvkfXTt2havpbQ>>. — Дата доступа: 20.12.2022 (на кит. яз.).
32. Чжоу Ли да ши цзай ха са кэ сы тань чжун го вэнь хуа чжи ши цзин сай цзюе сай шан фа бяо янь цзян = Посол Чжоу Ли выступил с речью на финале конкурса о китайских культурных знаниях в Казахстане [Электронный ресурс] // Чжун хуа жэнь минь гун хэ го чжу ха са кэ сы тань гун хэ го да ши гуань = Посольство КНР в Республике Казахстан. — 04.07.2011. — Режим доступа: <http://kz.china-embassy.gov.cn/dszc/201107/t20110704_1275213.htm>. — Дата доступа: 20.05.2022 (на кит. яз.).
33. Чжун го хэ ха са кэ сы тань вэнь хуа хэ жэнь вэнь хэ цзо фэнь вэй хуэй ди ши сы цы хуэй и чжао кай = Состоялось 14-е заседание Подкомитета по культурно-гуманитарному сотрудничеству Республики Казахстан и Китайской Народной Республики [Электронный ресурс] // Чжун хуа жэнь минь гун хэ го вэнь хуа хэ луй ю бу = Министерство культуры и туризма КНР. — 03.12.2020. — Режим доступа: <https://www.mct.gov.cn/whzx/whyw/202012/t20201203_904738.htm>. — Дата доступа: 18.06.2022 (на кит. яз.).
34. Чжун го хэ ха са кэ сы тань хэ цзо вэй юань хуэй вэнь хуа хэ жэнь вэнь хэ цзо фэнь вэй хуэй ди ба цы хуэй и цзай ха чэн гун чжао кай = В Казахстане успешно состоялось 8-е заседание Подкомитета по культурно-гуманитарному сотрудничеству между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой [Электронный ресурс] // Чжун хуа жэнь минь гун хэ го вэнь хуа хэ луй ю бу = Министерство культуры и туризма КНР. — 12.12.2012. — Режим доступа: <https://www.mct.gov.cn/whzx/tpxw/201212/t20121212_829485.htm>. — Дата доступа: 20.05.2022 (на кит. яз.).
35. Чжун ха гуань юй фа чжань цюань мянь чжань люе хо бань гуань си дэ лян хэ шэн мин (цюань вэнь) (13.06.2011) = Китайско-казахстанское совместное заявление о развитии всеобъемлющего стратегического партнерства (полный текст) (13.06.2011 г.) [Электронный ресурс] // Чжун хуа жэнь минь гун хэ го чжун ян жэнь минь чжэн фу = Правительство КНР. — 14.06.2011. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/ldhd/2011-06/14/content_1883456.htm>. — Дата доступа: 20.05.2022 (на кит. яз.).
36. Чэнь Фань. Оу я да сие кун цзы сие юань фа чжань сянь чжуан дяо ча юй дуй цэ фэнь си = Исследование и анализ состояния развития Института Конфуция при ЕНУ: магистер. дис. / Чэнь Фань. — Си ань вай го юй да сие = Сиань. ун-т иностран. язык., 2021. — 71 с. (на кит. яз.).
37. Эр лин эр и нянь чжун ха цзин мао хэ цзо цзянь куан = Краткая ситуация с китайско-казахстанским экономическим и торговым сотрудничеством в 2021 г. [Электронный ресурс] // Чжун хуа жэнь минь гун хэ го шан ву бу = Министерство торговли КНР. — 15.04.2022. — Режим доступа: <<http://kz.mofcom.gov.cn/article/zhhz/202204/20220403305364.shtml>>. — Дата доступа: 20.12.2022 (на кит. яз.).

Статья поступила в редакцию 8 июля 2022 г., доработана в декабре 2022 г.

РЕАЛИЗАЦИЯ ИНТЕРЕСОВ КИТАЯ В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ МИРОТВОРЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ ООН В АФРИКЕ

Цзян Юймэн

Участие Китая в инициативах ООН по обеспечению мира и безопасности в Африке обозначило собой значительный сдвиг в его внешней политике. Сложная и нестабильная обстановка на Африканском континенте привела к пересмотру Пекином своих подходов к взаимодействию не только с ООН, но и с конкретными африканскими странами. Помимо коммерческих задач, которые составляли основу политики Пекина в этом регионе, приоритетными стали и военные цели. В статье предпринята попытка проанализировать причины и следствия изменений прагматического характера, произошедших в позиционировании Китая как важнейшего субъекта обеспечения мира и безопасности в Африке. Сделан вывод, что по мере роста национальной мощи Китая его участие в миротворческой деятельности в Африке становится все более активным. Преследуя экономические, военные и политические интересы, Китай будет и далее уделять большое внимание осуществлению миростроительства в Африке путем китайской модели миротворчества.

Ключевые слова: Африка; внешняя политика; вооруженный конфликт; интересы Китая; КНР; миротворчество ООН.

«Implementation of China's Interests during of UN Peacekeeping Operations in Africa» (Jiang Yumeng)

China's participation in UN peace and security initiatives in Africa marked a significant shift in its foreign policy. The difficult and unstable situation on the African continent has led Beijing to reconsider its approaches to interaction not only with the UN, but also with specific African countries. In addition to the commercial goals that underlay Beijing's policy in the region, military goals have also become a priority. This article attempts to analyse the causes and consequences of the pragmatic changes that have taken place in the positioning of China as the most important actor in ensuring peace and security in Africa. It was concluded that as China's national power grows, its involvement in peacebuilding activities in Africa is becoming more active. In pursuit of economic, military and political interests, China will continue to give high priority to the implementation of peacebuilding in Africa through the Chinese model of peacekeeping.

Keywords: Africa; armed conflict; China; China's interests; foreign policy; UN peacekeeping.

Введение. Африканский континент считается одним из наиболее конфликтогенных регионов мира. Истоки многих проблем кроются в проводимой ранее колониальной политике, слабости нынешних национальных правительств и высоком уровне бедности населения. Как отмечает российский военный эксперт Р. Булатов, в Африке слилась воедино целая совокупность «благоприятных» условий для возникновения конфликтов на религиозной и этнической почве, дезинтеграционных процессов, а также распространения экстремизма и организованной преступности. Общий кризис государственности на континенте привел к формированию сразу нескольких устойчивых очагов напряженности [3, с. 17]. Данная ситуация не могла остаться в стороне от внимания

мирового сообщества. Его реакцией стало проведение в нескольких африканских государствах миротворческих операций под эгидой ООН.

На официальном сайте ООН опубликована информация о том, что начиная с 1960 г. на территории Африки было проведено более 30 миротворческих миссий ООН. Такого количества операций не было ни в одном другом регионе мира. По состоянию на 31 декабря 2021 г., из 12 миротворческих операций ООН, осуществляемых под руководством Департамента операций по поддержанию мира (*Department of Peacekeeping Operations*), 6, т. е. половина, приходилась на Африку [9]. При этом присутствующий в Африке в рамках всех миротворческих операций ООН военный и полицейский персонал в 2021 г. составлял более 50 тыс. человек [26].

Автор:

Цзян Юймэн — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, *e-mail:* jiangyumeng@yandex.by
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Jiang Yumeng — post-graduate student of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, *e-mail:* jiangyumeng@yandex.by
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

Как следует из утверждения советников — посланников Постоянного представительства Эфиопии при ООН в Нью-Йорке С. Х. Гебре-хивота и Б. М. Демисси, озвученного в рамках Форума китайско-африканского сотрудничества (FOCAC) в сентябре 2018 г., Африка, которую когда-то называли «безнадежным континентом» и «шрамом на совести мира», в настоящее время находится на пути преобразований и перемен. Не последнюю роль в этом процессе сыграл Китай. Именно эта страна в последнее десятилетие смогла стать крупнейшим деловым и торговым партнером Африки [25]. Соглашаясь с данным высказыванием, стоит указать, что в 2021 г. объем торговли между Китаем и африканскими странами достиг исторического максимума в 254 млрд дол. США. В сравнении с 2020 г. рост составил 35,3 % [16]. В основном он был обеспечен за счет притока китайского экспорта на континент в виде товаров первой необходимости для борьбы с пандемией и цифровой техники. Одновременно с этим африканский экспорт в Китай вырос более чем на 43,7 % [16]. Следует отметить, что данные показатели были получены, несмотря на проблемы с глобальной цепочкой поставок и другие сбои, вызванные распространением коронавирусной инфекции.

Все более высокое значение в обеспечении безопасности африканского региона приобретает военный потенциал Китая. Это обстоятельство отметил научный сотрудник Африканского центра П. Нантуля, специализирующийся на современных проблемах безопасности в Африке. В частности, он отметил, что масштабы военного присутствия Китая существенно выросли на фоне подписанной Си Цзиньпином стратегии «Один пояс, один путь». Если ранее основные дебаты сосредоточивались на осуществлении китайско-африканских инфраструктурных проектов, то теперь можно наблюдать явное углубление военного взаимодействия и технологического сотрудничества. Достаточно отметить, что только поставки оружия со стороны Китая в страны Африки к югу от Сахары в 2013—2017 гг. увеличились на 55 % в сравнении с 2008—2012 гг. [35].

Растущее китайское присутствие на Африканском континенте все чаще привлекает к себе внимание экспертов. Уже более 10 лет они активно изучают предпосылки, причины и результаты включения Китая в миротворческую деятельность ООН в данном регионе. На эту тему публикуются не только статьи и обзоры, но и коллективные монографии. В качестве примера можно привести труды Т. Байеса [23], М. Хироно [28], О. Ходзи [29], Ф. Мабера [34], С. Тахерхани [40], Г. Верховена [42] и др.

Несмотря на рост публикаций, недостаточно изученными, на наш взгляд, остаются вопросы о роли Африки во внешнеполитической стратегии КНР, китайского видения модели

мира в данном регионе, военном потенциале Китая в различных секторах безопасности на континенте.

Учитывая сказанное, цель настоящей статьи заключается в формировании комплексного представления об основных тенденциях участия Китая в миротворческих операциях ООН в Африке.

Проблемы безопасности на Африканском континенте. Африка считается самым быстрорастущим регионом мира с точки зрения как экономики, так и демографии. Значение имеют и большие объемы природных ресурсов. Меняется также внешнее восприятие Африки. Если в 2000 г. на обложке журнала «*The Economist*» указывалось «*The hopeless continent*» («Безнадежный континент») [41], то в 2011 и 2013 гг. заголовки того же журнала были уже другими: «*Africa rising*» («Африка поднимается») [21] и «*Aspiring Africa*» («Стремящаяся Африка») [22]. Социально-экономический подъем континента стал причиной стремления многих стран усилить там свое присутствие. На сегодняшний день амбициозные африканские стратегии разработаны, обнародованы и начали реализовываться Китаем, Россией, ЕС, Турцией и др.

Однако одновременно с некоторыми позитивными изменениями Африка остается источником значительного числа проблем, связанных с миром и безопасностью, вызванных и внутренними конфликтами, и влиянием внешних сил, и глобальными вызовами. Неэффективное землепользование, недостаточный уровень развития инфраструктуры, проблематичная экологическая обстановка, зависимость континента от несырьевого импорта, коррупция и организованная преступность усугубляются высокими темпами прироста населения и изменением климата. Эти и иные негативные проявления усиливаются на фоне незначительных (в сравнении с количеством вооруженных конфликтов) расходов на оборону и безопасность.

Кандидат политических наук И. Л. Лилеев еще в 2000 г. писал о том, что окончание «холодной войны» и начавшийся кризис биполярной системы международных отношений не привели к стабилизации ситуации в Африке, они лишь наделили многие исторические конфликты иными качественными характеристиками. Образовавшийся в регионе «вакуум силы» привел к обострению почти всей палитры возможных угроз безопасности, с которыми столкнулось человечество к концу XX в. (межгосударственные и гражданские войны, межэтнические конфликты, бедность и голод, рост наркотрафика и наркопотребления, потоки беженцев и перемещенных лиц, эпидемии смертоносных болезней) [7, с. 4]. Ученый также отмечал, что формирование системы международной безопасности на уровне рассматриваемого континента во многом стало

зависеть от подключения к решению проблем международных организаций, в первую очередь ООН, обладающей значительными потенциальными возможностями в деле регионального урегулирования [7, с. 5].

Аналитик Брукингского института М. Д. Реттиг, занимающийся проблемами роста Африки, обращает внимание на то, что Устав ООН состоит почти из 15 000 слов, при том что ключевая цель организации определена в первых пяти словах документа: «поддерживать международный мир и безопасность». Эти усилия ООН реализует в основном через свои миротворческие миссии, половина из которых приходится на Африканский континент, где, соответственно, происходит половина всех мировых конфликтов [39].

В настоящее время на территории Африки под эгидой ООН проводится шесть миссий и операций (см. таблицу).

При оценке ситуации, складывающейся в данном регионе, важно учитывать ее некоторые особенности. И. Н. Ньядера и Ф. Л. Ибрагим отмечают, что характер африканских конфликтов уникален в сравнении с другими конфликтами, происходящими в последние годы в мире. Конфликты в Йемене, Афганистане, Украине, Израиле, Сирии, Венесуэле, Боливии и других странах унесли больше жизней и нанесли больше разрушительных социально-экономических и гуманитарных последствий, нежели конфликты в Африке, но природа указанных конфликтов не позволила развернуть миротворческие силы ООН. Почему же в Африке их размещение допускается? Специалисты объясняют это обстоятельство лишь тем, что африканские государства добровольно предоставляют заинтересованным в поддержании мира и безопасности сторонам возможность размещения войск на своих территориях [37]. Думается, что такое утверждение является справедливым, но вместе с тем нуждающимся в дополнительных пояснениях.

С момента обретения независимости многие африканские страны были разорены войнами. По вине их же руководителей почти всему континенту был нанесен непоправимый ущерб в виде военных и медицинских расходов, разрушения инфраструктуры, высокой смертности и бедности населения. Согласно некоторым подсчетам, из-за гражданских войн и мятежей Африка каждый год теряет около 18 млрд дол. США [27, р. 3]. В определенный момент местными элитами было осознано, что собственные силы не позволяют снижать конфликтогенность. Согласие на оказание внешней помощи в рамках миротворческой деятельности ООН привело не только к направлению в кризисные зоны контингента стран-доноров (США, Великобритания, Дания, Франция, Норвегии и др.), но и к расширению программ военного обучения местного персонала, его оснащения и т. д. [26].

В некоторых исследованиях резюмируется, что число конфликтов на Африканском континенте идет по нисходящей траектории. В результате многостороннего урегулирования ряда африканских конфликтов многие страны, ранее затронутые организованным насилием, смогли вернуться к миру, получили возможность влиться в цивилизованную жизнь [20]. Одновременно с этим указывается, что ключевыми зонами нестабильности в Африке все еще остаются Сахаро-Сахельская (самая крупная и связующая), Ливийская, Африканский Рог и бассейн Конго. Ни континентальные, ни внеконтинентальные акторы пока не показали впечатляющих результатов в борьбе с угрозами безопасности на этих территориях [1, с. 15].

Следует отметить, что с учетом потенциала, имеющегося у Африки, ее способности, признаваемой многими экспертами, совершить столь же впечатляющий экономический рывок, какой совершила Юго-Восточная Азия во второй половине XX в. [24; 27], интерес к региону проявляют мировые страны-лидеры.

Текущие операции ООН в Африке

Миссия, операция ООН	Начало проведения	Причина проведения
Миссия ООН по проведению референдума в Западной Сахаре (МООНРЗС/ <i>MINURSO</i>)	1991	Война в Западной Сахаре
Миссия ООН по стабилизации в Демократической Республике Конго (МООНСДРК/ <i>MONUSCO</i>)	2010	Вторая конголезская война
Временные силы ООН по обеспечению безопасности в Абьее (ЮНИСФА/ <i>UNISFA</i>) в Судане	2011	Конфликт в Южном Кордофоне
Миссия ООН в Республике Южный Судан (МООНЮС/ <i>UNMISS</i>)	2011	Референдум о независимости Южного Судана
Многопрофильная комплексная миссия ООН по стабилизации в Мали (МИНУСМА/ <i>MINUSMA</i>)	2013	Гражданская война в Мали
Многопрофильная комплексная миссия ООН по стабилизации в Центральноафриканской Республике (МИНУСКА/ <i>MINUSCA</i>)	2014	Гражданская война в Центральноафриканской Республике

Источник: [10].

В стратегиях сотрудничества они нередко используют инструменты, связанные с оказанием помощи в обеспечении региональной безопасности. Китай не является в данном плане исключением.

Примечательно, что в докладе Центра изучения Африки и Центра комплексных европейских и международных исследований факультета мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики (руководитель проекта С. А. Караганов), подготовленном в 2021 г. в целях определения ключевых приоритетов политики России на данном континенте, авторы уделяют внимание позициям, которые Китай уже смог занять в Африке. В этом аналитическом документе, в частности, отмечается, что среди всех внешних партнеров Африки лидерские позиции занимает КНР. Являясь доминирующей экономической силой на континенте, Китай, ранее не вмешивавшийся во внутренние политические процессы, стал постепенно переходить к их осторожному модерированию (в качестве примера приводятся события 2017 г. в Зимбабве). Ведущие позиции КНР как основного партнера африканских стран рассматриваются уже как общепризнанная реальность. Пандемия и ее последствия лишь укрепили доминирование Китая в Африке [1, с. 16]. Политолог, советник Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2009—2016 гг. А. А. Кадомцев также констатировал, что в последние 15—20 лет Китай многократно усилил экономическое взаимодействие с африканскими странами, став ключевым игроком в развитии инфраструктуры, в некоторых сырьевых отраслях, а также в секторе потребительских товаров [6].

Заинтересованность Китая в участии в миротворческих операциях ООН в Африке. КНР, восстановив свое членство в ООН в 1971 г., подключилась к миротворческой деятельности Организации в 1981 г., когда китайская делегация приняла участие в голосовании Совета Безопасности ООН по поводу проведения миротворческой операции на Кипре. В 1989 г. 20 китайских военных наблюдателей впервые были откомандированы в состав Переходной группы ООН по оказанию помощи Намибии (ЮНТАГ/*UNTAG*). Расширяющееся в последующие годы присутствие КНР в миротворческой деятельности ООН привело к тому, что в настоящее время китайский контингент (войска, полиция и ее подразделения, штабное обеспечение, экспертная поддержка) представлен в пяти из шести миссий и операций Организации, проводимых на территории Африканского континента. При этом наибольшие военные силы Китая сосредоточены в миссии ООН в Республике Южный Судан (МООНЮС). Всего же число представителей Китая в Африке, по официальным данным ООН, составляет 1808 человек [10].

Научный сотрудник Университета Претории С. С. Куо, оценивая численность китайского контингента в миротворческих миссиях ООН, утверждает, что вклад КНР уже превышает совокупный вклад персонала четырех других постоянных членов Совета Безопасности ООН — России, США, Франции и Великобритании. Таким образом, присутствие Китая в Африке можно рассматривать как самое значительное событие для континента, по крайней мере, со времен окончания «холодной войны» [33, р. 3].

В большинстве источников, изученных при написании настоящей статьи, можно встретить указание прежде всего на экономические интересы, которые преследует руководство КНР, участвуя в миротворческой деятельности ООН на Африканском континенте. Такая позиция во многом верна. Широко известна потребность Китая в энергоресурсах и полезных ископаемых, которыми богат регион.

Доцент кафедры истории Восточной Азии в Гриннелл-колледже, научный сотрудник Китайского центра Оксфордского университета М. Д. Джонсон считает, что Африка жизненно важна для поставок нефти в Китай. В подтверждение своих слов ученый приводит сведения, согласно которым после России и Саудовской Аравии Ангола занимает третье место по объему импортируемой нефти, а Конго — двенадцатое. В свою очередь, регион к югу от Сахары считается территорией, с наибольшей вероятностью имеющей значительные неразведанные ресурсы. По мнению М. Д. Джонсона, особое внимание Китай также уделяет сельскохозяйственным землям развивающихся африканских стран, которые могут быть приобретены или взяты в аренду. К 2016 г. по всему Африканскому континенту было рассредоточено 23 китайских центра развития сельскохозяйственных технологий [30].

П. Нантуля описывает экономическое присутствие Китая в Африке как весьма ощутимое. Так, по данным Национального бюро статистики КНР, только за 2017 г. более 10 000 китайских госпредприятий, работающих в Африке, получили около 51 млрд дол. США дохода от реализации различных проектов. По состоянию на 2020 г., Китай участвовал в осуществлении строительных и инфраструктурных африканских проектов, число которых превышает проекты Франции, Италии и США вместе взятые. Кроме того, в 2018 г. около 200 000 китайских рабочих переехали в Африку для трудоустройства, в результате чего общее число китайских иммигрантов превысило 1 млн человек [36].

А. А. Кадомцев, отмечая общий объем прямых китайских инвестиций на континенте в размере 78 млрд дол. США, дополнительно указывает, что Китай является автором целого ряда геоэкономических инициатив, способ-

ных кардинально изменить финансово-экономический ландшафт большей части Африки [6]. Преподаватель кафедры Международной журналистики МГИМО МИД России С. В. Филатов ссылается на один из обзоров известного исследовательского центра «Atlantic Council» (США), где указывается: «сетью китайских инвестиций опутан практически весь Африканский континент, причем 75 % общей суммы вложений приходится на десять стран — Нигерию, Алжир, ЮАР, Эфиопию, Демократическую Республику Конго, Чад, Анголу, Нигер, Сьерра-Леоне и Камерун; примерно половина этих средств инвестирована в энергетический и горнодобывающий секторы промышленности» [13].

Интенсификации сотрудничества во многом способствует учрежденный в 2000 г. *FOCAS*, в рамках которого каждые три года организуются конференции либо саммиты. В сентябре 2018 г. в Пекине проходил третий саммит форума. Одним из знаковых событий мероприятия стало заявление Председателя КНР Си Цзиньпина о предоставлении в ближайшие три года африканским странам финансовой помощи на сумму 60 млрд дол. США, включая безвозмездную помощь и беспроцентные займы [18]. В июне 2020 г. в ходе внеочередного специального саммита Китай — Африка, посвященного борьбе с пандемией *COVID-19*, проходившего в формате видеоконференции, Си Цзиньпин заявил о предоставлении отсрочки по погашению имеющейся у африканских стран задолженности перед Пекином. Помимо этого, он заверил о продолжении совместной работы над реализацией инициативы *G20* смягчить общие долговые обязательства африканских стран [11]. В свою очередь, со стороны последних была высоко оценена китайская помощь в борьбе с коронавирусом, а также признана позитивная роль китайских инвестиций. В частности, Президент ЮАР С. Рамафоса подчеркнул, что саммит продемонстрировал всю глубину китайско-африканского сотрудничества [8].

Однако, помимо экономической, Китай преследует в Африке и иные цели. Научный сотрудник Института глобального диалога Претории (Южная Африка) Ф. Мабера высказывает мысль о том, что по мере углубления экономического взаимодействия Китая с Африкой, расширения его материальных интересов произошло переориентирование — стратегические и оперативные преимущества официальный Пекин увидел в позиционировании себя как гаранта региональной безопасности. Кроме того, сложная и нестабильная обстановка в Африке выявила ограниченную полезность статической позиции невмешательства, что побудило руководство Китая пересмотреть собственные внешнеполитические цели, в том числе в рамках поддержания своего имиджа в качестве ответственной державы

на мировой арене [34, р. 135]. Следует отметить, что в 2000-х гг. произошло переосмысление принципа невмешательства, являвшегося краеугольным камнем китайской дипломатии с 1970-х гг. Пекин теперь подразумевает, что «он конструктивно участвует, а не вмешивается во внутренние дела других стран» [43, р. 1806].

К аналогичным выводам пришел и аналитик Фонда имени Конрада Аденауэра в Берлине Т. Байес. В соответствии с его точкой зрения Пекин стремится играть более важную роль в обеспечении безопасности Африки, преследуя сразу две цели — защиту своих растущих экономических потребностей и защиту собственных граждан, находящихся на континенте. Политические мотивы Пекина постепенно приобретают ключевое значение. Он углубляет свои отношения с африканскими странами на основе не только коммерческого обмена, но и проведения политики от имени «ответственной великой державы». Тем самым Китай, несомненно, повышает свой международный авторитет. Одновременно с этим активное участие КНР в обеспечении безопасности в Африке способствует и внутренней военной модернизации, являющейся важным компонентом «Целей столетия» КПК [23, р. 3].

Существенную роль в плане продвижения на континенте геополитических интересов Пекина сыграла внешнеполитическая инициатива «Один пояс, один путь», авторство которой принадлежит Си Цзиньпину. Впервые о контурах такой инициативы он заявил, выступая с речью в Астане (Казахстан) в сентябре 2013 г. В последующем (в марте 2015 г.) она получила свое воплощение в концепции строительства Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века [12]. Сегодня инициатива рассматривается преимущественно как основное направление внешней политики Китая, включена в Устав Коммунистической партии и Конституцию страны, а ее завершение датируется 2049 г. — годом 100-летия КНР. В рамках данной инициативы, по состоянию на февраль 2022 г., Китаем были подписаны соглашения о сотрудничестве со 148 государствами (включая 40 африканских государств) и с 31 международной организацией [5].

Африканский континент в инициативе «Один пояс, один путь» позиционируется, во-первых, в качестве перспективного рынка для китайских инвестиций и технологий, а во-вторых, в качестве стратегического транспортного узла, связывающего Китай с Восточной Африкой, Юго-Восточной Азией, Персидским заливом и Европой и недавно расширенного до Западной и Южной Африки.

Одним из наиболее значительных проектов в рамках инициативы стало строительство военно-морской базы в Республике Джибути, расположенной в Восточной Африке в районе Африканского Рога, в целях осуществления

контроля за Аденским и Персидским заливами и прилегающей акваторией Индийского океана. Этим работам предшествовало принятие в 2015 г. закона, который разрешил развертывание Народно-освободительной армии (НОАК) и других сил безопасности Китая за рубежом. Уже в 2017 г. была открыта первая в истории КНР иностранная военно-морская база в Джибути. После возведения на базе дополнительных причальных сооружений в мае 2018 г. Китай провел на чужой территории широкомасштабные учения с боевой стрельбой, использованием боевых бронированных машин и тяжелой артиллерии [15]. В ноябре того же года с участием вертолетов НОАК прошли крупные учения по эвакуации военных с фрегата. Тем самым, Китай продемонстрировал свои современные наземные и воздушные возможности в регионе в дополнение к имеющимся военно-морским силам [14].

Стоит отметить, что реакция Запада на закрепление КНР в Джибути носила быстрый и по большей части негативный характер. В действиях Пекина увидели сдерживание США и других стран. Политический обозреватель, эксперт Российского совета по международным делам А. Богуславский, обобщив все оценки, утверждал, что создание китайской военно-морской базы в Африке — это знак смены вектора в политике сосредоточивания. Скорее всего, Китай и далее будет организовывать структуры безопасности, альтернативные американоцентричным, на тех территориях, где он имеет геополитические и экономические интересы. Исходя из такой точки зрения не исключено, что Китай будет стремиться уравновешивать и даже сдерживать не только США, но и Индию, образуя вокруг нее кольцо из военно-морских опорных точек на Африканском континенте и устанавливая тесные связи с Пакистаном, Бангладеш, Мьянмой и Шри-Ланкой [2].

Начиная с 2014 г., после одной из публикаций Агентства «Синьхуа», в научной и экспертной среде стала широко дискутироваться тема о создании Китаем еще 18 военно-морских баз в таких портах, как Чхонджин (Северная Корея), Порт-Морсби (Папуа — Новая Гвинея), Сиануквиль (Камбоджа), Ко Ланта (Таиланд), Ситтве (Мьянма), Гвадар (Пакистан), Дакка (Бангладеш), Лагос (Нигерия), Хамбантога и Коломбо (Шри-Ланка), Момбаса (Кения), Луанда (Ангола), Уолфиш-Бей (Намибия), Дар-эс-Салам (Танзания), Джибути, Мальдивы, Сейшелы. С. В. Филатов обращает особое внимание на то, что в представленном перечне семь объектов относятся к африканскому побережью. Автор, хотя и считает реализацию всех проектов больше теорией, чем практикой, видит в этом стремление Китая обезопасить себя от ситуаций, аналогичных произошедшей в 2011 г. В условиях начала бомбардировки силами НАТО Джамахирии (Ливии) перед

китайским руководством остро возник вопрос срочной эвакуации десятков тысяч своих рабочих и инженеров [13].

Факт функционирования военно-морской базы КНР в порту Джибути, несмотря на всю внешнюю критику, позволяет предположить, что некоторые из озвученных китайскими официальными лицами планов действительно могут быть воплощены, что еще в большей степени закрепит присутствие Китая на Африканском континенте.

Обобщая сказанное, можно заключить, что Китай, участвуя в миротворческой деятельности ООН в Африке, преследует целый перечень собственных интересов (экономических, энергетических, транспортных и др.). В обмен на получение доступа к ресурсам он предоставляет поддержку африканским странам. Такая поддержка, несомненно, имеет и военное измерение. На ее основе Пекин старается закрепить за собой статус полноценного субъекта глобальной и региональной безопасности, «ответственной великой державы». Увеличивая свой вклад в миротворчество ООН, включая миссии и операции в рассматриваемом регионе, Китай стремится изменить представление о себе не только как об участнике коммерческого обмена, строительства инфраструктуры и добычи ресурсов, но и как об активном игроке в деле обеспечения мира и безопасности в Африке.

Политика Пекина в отношении миротворческих операций ООН в Африке: особенности, итоги и перспективы развития. Участие в миротворческой деятельности ООН является относительно новым направлением, но одновременно с этим и крайне интенсивным во внешней политике Китая. В настоящее время китайский контингент составляет основную долю сил и средств ООН, присутствующих на Африканском континенте. Китай играет роль крупной, но мирной державы, защищающей также и свои интересы, выступая при этом в противовес влиянию Запада.

В Белой книге «30 лет участия китайской армии в миротворческих операциях ООН», изданной в сентябре 2020 г. Информационным бюро Госсовета КНР, взаимодействие с Африканским союзом по линии военной помощи описано в отдельном разделе. В нем, в частности, отмечается, что в настоящее время Африка больше всего нуждается в миротворчестве. Китай и НОАК выполняют свои обязательства по оказанию африканским странам содействия в улучшении их способности самостоятельно поддерживать мир и стабильность [17].

С. С. Куо обращает внимание на коренные отличия китайской модели участия в поддержании мира, миростроительстве и миротворчестве в Африке от модели, реализуемой там западными странами. По его мнению, модель «либерального мира» содержит в своей ос-

нове принципы демократии и рыночной экономики, утвердившиеся на Западе, тогда как китайская модель опирается на собственные традиции, политическую философию и опыт развития за последние 40 лет [32].

В китайской модели мира и безопасности, ставящей во главу угла социальную стабильность и экономическое развитие, а не политические реформы и права личности, можно выделить следующие характеристики:

1) уважение суверенитета и невмешательство во внутренние дела других стран. Границы сотрудничества Китая с ООН в области миротворчества четко определены в Конституции КНР 1982 г.: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, ненападение, невмешательство во внутренние дела национальных государств, равенство при взаимной выгоде, мирное развитие. В научной среде данные конституционные положения носят название «пять принципов мирного сосуществования», которые пронизывают всю современную внешнеполитическую доктрину Китая [19].

Утверждение именно этих принципов имеет исторические причины. Во-первых, в XIX—XX вв. Китаю был нанесен большой урон внешними колониальными вторжениями, в том числе были утрачены территории Гонконга и Аомыня. Данный период рассматривается не иначе как «век унижений». Во-вторых, Китай крайне чувствителен к вмешательству извне в свои внутренние дела, особенно на периферии, такой как Синьцзян, Тибет и Тайвань. Эти основания не позволяют Пекину считать миротворчество инструментом смены режима [32];

2) приоритет государственных интересов над индивидуальными и групповыми интересами, а также обеспечение политической стабильности. В «политике открытости» — курсе, установленном Дэн Сяопином после смерти Мао Цзэдуна в сентябре 1976 г., центральное место занимает политическая стабильность. Китай строго придерживается этого курса, что подтверждается значительными экономическими преобразованиями, произошедшими в последние 40 лет, при отсутствии каких-либо фундаментальных политических изменений [32];

3) экономическое развитие инфраструктуры под руководством государства. Наглядным образом подход Китая к миротворческой деятельности иллюстрируется опытом его участия в миссии ООН в Либерии (МООНЛ/UNMIL), проводившейся с сентября 2003 по март 2018 г. План постконфликтного восстановления Либерии состоял из четырех частей: восстановление инфраструктуры; оживление экономики; мир и безопасность; укрепление государственного управления и обеспечение верховенства закона. Китай оказал помощь в финансировании той части стратегии, которая была связана с инфраструктурой и экономикой, при этом проекты в области верховенства закона были оставлены им «за скобками» [32].

Изучая миротворческую деятельность КНР на Африканском континенте, можно отметить, что, несмотря на ее определенную интенсификацию, Пекин все же позиционирует себя в качестве нейтрального игрока, «ответственной великой державы». Китай старается избегать действий, которые могут представить его в качестве державы, стремящейся доминировать над другими странами. Китай предпочитает поддерживать гибкую систему безопасности, включающую использование войск НОАК, например, в борьбе с пиратством и коронавирусной инфекцией, с одновременным применением местных сил, которым, помимо вооружения и технического оснащения, предоставляются соответствующие знания, навыки. Не случайно Т. Байес отмечает, что во многих выступлениях китайских лидеров, дипломатов и иных официальных лиц подчеркивается особая позиция Китая в обеспечении мира и безопасности в Африке, сосредоточенная на ограниченном многостороннем вмешательстве и наращивании потенциала самих африканских стран для поиска «африканских решений африканских проблем» [23, р. 3].

С учетом того, что сотрудничество в области мира и безопасности названо одним из приоритетов текущего цикла *FOCAS*, можно предположить, что Китай намерен и далее активизировать свои усилия в этом направлении. О серьезности намерений Пекина свидетельствуют следующие факты: во-первых, усиление его позиций как поставщика оружия на континент (помимо постоянного наращивания объемов, меняется номенклатура импортируемой военной продукции, которая становится все более высокотехнологичной и сложной), во-вторых, расширение его финансового и кадрового участия в реализации миротворческих операций ООН, вплоть до завоевания первого места в списке стран — постоянных членов Совета Безопасности ООН по представлению контингента. Все это подкрепляется развитием военно-дипломатических отношений. При этом у руководства Китая есть осознание того, что пока военное присутствие страны в Африке является фрагментарным, уступающим США, потому оно всячески стремится изменить баланс сил. Профессор Е. И. Зеленев и доцент М. А. Солощева отмечают, что в последние годы Пекин начал активно привлекать африканские государства к совместному созданию военно-политических и одновременно экономических межгосударственных объединений. Для этого, наряду с уже традиционными для китайской внешней политики инструментами «мягкой силы», все шире применяются комбинированные методы, получившие в международной практике название «умная сила» [4, с. 5].

В целом можно отметить, что китайская модель миротворчества, ориентированная на поддержание политической стабильности, развитие инфраструктуры и экономики, избе-

гающая интервенционизма и демократизации внутри миссий, вызывает позитивный интерес на Африканском континенте, поскольку выступает альтернативой западной модели миротворчества. Немаловажно при этом наличие у Китая и африканских государств общего чувства исторической несправедливости со стороны западных колониальных держав и общей идентичности/близости как развивающихся стран. Участие КНР в миротворческой деятельности ООН в Африке выгодно всем участникам, следовательно, имеются основания полагать, что в ближайшей и среднесрочной перспективе оно будет только расширяться, особенно с учетом нынешней ситуации перераспределения сил на мировой арене. В настоящее время все чаще говорится о крахе однополярного мира, появлении у Пекина возможности занять лидирующие позиции в глобальной системе обеспечения безопасности.

Заключение. Следует подчеркнуть, что вопреки распространенному мнению о наличии у современного Китая заинтересованности только в природных ресурсах Африки его внешнеполитическая стратегия в отношении данного региона носит более развернутый характер. Помимо экономических, Пекин пре-

следует геополитические и идеологические интересы, а также интересы, связанные с обеспечением безопасности. Все они реализуются, в том числе, в рамках его участия в миротворческой деятельности ООН на Африканском континенте. Можно предположить, что в ближайшие годы китайско-африканское сотрудничество будет только расширяться. В плане военного дела можно ожидать дополнительное предоставление финансовой помощи, рост поставок вооружения, увеличение числа программ профессиональной подготовки местного персонала, включая совместные учения. При этом вряд ли будет подвергнута серьезным изменениям китайская модель миротворчества. Китай рассматривает как противоречащее своей идеологии вмешательство во внутренние дела, политические процессы в африканских странах. Следовательно, его политика по укреплению мира и безопасности в Африке, в первую очередь, будет осуществляться в контексте инициативы «Один пояс, один путь». Иными словами, миротворчество Пекин будет реализовывать преимущественно путем внесения максимально возможного вклада в развитие экономики и инфраструктуры государств региона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Африка: перспективы развития и рекомендации для политики России: доклад по итогам ситуационного анализа. — М.: Междунар. отношения, 2021. — 142 с.
2. Богуславский, А. Зачем Китаю тыл в Джибути? / А. Богуславский [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. — 26.07.2017. — Режим доступа: <<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zachem-kitayu-tyl-v-dzhibuti/>>. — Дата доступа: 02.04.2022.
3. Булатов, Р. Операции ООН по поддержанию мира в Африке / Р. Булатов // Зарубеж. воен. обозрение. — 2020. — № 8. — С. 17–23.
4. Зеленов, Е. И. 20 лет политики КНР в Африке: из прошлого в будущее / Е. И. Зеленов, М. А. Солощева // Азия и Африка сегодня. — 2021. — № 2. — С. 5–14. (<https://doi.org/10.31857/S032150750013956-3>)
5. И тун чжун го цзянь дин гун цзянь «и дай и лу» хэ цзо вэнь цзянь дэ го цзя и лань = Список стран, подписавших с Китаем документы о сотрудничестве по совместному строительству «Пояса и пути» [Электронный ресурс] // Чжунго «И дай и лу» ван = Портал «Один пояс, один путь». — 07.02.2022. — Режим доступа: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/info/iList.jsp?tm_id=126&cat_id=10122&info_id=77298>. — Дата доступа: 26.03.2022 (на кит. яз.).
6. Кадомцев, А. А. Африка между Западом и Востоком / А. А. Кадомцев [Электронный ресурс] // Междунар. жизнь. — 23.09.2020. — Режим доступа: <<https://interaffairs.ru/news/show/27539>>. — Дата доступа: 02.04.2022.
7. Лилеев, И. Л. Национальные и региональные аспекты проблемы безопасности в Африке: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / И. Л. Лилеев. — М., 2000. — 16 с.
8. Нань фэй чжу лю мэи ти цзи цзи пин цзя чжун фэй туань цзе кан и тз бе фэн хуэй = Основные СМИ Южной Африки положительно прокомментировали специальный саммит Китай — Африка по солидарности в борьбе с эпидемией [Электронный ресурс] // Жэнь минь ван = Народная сеть. — 21.06.2020. — Режим доступа: <<http://world.people.com.cn/n1/2020/0621/c1002-31754255.html>>. — Дата доступа: 26.03.2022 (на кит. яз.).
9. Операция ООН по поддержанию мира на карте мира [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<https://peacekeeping.un.org/ru/where-we-operate>>. — Дата доступа: 31.12.2021.
10. Поддержание международного мира и безопасности [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<https://www.un.org/ru/our-work/maintain-international-peace-and-security>>. — Дата доступа: 02.04.2022.
11. Си Цзиньпин цзай чжун фэй туань цзе кан и тз бе фэн хуэй шан де чжу чжи цзян хуа (цюань вэнь) = Программная речь Си Цзиньпина на противоэпидемическом саммите китайско-африканской солидарности (полный текст) [Электронный ресурс] // Чжунго вай цзяо бу = Министерство иностранных дел КНР. — 17.06.2020. — Режим доступа: <https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zjyh_674906/202006/t20200617_9870616.shtml>. — Дата доступа: 26.03.2022 (на кит. яз.).
12. Туй дун гун цзянь сы чоу чжи лу цзин цзи дай хэ 21 ши цзи хай шан сы чоу чжи лу дэ юань цзин юй син дун = Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века» [Электронный ресурс] // Чжунго вай цзяо бу = Министерство иностранных дел КНР. — 28.03.2015. — Режим доступа: <https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/201503/t20150328_332173.shtml>. — Дата доступа: 26.03.2022 (на кит. яз.).
13. Филатов, С. В. Безопасность Африки обсуждается в... Китае / С. В. Филатов [Электронный ресурс] // Международная жизнь. — 24.07.2019. — Режим доступа: <<https://interaffairs.ru/news/show/23269>>. — Дата доступа: 03.04.2022.
14. Чжан Цинбао. Во чжу цзи бу ти бао чжан цзи ди кай чжань ху цзянь чжи шэн цзи и ляо хоу сун сюнь лань = Китайская база безопасности в Джибути проводит тренировки по медицинской эвакуации на вертолетах сопровождения / Чжан Цинбао, Цю Хаохань // Газета Народно-освободительной армии Китая. — 2018. — 10 нояб. (на кит. яз.)
15. Чжан Цинбао. Во чжу цзи бу ти бао чжан цзи ди кай чжань ши бин ши чжуан ши дань янь лань = Китайская база безопасности в Джибути проводит учения с боевой стрельбой / Чжан Цинбао, Чэнь Пин // Там же. — 15 мая (на кит. яз.).

16. Чжунго суй цю дай дун фэй чжоу мао и чжу ли цзин цзи фу су = Китайский спрос стимулирует африканскую торговлю, чтобы способствовать восстановлению экономики [Электронный ресурс] // Чжун фэй хэ цзо лунь тань = Форум китайско-африканского сотрудничества. — 29.01.2022. — Режим доступа: <http://www.focac.org/zfgx/jmhzh/202201/t20220129_10636974.htm>. — Дата доступа: 29.04.2022 (на кит. яз.).
17. «Чжунго цзюнь дуй кань цзя лян хэ го вэй хэ син дун 30 нянь» бай пи шу (цюань вэнь) = Белая книга «30 лет участия китайской армии в миротворческих операциях ООН» (полный текст) [Электронный ресурс] // Чжун хуа жэнь минь гун хэ го гу юань синь вэнь бань гун ши = Пресс-канцелярия Госсовета Китайской Народной Республики. — 18.09.2020. — Режим доступа: <<http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1687750/1687750.htm>>. — Дата доступа: 02.04.2022 (на кит. яз.).
18. Чжун фэй хэ цзо лунь тань бэй цзин фэн хуэй чэн го ло ши се дяо жэнь хуэй и тун го «лян хэ шэн мин» = Совещание координатора по реализации итогов Пекинского саммита Форума китайско-африканского сотрудничества приняло Совместное заявление [Электронный ресурс] // Чжунго вай цзяо бу = Министерство иностранных дел КНР. — 26.06.2019. — Режим доступа: <https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/201906/t20190626_9869118.shtml>. — Дата доступа: 26.03.2022 (на кит. яз.).
19. Чжун хуа жэнь минь гун хэ го сянь фа = Конституция Китайской Народной Республики [Электронный ресурс] // Чжун хуа жэнь минь гун хэ го чжун ян жэнь минь чжэн фу = Центральное народное правительство КНР. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/xinwen/2018-03/22/content_5276319.htm>. — Дата доступа: 26.03.2022 (на кит. яз.).
20. Aall, P. Conflict in Africa: diagnosis and response: CIGI Paper N 71 / P. Aall. — Waterloo: CIGI, 2015. — 8 p. [Electronic resource] // The Centre for International Governance Innovation. — Mode of access: <https://www.cigionline.org/sites/default/files/cigi_paper_no.71.pdf>. — Date of access: 02.04.2022.
21. Africa rising [Electronic resource] // The Economist. — 03.12.2011. — Mode of access: <<https://www.economist.com/leaders/2011/12/03/africa-rising>>. — Date of access: 13.12.2021.
22. Aspiring Africa [Electronic resource] // The Economist. — 02.03.2013. — Mode of access: <<https://www.economist.com/leaders/2013/03/02/aspiring-africa>>. — Date of access: 13.12.2021.
23. Bayes, T. China's growing security role in Africa: Views from West Africa, Implications for Europe / T. Bayes. — Berlin: Konrad-Adenauer-Stiftung e.V., 2020. — 78 p.
24. Coleman, C. This region will be worth \$5.6 trillion within 5 years — but only if it accelerates its policy reforms / C. Coleman [Electronic resource] // The World Economic Forum. — 11.02.2020. — Mode of access: <<https://www.weforum.org/agenda/2020/02/africa-global-growth-economics-worldwide-gdp/>>. — Date of access: 04.04.2022.
25. Gebrehiwot, S. H. Can China Bring Peace to Africa? / S. H. Gebrehiwot, B. M. Demissie [Electronic resource] // The Diplomat. — 10.09.2018. — Mode of access: <<https://thediplomat.com/2018/09/can-china-bring-peace-to-africa/>>. — Date of access: 08.04.2022.
26. Hampton, D. Creating Sustainable Peacekeeping Capability in Africa / D. Hampton [Electronic resource] // The Africa Center for Strategic Studies. — 30.04.2014. — Mode of access: <<https://africacenter.org/publication/creating-sustainable-peacekeeping-capability-in-africa/>>. — Date of access: 02.04.2022.
27. Hillier, D. Africa's Missing Billions: International Arms Flows and the Cost of Conflict: briefing paper 107 / D. Hillier [Electronic resource] // Policy and Practice: Oxfam. — 11.10.2007. — Mode of access: <<https://policy-practice.oxfam.org/resources/africas-missing-billions-international-arms-flows-and-the-cost-of-conflict-123908/>>. — Date of access: 02.04.2022.
28. Hirono, M. China's Charm Offensive and Peacekeeping: The Lessons of Cambodia — What Now for Sudan? / M. Hirono // International Peacekeeping. — 2011. — Vol. 18, N 3. — P. 328—343. (<https://doi.org/10.1080/13533312.2011.563097>)
29. Hodzi, O. Conclusion: Trends and Patterns of China's Intervention in Africa / O. Hodzi // Hodzi, O. The End of China's Non-Intervention Policy in Africa / O. Hodzi. — Palgrave Macmillan, 2018. — P. 209—237. (https://doi.org/10.1007/978-3-319-97349-4_7)
30. Johnson, M. D. China's International Partnerships: Pan-African Cooperation / M. D. Johnson [Electronic resource] // Global Risk Insights. — 07.02.2020. — Mode of access: <<https://globalriskinsights.com/2020/02/chinas-international-partnerships-pan-african-cooperation/>>. — Date of access: 08.04.2022.
31. Klobucista, C. The Role of Peacekeeping in Africa / C. Klobucista, D. Renwick [Electronic resource] // Council on Foreign Relations. — 05.10.2021. — Mode of access: <<https://www.cfr.org/background/role-peacekeeping-africa#chapter-title-0-2>>. — Date of access: 08.04.2022.
32. Kuo, S. C. Y. China's approach to peace in Africa is different. How and why / S. C. Y. Kuo [Electronic resource] // The Conversation. — 27.01.2020. — Mode of access: <<https://theconversation.com/chinas-approach-to-peace-in-africa-is-different-how-and-why-129467>>. — Date of access: 08.04.2022.
33. Kuo, S. C. Y. Chinese Peace in Africa: From Peacekeeper to Peacemaker / S. C. Y. Kuo. — London: Routledge, 2019. — 158 p.
34. Mabera, F. China's Evolving Approach to the African Peace and Security Agenda: Rationale, Trends and Implications / F. Mabera // Africa-China Cooperation. — Springer International Publishing, 2021. — P. 135—161.
35. Nantulya, P. Chinese Hard Power Supports Its Growing Strategic Interests in Africa / P. Nantulya [Electronic resource] // Africa Center for Strategic Studies. — 17.01.2019. — Mode of access: <<https://africacenter.org/spotlight/chinese-hard-power-supports-its-growing-strategic-interests-in-africa/>>. — Date of access: 17.04.2022.
36. Nantulya, P. Chinese Security Contractors in Africa / P. Nantulya [Electronic resource] // Carnegie Endowment for International Peace. — 08.10.2020. — Mode of access: <<https://carnegieendowment.org/2020/10/08/chinese-security-contractors-in-africa-pub-82916>>. — Date of access: 17.04.2022.
37. Nyadera, I. N. Non-Economic Drivers of China's Peacekeeping Operations in Africa / I. N. Nyadera, F. L. Ibrahim [Electronic resource] // Russian International Relations Council. — 17.01.2020. — Mode of access: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/non-economic-drivers-of-china-s-peacekeeping-operations-in-africa/?phrase_id=89768558>. — Date of access: 15.04.2022.
38. Reaping the Potential Benefits of the African Continental Free Trade Area for Inclusive Growth: Economic Development in Africa Report 2021. — Geneva: United Nations, 2021. — 204 p. [Electronic resource] // The United Nations Conference on Trade and Development. — 08.12.2021. — Mode of access: <https://unctad.org/system/files/official-document/aldcafrica2021_en.pdf>. — Date of access: 02.04.2022.
39. Rettig, M. D. The Evolution of African Peacekeeping / M. D. Rettig [Electronic resource] // The Africa Center for Strategic Studies. — 26.05.2016. — Mode of access: <<https://africacenter.org/spotlight/evolution-african-peacekeeping/>>. — Date of access: 17.04.2022.
40. Taherkhani, S. China's Contribution to the United Nations Peacekeeping Missions in the Middle East and North Africa: Security Balancing Signals / S. Taherkhani // The Iranian Review for UN Studies. — 2019. — Vol. 2, N 1. — P. 205—224. (<https://doi.org/10.22034/iruns.2019.100956>)
41. The hopeless continent [Electronic resource] // The Economist. — 13.05.2000. — Mode of access: <<https://www.economist.com/weekylidation/2000-05-13>>. — Date of access: 13.12.2021.
42. Verhoeven, H. Is Beijing's Non-Interference Policy History? How Africa is Changing China / H. Verhoeven // The Washington Quarterly. — 2014. — Vol. 37, N 2. — P. 55—70. (<https://doi.org/10.1080/0163660X.2014.926209>)
43. Xinyu Yuan. The Chinese approach to peacebuilding: contesting liberal peace? / Xinyu Yuan // Third World Quarterly. — 2022. — Vol. 43, N 7. — P. 1798—1816. (<https://doi.org/10.1080/01436597.2022.2074389>)

Статья поступила в редакцию 31 мая 2022 г.

О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАХ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР В ПЕРИОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВА ХУ ЦЗИНЬТАО

Чжоу Лэчжэн

В статье проанализированы новые концептуальные подходы китайского руководства к определению и реализации внешней политики Китайской Народной Республики в период председательства Ху Цзиньтао (2002—2012 гг.). Отмечено, что на пути мирного развития Китай претерпел обширные и глубокие изменения, добился значительных достижений в области строительства социализма с китайской спецификой, внес большой вклад в укрепление международной безопасности, стабильности и сотрудничества. Особое внимание обращено на конкретизацию китайской концепции мирного развития в форме построения гармоничного мира. Сделан вывод о том, что во время правления руководящей группы в четвертом поколении во главе с Ху Цзиньтао китайская внешняя политика приобрела более целенаправленный и реалистический характер.

Ключевые слова: внешняя политика; КНР; концепция гармоничного мира; многополярный мир; Ху Цзиньтао; Цзян Цзэминь.

«On the Conceptual Foundations of China's Foreign Policy during the Presidency of Hu Jintao» (Zhou Lezheng)

The article analyses the directions of foreign policy of the People's Republic of China during the presidency of Hu Jintao in the period from 2002 to 2012. The author notes that China has undergone extensive and profound changes on the path of peaceful development, made outstanding achievements in building socialism with Chinese characteristics and made a significant contribution to strengthening international security, stability and cooperation. Particular attention is drawn to the specification of Chinese conception of peaceful development and building a harmonious world. The author makes a conclusion that during the governing of the fourth-generation leadership group headed by Hu Jintao, Chinese foreign policy has acquired a more purposeful and realistic character.

Keywords: China; conception of harmonious world; foreign policy; Hu Jintao; Jiang Zemin; multipolar world.

Период руководства Ху Цзиньтао занимает важное место в истории КНР. Его государственная деятельность, внутренняя и внешняя политика ассоциируются с новыми большими достижениями страны на пути строительства социализма с китайской спецификой, а также с некоторыми нерешенными проблемами, имеющими как объективный, так и субъективный характер. 10-летний период председательства Ху Цзиньтао — это время четвертого поколения китайских руководителей, которые возглавили страну, вступившую в XXI в. Деятельность Ху Цзиньтао, в том числе его внешняя политика, положительно оцениваются в современной китайской исторической науке и политико-пропагандистской работе КПК, особенно в связи со 100-летием образования. Китайский автор Янь Сюэтунь рассматривает внешнюю политику Ху Цзиньтао и других китайских руководителей через призму лидерства ведущих стран мира, которое ведет к

трансформации норм и правил поведения на международной арене [19].

Профессор факультета международных отношений Пекинского университета Ван Ичжоу, полагает, что более чем 70 лет развития китайской дипломатии с момента основания Китайской Народной Республики можно разделить на три периода. Первым периодом является эпоха строительства нового государства (1949—1978 гг.), когда руководителем был Мао Цзедун. Это период роста после Второй мировой войны национально-освободительного движения Китая, или Китай версии 1.0. Вторым период, представленный эпохой Дэн Сяопина за рубежом называют Китаем версии 2.0. Его основной особенностью стало превращение Китая в торгово-экономическую, крупную развивающуюся страну, сосредоточенную на собственном развитии и строительстве. Этот период также получил название периода реформ и открытости и продолжался с 1978 г. (3-й пле-

Автор:

Чжоу Лэчжэн — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: Zhoulezheng@hotmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Zhou Lezheng — post-graduate student of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: Zhoulezheng@hotmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

нум ЦК КПК XI созыва) до 2012 г. (XVIII съезд КПК). Нынешний период является третьим и представлен внешнеполитической моделью, получившей название новой китайской дипломатии, или китайской дипломатии версии 3.0. Она характеризуется более глубокой интеграцией Китая в мировую экономику и политику [2].

Следует отметить взаимосвязь второго и третьего периодов, подчеркивающих политику реформ и открытости, ключевой задачей которых является собственное развитие и строительство. При этом между ними выявляются и существенные различия. Для первого периода больше характерна революционность и несовместимость с существующими мировыми отношениями. Второй период главным образом характеризуется стратегией сокрытия возможностей и выжидания момента, пассивности страны в международных отношениях. В этот период Дэн Сяопин требовал по возможности не выделяться и делать свое дело. В то время уровень развития Китая действительно был довольно низким, не была решена базовая проблема обеспечения питанием и одеждой, поэтому страна была «сфокусирована на себя». Этого курса с определенными модификациями во внешней политике придерживался Ху Цзиньтао [2].

Вопрос эволюции политической системы Китая, в частности период правления Ху Цзиньтао, рассматривали российские авторы А. Д. Воскресенский [4], Ю. М. Галенович [6], Я. В. Лексютин [11], В. Я. Портяков [13] и др. В частности В. Я. Портяков оценивает внешнюю политику и дипломатию Ху Цзиньтао в сравнении с политикой Цзян Цзэминя и Си Цзиньпина, отмечая его новаторские подходы к международным отношениям (концепции гармоничного мира и новой системы безопасности). Он обоснованно считает, что на этой основе Си Цзиньпин выдвинул и успешно реализует инициативу «Один пояс, один путь» и положения «о человечестве как сообществе единой судьбы» [8, с. 142–143]. Данная тема получила развитие в белорусской историографии, особенно в статье В. Р. Борового об основных особенностях и тенденциях развития внешней политики КНР эпохи Ху Цзиньтао [1]. Белорусские авторы, как правило, рассматривают период его правления на примере развития отношений с Республикой Беларусь (В. М. Мацель [12], А. А. Тозик [14] и др.), однако этот аспект не входит в предмет нашего исследования. Целью настоящей статьи является анализ основных направлений внешней политики КНР в период председательства Ху Цзиньтао и выявление новых подходов, идей и концепций, выдвинутых китайскими руководителями четвертого поколения.

На XVI съезде КПК (2002 г.) власть в Китае перешла к четвертому поколению руководителей во главе с генеральным секретарем

ЦК КПК, председателем КНР Ху Цзиньтао. На съезде уходящий лидер Цзян Цзэминь в докладе о работе правительства заявил: «Независимо от того, как изменится международная ситуация, мы будем неуклонно проводить самостоятельную мирную внешнюю политику. Основной целью дипломатии Китая является отстаивание мира во всем мире и стимулирование совместного развития». Он сформулировал несколько больших перспективных задач китайской внешней политики: установление справедливого и разумного нового международного политического и экономического порядка, сохранение мирового разнообразия, демократизация международных отношений и диверсификация путей развития, борьба против всех форм терроризма. Решение этих задач предполагалось осуществлять, опираясь на ряд важнейших приоритетов внешнеполитической деятельности, хорошо зарекомендовавших себя в эпоху Цзян Цзэминя. К ним относились: 1) отношения с развитыми странами на основе пяти принципов мирного сосуществования; 2) укрепление дружеских и партнерских отношений с соседями и развитие регионального сотрудничества; 3) усиление взаимной помощи и поддержки стран третьего мира на основе принципов единства и взаимопонимания; 4) эффективность деятельности КНР в Организации Объединенных Наций и других международных и региональных организациях, направленной, прежде всего, на поддержку развивающихся стран в защите их законных прав и интересов [9].

В отличие от прошлых лидеров, почти все члены руководящей группы четвертого поколения являлись чиновниками, получившими техническое образование. У них не было военного опыта, но они выступали основными проводниками политики реформ и открытости. Первые пять лет представители этого поколения руководителей Китая играли роль последователей политики, выступавших под влиянием или руководством предыдущих лидеров. Правящая группа четвертого поколения (Ху Цзиньтао, Вэнь Цзябао и др.) консультировалась с Цзян Цзэмином и другими членами руководства третьего поколения по основным направлениям внутренней и внешней политики. Тем не менее, став затем национальными лидерами, члены руководства четвертого поколения могли выдвигать собственные теоретические положения, тем самым определяя и развивая внутреннюю и внешнюю политику Китая.

В период правления Ху Цзиньтао дальнейшую конкретизацию получила китайская концепция мирного развития, которая включала в себя следующие элементы: развитие и саморазвитие через поддержание мира во всем мире; упор на собственные силы, реформы и инновации; проведение политики внешней открытости и использование преимуществ других

стран; следование тенденциям экономической глобализации и стремление к взаимной выгоде и совместному развитию с другими странами; международное сотрудничество для строительства гармоничного мира. Впоследствии широкая концепция мирного развития стала основой более узкой концепции гармоничного мира, автором которой считается председатель КНР Ху Цзиньтао. Положение о гармоничном мире звучало следующим образом: «Работать с международным сообществом для содействия построению гармоничного мира, основанного на продолжительном и всеобщем процветании» [20].

Концепция построения гармоничного мира была выдвинута Ху Цзиньтао в апреле 2005 г. на Азиатско-Африканском саммите. В своем докладе он выступил за мирное сосуществование и равноправный диалог различных цивилизаций, объединяющих азиатские и африканские страны, для совместного построения гармоничного мира [15]. Цели внешней политики Китая заключаются в поддержании мира во всем мире и содействии глобальному развитию. Китай выступает за сотрудничество с другими странами для построения продолжительного мира, основанного на всеобщем благоденствии и процветании. Для создания гармоничного мира необходимо руководствоваться рядом принципов в политической, экономической и культурной сферах.

В *политической сфере* — это взаимное уважение, ведение переговоров на равных, совместное продвижение демократизации международных отношений. Страны, большие или малые, сильные или слабые, богатые или бедные, должны быть равноправными членами международного сообщества. Необходимо сохранять ключевую роль Организации Объединенных Наций в мировых делах, следовать целям и принципам Устава ООН, строго соблюдать международное право и признанные общественные критерии международных отношений, а также укреплять дух демократии, гармонии и взаимовыгодного сотрудничества в международных отношениях.

В *экономической сфере* разным странам необходимо сотрудничать на взаимной основе и дополнять преимущества друг друга в целях содействия развитию экономической глобализации в сбалансированном и взаимовыгодном направлении. Китай будет стремиться создать справедливую, открытую, разумную и недискриминационную систему торговли, чтобы плоды экономической глобализации приносили пользу всем странам мира. В частности, усилия китайской дипломатии будут направлены на реализацию Целей устойчивого развития, провозглашенных ООН.

В *культурной сфере* позиция Пекина заключается в том, чтобы перенимать духовный и цивилизационный опыт разных стран и континентов, искать точки соприкосновения,

сохраняя при этом различия, уважать разнообразие мира и способствовать процветанию и прогрессу человеческой цивилизации. Всеми силами необходимо продвигать диалог и коммуникацию между различными цивилизациями, устранять идеологические предрассудки и разобщенность, делать человеческое общество более гармоничным [16].

Важной составной частью концепции гармоничного развития были положения о всеобщей системе безопасности (новая концепция безопасности), предусматривавшие разрешение международных споров мирными средствами, а не войной, и о защите окружающей среды в целях содействия гармоничному развитию человека и природы. Новая концепция безопасности охватывала нетрадиционные угрозы безопасности и безопасности человека, что являлось основой сотрудничества Китая с другими странами. В мае 2003 г. Ху Цзиньтао разъяснил «новую концепцию безопасности Китая» во время государственного визита в Россию, сделав упор на укрепление взаимного доверия, ведение переговоров на равноправной основе и стремление к широкому сотрудничеству для достижения всеобщей и прочной безопасности [3].

Концепция мирного развития предполагала продвижение и отражение китайского видения международных отношений через призму ряда элементов (принципов), так или иначе связанных с понятием «развитие»: научное развитие, саморазвитие, открытое развитие, мирное развитие, развитие сотрудничества и совместное развитие [20]. Рассмотрим подробнее, что вкладывалось в их сущность и содержание.

В докладе Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК (2007 г.) отмечалось, что научная концепция развития является продолжением и развертыванием важных идей трех поколений руководителей коллективов Центрального Комитета относительно теории и методологии развития (идей Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и Цзян Цзэмина), направленных на претворение в жизнь социализма с китайской спецификой [10]. На съезде концепция развития была обоснована с точки зрения внутренних и внешних факторов, влияющих на китайское общество и государство.

Научное развитие означает уважение и следование законам экономического, социального и природного развития, акцентирование на задачах экономического строительства и развития производительных сил общества. *Саморазвитие* предполагает опору на собственные силы, преобразования и нововведения для содействия экономическому и социальному развитию. Китай придерживается суверенитета и не перекладывает ответственность на другие государства при возникновении вопросов и противоречий. *Открытое развитие* означает, что страна ставит политику реформ и открытости в качестве основной государ-

ственной политики, объединяя внутренние реформы и открытость внешнему миру. Благодаря *мирному развитию* Китай содействует укреплению мира, не стремится к господству и является основой для поддержания спокойствия и стабильности во всем мире и в регионе. Принцип *развития сотрудничества* означает, что политика Пекина направлена на достижение мира и мирное разрешение споров посредством различных форм сотрудничества с другими странами. *Совместное развитие* понимается как взаимовыгодная открытая стратегия, предполагающая согласование собственных национальных интересов и интересов всего человечества [10; 18].

На XVII съезде КПК Ху Цзиньтао заявил о стремлении своей страны к совместной безопасности с учетом интересов безопасности других государств. Последние должны отказаться от менталитета «холодной войны» и противостояния союзников, поддерживать общую безопасность посредством многостороннего сотрудничества и работать вместе, чтобы предотвратить конфликты и войны [10]. Концепции мирного развития и гармоничного мира получили дальнейшее развитие в материалах XVII съезда КПК. В докладе Ху Цзиньтао о внешней политике отмечалось, что «мир и развитие по-прежнему являются тенденциями времени, стремление к развитию и продвижению сотрудничества всего мира стало непреодолимым веянием времени. Взаимозависимость между странами становится все более тесной, международное соотношение сил развивается в направлении, способствующем поддержанию мира во всем мире, а международное положение в целом стабильно. Развитие Китая неотделимо от мира, а процветание и стабильность мира неотделимы от Китая» [10].

Китайское руководство заявило о стремлении проводить независимую и мирную внешнюю политику [18]. Это означало, что Китай придерживается избранной общественной системы и своего пути развития и не позволяет иностранным силам вмешиваться во внутренние дела государства. Пекин стремится к развитию дружественного сотрудничества со всеми странами на основе пяти принципов мирного сосуществования. Страна уважает право народов всех стран самостоятельно выбирать общественный строй и путь развития, не вмешивается во внутренние дела других стран, противостоит запугиванию малого со стороны большого, использованию силы для притеснения слабого, борется с гегемонизмом и политикой грубой силы [10].

Китай непреклонно защищает важнейшие национальные интересы, которые включают в себя национальные суверенитет, безопасность, единство, политическую систему, установленную Конституцией, территориальную целостность, социальную стабильность, а также гарантию устойчивого экономического и соци-

ального развития. Вместе с тем Китай уважает и учитывает законные права всех стран на защиту своих интересов.

Четвертое поколение китайских руководителей принимало во внимание то серьезное обстоятельство, что ряд стран, особенно соседних, обеспокоены тем, что экономическая мощь Китая может превратиться в военную мощь и создать тем самым угрозу их безопасности. Поэтому решения XVI и XVII съездов КПК, выступления Ху Цзиньтао, Вэнь Цзябао и других китайских руководителей делали упор на мир и развитие. Пекин работал над тем, чтобы искоренить или, по меньшей мере, ослабить «теорию китайской угрозы», развеять сомнения соседних стран в отношении истинных намерений Китая [7]. А они, как известно, заключались в том, чтобы догнать по уровню экономического развития передовые страны и поддерживать мирную международную обстановку. Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК заявил, что Китай не стремится к региональной гегемонии, а нацелен на добрососедство и дружественное региональное сотрудничество [10].

Во внешней политике четвертое поколение руководителей КПК придерживалось реалистичного взгляда на международные отношения, подчеркивая, что дипломатия Китая основывается на интересах национального развития [10]. Премьер Госсовета КНР, постоянный член Политбюро ЦК КПК (2003—2013 гг.) Вэнь Цзябао указывал: «Приверженность Китая пути мирного развития определяется традиционной культурой страны, потребностями развития и государственными интересами» [5]. Вместе с тем он был вынужден констатировать и такие негативные моменты в мировой политике, как сохранение политики грубой силы и торможение в процессах международной демократизации. Под этими отрицательными моментами имелись в виду интервенции НАТО в Югославии и Ираке, а также «цветные революции» на территории бывшего Советского Союза (в Грузии и Украине), которые привели к смене власти.

Китайская коммунистическая партия на XVI съезде выдвинула идею добрососедства как важного вектора внешнеполитического курса, направленного на сохранение и развитие добрососедских отношений, когда соседа рассматривают как партнера, а не как потенциального противника. Съезд предложил странам региона политику добрососедства, процветания и мира. При этом добрососедство означало жизнь в гармонии и поддержание мира в регионе, мир — сотрудничество посредством диалога, создание среды для гармоничного развития в Азии, процветание — укрепление регионального развития [8].

Внешняя политика руководящей группы КПК четвертого поколения основывалась и на таком важном направлении, как роль культурного фактора в развитии международных от-

ношений. Этот фактор подчеркивал важность культурных и социально-политических различий в сотрудничестве с западными демократическими странами, по отношению к странам третьего мира предполагая упор на невмешательство в их внутренние дела. Китайская культура стала важным инструментом продвижения концепции гармоничного мира. В докладе Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК отмечалась «мягкая сила» китайской культуры [10]. В 2004 г. Китай начал открывать институты Конфуция по всему миру, продвигая китайскую культуру путем обучения других китайскому языку и осуществления культурных обменов [17].

XVIII съезд КПК, состоявшийся в ноябре 2012 г., стал крупным событием в политической жизни Китая, связанным со сменой руководством ЦК КПК. Си Цзиньпин был избран Генеральным секретарем Центрального комитета КПК и председателем Центрального военного совета, а позднее (в марте 2013 г.) — председателем Китайской Народной Республики и

председателем Военного совета КНР на Всекитайском собрании народных представителей. Руководящая группа совершила плавный переход к коллективу руководителей пятого поколения, возглавляемого Си Цзиньпином. Член Государственного совета Ян Цзечи после XVIII съезда заявил, что Китай будет «поддерживать преемственность и стабильность собственной дипломатической политики» [18].

Таким образом, автором были проанализированы концептуальные основы внешней политики Китайской Народной Республики во время правления руководящей группы четвертого поколения во главе с Ху Цзиньтао. Деятельность партии и правительства в названный период была направлена на укрепление и развитие межгосударственных отношений в различных сферах, таких как политика, экономика, культура, безопасность, экология и др. Китайская внешняя политика внесла важный вклад в поддержание мирной международной обстановки в эпоху турбулентности в начале XXI в.

Список использованных источников

1. Боровой, В. Р. Внешняя политика КНР эпохи Ху Цзиньтао: основные особенности и тенденции / В. Р. Боровой // Труды факультета международных отношений: науч. сб. Вып. 6. — Минск, 2015. — С. 15—19.
2. Ван Ичжоу. Цун Цзинци даго дао жэньчжи даго = От большой экономической державы к большому гуманному государству / Ван Ичжоу // Чжуньян шэжунэи чжун шэньбао = Соц. вестн. ЦК. — 2019. — № 4. — С. 41—47.
3. Владимир и Людмила Путины встретились с Председателем КНР Ху Цзиньтао и его супругой Лю Юнцин [Электронный ресурс] // Президент Российской Федерации. — 26.05.2003. — Режим доступа: <<http://www.kremlin.ru/events/president/news/28698>>. — Дата доступа: 14.06.2021.
4. Воскресенский, А. Д. Эволюция политической системы и политическая модернизация КНР: проблемы и преимущества «китайской модели» / А. Д. Воскресенский // Сравнительная политика. — 2014. — Т. 5, № 1 (14). — С. 120—139. ([https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1\(14\)-120-138](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1(14)-120-138))
5. Вэнь Цзябао цзунли дайчжунвай дзичжи вэньдалю синьхуаван (14.03.2006) = Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао отвечает на вопросы китайских и иностранных журналистов (14 марта 2006 г.) [Электронный ресурс] // Чжунго гунчандан ван = Сеть КПК. — 21.02.2013. — Режим доступа: <<https://www.12371.cn/2013/02/21/ART11361428948392535.shtml>>. — Дата доступа: 16.09.2021 (на кит. яз.).
6. Галенович, Ю. М. Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае / Ю. М. Галенович; Ин-т Дальнего Востока РАН. — М.: Памятники ист. мысли, 2008. — 390 с.
7. Дагуо цзюэци = Возвышение великих держав: [видеозапись] [Электронный ресурс] // Центральная телевизионная станция CCTV. — 04.07.2017. — Режим доступа: <<http://tv.cctv.com/2017/07/04/VIDE5iZ5OCY9hwSwF7SY7fiA170704.shtml?spm=C55924871139.PY8jbb3G6NT9.0.0>>. — Дата доступа: 16.09.2021 (на кит. яз.).
8. 19-й съезд КПК: внешние и внутренние последствия и перспективы реформ в Китае: материалы «круглого стола», 19 дек. 2017 г. // Сравнительная политика. — 2018. — Т. 9, № 2. — С. 140—158.
9. Доклад Цзян Цзэминя на 16-м Всекитайском съезде КПК [Электронный ресурс] // CHINA.ORG.CN. — Режим доступа: <<http://russian.china.org.cn/russian/50838.htm>>. — Дата доступа: 10.06.2021.
10. Доклад Ху Цзиньтао на 17-м съезде КПК (полный текст) [Электронный ресурс] // CHINA.ORG.CN. — Режим доступа: <http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930_22.htm>. — Дата доступа: 15.06.2021.
11. Лексюткина, Я. В. Экономическая дипломатия Китая в XXI веке / Я. В. Лексюткина // Проблемы Дальнего Востока. — 2015. — № 2. — С. 24—37.
12. Мацель, В. М. Беларусь — Китай: 30 лет по пути дружбы и взаимовыгодного сотрудничества / В. М. Мацель. — Минск: Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь, 2021. — 383 с.
13. Портяков, В. Я. От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI века: очерки / В. Я. Портяков. — М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2006. — 246 с.
14. Тозик, А. А. От стратегического сотрудничества к всестороннему стратегическому партнерству / А. А. Тозик // Белорусско-китайские отношения в воспоминаниях белорусских послов к 25-летию установления дипломатических отношений / под общ. ред. А. А. Тозика. — Минск: Звезда, 2017. — С. 128—174.
15. Ху Цзиньтао цзай яфэй фэнхуэй шан де цзянхуа (цзоаньвэнь) = Речь Ху Цзиньтао на Азиатско-Африканском саммите (полный текст) [Электронный ресурс] // Сина синьвэнь чжунсинь = Новостной портал Китая. — 23.04.2005. — Режим доступа: <<https://news.sina.com.cn/w/2005-04-23/09025728335s.shtml>>. — Дата доступа: 26.09.2021 (на кит. яз.).
16. Чжунго де хэпин фачжань даолу: 5. Цзяньшэ чжицзю хэпин юй гунтун жунхуа де хэсе шицзе = Путь мирного развития Китая: 5. Создание продолжительного мира и совместного гармоничного процветания [Электронный ресурс] // Чжунхуа жэньминь гунхэго чжуньян жэньминь чжэньфу = Правительство КНР. — 22.12.2005. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/jrzq/2005-12/22/content_133974_5.htm>. — Дата доступа: 16.09.2021 (на кит. яз.).
17. Чжунго дзян цзай цуэньцзеу бан бай суо кунци сюеюэнь чандао хэинь вэньхуа = Китай создаст 100 институтов Конфуция по всему миру, чтобы продвигать мирную культуру [Электронный ресурс] // Информационное агентство Китая. — 29.11.2004. — Режим доступа: <<http://www.chinanews.com.cn/news/2004/2004-11-29/26/510728.shtml>>. — Дата доступа: 03.06.2021 (на кит. яз.).
18. Ян Цзечи. Синь синши ся чжунгоу вайцзюо лилунь хэ шидзиэнь чуансинь = Инновации в дипломатической теории и практике Китая в новой ситуации / Ян Цзечи // Цюци = В поисках истины. — 2013. — № 16. — С. 1—3 (на кит. яз.).
19. Янь Сюэзун. Гоцзи линдао юй гоцзи гуйфаньдзя яньхуа = Лидерство на мировой арене и трансформация международных норм // Гоцзи чжэньчжи кэсюэ = Междунар. политика. — 2011. — № 1. — С. 1—28 (на кит. яз.).
20. 2002 нянь чжунго де гофан = Национальная оборона Китая в 2002 году [Электронный ресурс] // Чжунхуа жэньминь гунхэго чжуньян жэньминь чжэньфу = Правительство КНР. — 26.05.2005. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/zhengce/2005-05/26/content_2615722.htm>. — Дата доступа: 16.09.2021 (на кит. яз.).

Статья поступила в редакцию 19 сентября 2021 г.

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЯ И РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ В 1992—2012 гг.

Хван Джон Хва

В статье рассматриваются динамика торгово-экономического сотрудничества Южной Кореи и Беларуси, мероприятия, осуществляемые в этой области в 1992—2012 гг. Выделяются этапы и особенности развития корейско-белорусских экономических отношений. Приводятся причины недостаточности сотрудничества между странами. Автор приходит к выводу, что, несмотря на географическую удаленность Республики Корея от Беларуси, страны смогли наладить взаимовыгодное торгово-экономическое сотрудничество, используя сильные стороны друг друга. В 1992—2012 гг. торгово-экономическое сотрудничество между Кореей и Беларусью постепенно развивалось по нарастающей.

Ключевые слова: импорт; инвестиции; Республика Беларусь; Республика Корея; сотрудничество; торговля; экспорт.

«Trade and Economic Cooperation between the Republic of Korea and the Republic of Belarus in 1992—2012» (Hwang John Hwa)

The article discusses the dynamics of trade and economic cooperation between South Korea and Belarus and the activities carried out in this area in 1992—2012. Stages and characteristics of the Korean-Belarus economic relations are determined. The reasons for the insufficiency of cooperation between the countries are given. The author makes a conclusion that countries found mutually beneficial trade and economic cooperation using the leverage each other's strengths (despite the geographical remoteness of the Republic of Korea from Belarus). In 1992—2012 trade and economic cooperation between Korea and Belarus is developing gradually on the rise.

Keywords: cooperation; export; import; investment; Republic of Belarus; Republic of Korea; trade.

Республика Корея продемонстрировала всему миру возможность и способность в исторически короткие сроки построить индустриальное и постиндустриальное общество. Используя ниши глобализации и продуманную экономическую стратегию, Сеул оказался в состоянии не только многократно увеличить экономическую мощь страны, но и значительно повысить уровень жизни корейского народа на юге полуострова.

В начале XXI в. южнокорейское правительство смогло в полной мере использовать преимущества международного разделения труда и разработать собственную внешнеэкономическую стратегию. Для белорусского правительства возник вопрос о том, как вписаться в эту стратегию, получить максимум выгод от корейской торгово-экономической и инвестиционной экспансии.

В статье для анализа выбран период торгово-экономического сотрудничества Южной Кореи и Беларуси с 1992 по 2012 г. Это обусловлено тем, что с 1992 г. началось развитие взаи-

моотношений Южной Кореи и Беларуси. При этом именно в 2012 г. произошел существенный по сравнению с предыдущими годами рост товарооборота между странами, давший импульс его развитию в последующие годы.

В корейской историографии почти отсутствуют исследования, посвященные внешнеэкономической политике Сеула в отношении Беларуси. Так, можно выделить работу научного сотрудника Национального бюро азиатских исследований в Сеуле Ли Жеон Гхе, который отметил, что корейская повестка дня Евразийской инициативы Кореи по расширению связей предусматривала новые торговые, инвестиционные и транспортные связи между Южной и Северной Кореей и расширение их на запад через Азию в направлении Европы. Беларусь в этой стратегии признается важным транспортно-географическим пунктом [14].

О Док Хи положительно оценивает возможность Республики Корея и Республики Беларусь для выгодного двустороннего сотрудничества в сфере информационно-ком-

Автор:

Хван Джон Хва — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, *e-mail:* belarustimothy@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Hwang John Hwa — post-graduate student of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, *e-mail:* belarustimothy@gmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

муникационных технологий, обмена опытом и ноу-хау в целях достижения дальнейшего экономического роста в сходных условиях [5].

Научный сотрудник Корейского фонда и старший научный сотрудник *Chatham House* по Северо-Восточной Азии Дж. Нильсон-Райт и старший научный сотрудник *Chatham House* по Китаю Ю Джи полагают, что для уточнения места Беларуси в политике Республики Корея необходимо учитывать тесные связи Сеула со своими стратегическими союзниками, прежде всего, США. Внешнеполитическая и внешнеэкономическая стратегия Республики Корея вынуждена ориентироваться на интересы своего главного союзника [15].

В то же время, по мнению Дж. Нильсона-Райта и Ю Джи, во внешнеэкономической политике Республика Корея должна принимать во внимание и позицию своего главного торгового партнера — Китая (который, в свою очередь, является стратегическим партнером Беларуси) [15]. Возросшая конкуренция на всех направлениях между Китаем и США сузила пространство для сотрудничества и усилила риск конфронтации для Республики Корея с другими государствами.

Такие страны, как Южная Корея, которые имеют давние партнерские отношения как с США, так и с Китаем, особенно в области экономики и безопасности, в настоящее время применяют более гибкий подход к взаимодействиям. Южная Корея проводит политику избирательного сотрудничества по ряду вопросов, чтобы не попасть в ловушку сложных отношений США с Китаем, ограничивая при этом любое ослабление своих союзнических связей с Вашингтоном [15].

Исследование опыта построения экономических отношений с «азиатскими тиграми» имеет важное значение для формирования и осуществления внешнеполитической стратегии Республики Беларусь. В белорусской историографии нет работ, напрямую посвященных анализу корейско-белорусских экономических отношений. Вместе с тем в ряде исследований содержатся некоторые важные их оценки.

С середины 2000-х гг. белорусские исследователи уделяли внимание изучению экономической модели развития Кореи. В Беларуси особый интерес вызывал корейский опыт импортозамещения и ускорения технологического развития экономики, рассматривались и особенности развития экономического сотрудничества с Республикой Корея [4].

И. Ганчерёнок полагал, что опыт Южной Кореи может быть полезен для структурного реформирования экономики Беларуси. В частности, отмечалось, что опыт корейского государства, сумевшего за 60 лет из страны с ВВП на уровне африканских стран превратиться в 13-ю экономику мира, заслуживает пристального внимания [1].

В. О. Серебряков отмечал, что в 1994—2013 гг. фиксировалось расширение формата экономического сотрудничества Беларуси с государствами Восточной и Юго-Восточной Азии. Происходило выделение инклюзивных макроэкономических и внешнеполитических приоритетов региональных партнеров, отмечалось разнообразие многостороннего и двустороннего сотрудничества, расширялась традиционная импортно-экспортная номенклатура товаров и услуг [8, с. 5].

В настоящей статье сделана попытка доказать гипотезу о том, что, несмотря на географическую удаленность Республики Корея от Беларуси, страны смогли наладить взаимовыгодное торгово-экономическое сотрудничество, используя сильные стороны друг друга.

В советский период взаимоотношения между Республикой Корея и БССР имели эпизодический характер в силу идеологических противоречий. Для Республики Корея, как и для Республики Беларусь, период конца 1980-х — начала 1990-х гг. явился важной вехой как трансформации общественно-политической жизни, так и становления и развития государств. В Южной Корее в это время происходил процесс демократизации общества и отход от авторитарного стиля управления, что весьма положительно отразилось на экономическом развитии страны [10].

В период с 1992 по 2012 г. можно выделить три этапа развития торгово-экономических отношений между Кореей и Беларусью.

Первый этап (первая половина 1990-х гг.) — время становления государственности Беларуси и международного признания ее независимости. Период характеризовался расширением активности на международной арене с учетом нового государственно-политического статуса. История межгосударственных отношений Южной Кореи и Беларуси ведет свой отсчет с 1992 г. Тогда в Минске новую суверенную дипломатию и экономику начинали с чистого листа [3]. На этом этапе для Республики Корея Беларусь не являлась приоритетным направлением политической или экономической активности. С точки зрения Сеула, Беларусь уступала по своим политическим и экономическим возможностям другим европейским государствам, таким как Польша, Чехия или Германия.

Второй этап (1995—2000 гг.) — это время зарождения первого совместного корейско-белорусского бизнеса. Республика Корея проявила интерес к белорусской науке, технологиям, предложив взамен рынки, инвестиции и маркетинг. Корейский бизнесмен Юн Кен Док стал одним из первых, кто начал работать в Беларуси. На корейские автомобильные и телекоммуникационные предприятия белорусское ОАО «Интеграл» начало поставлять аналоговые моночипы [4].

На этом этапе происходило укрепление восточного вектора внешней политики Беларуси. Приоритет отдавался отношениям с Российской Федерацией и другими государствами СНГ (Казахстан, Украина, Кыргызстан, Таджикистан) при одновременном замедлении темпов развития отношений со странами Запада. В этот период было объявлено о задаче формирования стабильных отношений со странами «дальней дуги» (государства Азии, Африки и Латинской Америки).

После прихода к власти в Республике Беларусь в 1994 г. А. Г. Лукашенко социально-политическая ситуация в стране стала постепенно стабилизироваться. С 1996 по 2000 г. наблюдались относительно высокие темпы роста белорусской экономики, что положительно повлияло на интерес Республики Корея к сотрудничеству с Беларусью [12]. С 1998 г. концептуальной основой белорусской внешней политики стал принцип многовекторности. В рамках этой концепции следует рассматривать отношения с Республикой Корея.

В 1997 г. было открыто посольство Республики Беларусь в Сеуле. Однако только через 10 лет Республика Корея открыла свое посольство в Беларуси [7].

Третий этап (2001—2012 гг.) — период реализации на практике политики многовекторности. Беларусь активизировала свою внешнюю политику в широком аспекте направлений, а Восточная Азия стала одним из них. Отношения с Республикой Корея в этот период активизировались, однако все еще не рассматривались в Минском как приоритетные [см.: 2].

В 2003 г. двусторонний товарооборот достиг уровня 33,5 млн дол. США, белорусский экспорт в Корею — 9,8 млн дол. США, корейский импорт в Беларусь — 23,7 млн дол. США. Беларусь экспортировала в Корею продукцию металлургической промышленности, калийные удобрения, интегральные схемы, оптические приборы и импортировала синтетические и искусственные волокна, медицинское оборудование, компьютерные комплектующие, одежду [16].

Опыт, накопленный Кореей в процессе экономического развития, был полезен для экономического развития Беларуси. Инвестиции корейских компаний могли придать импульс белорусской экономике, и в апреле 2003 г. Министерство промышленности и ресурсов Республики Корея провело оценку научно-технического потенциала Беларуси, выбрав технологические области, представляющие для него интерес. Корейскую сторону интересовало сотрудничество в сфере оптики, наноматериалов, био- и аэрокосмической промышленности.

Однако в рассматриваемый период инвестирования в Беларусь корейских компаний зафиксированы не были.

Именно в этот период было заключено Торговое соглашение между Правительством Республики Корея и Правительством Республики Беларусь от 17 мая 2004 г. [10], в соответствии с которым стороны договорились, что примут все соответствующие меры для поощрения и развития торговых связей между двумя странами и будут содействовать гармоничному развитию и диверсификации торговли в соответствии с действующим законодательством. Обе стороны договорились об установлении режима наибольшего благоприятствования по всем вопросам, связанным с торговлей, в том числе в отношении таможенных пошлин и сборов любого рода, налагаемых или применяемых при импорте или экспорте, включая способы взимания таких пошлин и сборов.

Беларусь и Корея договорились предоставить режим недискриминации в отношении применения количественных ограничений и выдачи лицензий. Стороны обязались содействовать свободным валютным операциям и международному переводу платежей во взаимной торговле товарами [10]. Беларусь была заинтересована в скорейшем вступлении в силу этого торгового соглашения, поскольку существовал значительный потенциал для развития белорусско-корейского торгово-экономического сотрудничества.

Между правительствами двух стран также были заключены:

— Соглашение о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций от 22 апреля 1997 г.;

— Соглашение об экономическом, научном и техническом сотрудничестве от 17 мая 2004 г.;

— Конвенция об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов в отношении налогов на доходы от 20 мая 2002 г. [11].

Факторами, способствующими развитию сотрудничества Республики Корея с Беларусью, являлись выгодное географическое расположение Кореи в Восточной Азии и Беларуси в Восточной Европе, открытость стран для сотрудничества с внешним миром, растущая экономика и емкость рынков сбыта, заинтересованность в разработке новых технологий и наличие ресурсов для инвестирования в данные проекты.

Однако существовал комплекс факторов, которые сдерживали развитие корейско-белорусских отношений: удаленность стран друг от друга, определенная пассивность внешнеполитических ведомств, малая информированность партнеров о возможностях друг друга, неприоритетное место Республики Беларусь во внешнеполитических интересах Республики Корея, отсутствие комплексной стратегии и последовательности в расширении белорусского присутствия на рынках Восточной Азии.

Эволюция торгово-экономического сотрудничества между Южной Кореей и Беларусью приведена на рис. 1 и 2.

Из представленных данных статистики следует, что объем экспорта из Кореи в Беларусь значительно превышал объем импорта из Беларуси в Корею. При этом своего максимального уровня (188 807 млн дол. США) товарооборот между странами достиг к концу исследуемого периода — в 2012 г. [13].

Корейский экспорт в Беларусь включал автомобили, электронику и оборудование для строительства, компьютеры и средства телекоммуникации. Белорусский экспорт в Корею включал калийные удобрения, полупроводники на интегральных схемах (электронные и электрические продукты), оптические приборы, текстильные волокна [13].

Беларусь являлась центром многопрофильного производства на постсоветском пространстве, обладающим значительным научно-техническим потенциалом. У Кореи имелась высококвалифицированная рабочая сила, промышленные технологии и опыт политических и экономических преобразований. Поэтому существовало много возможностей для взаимодополняющего экономического сотрудничества.

Интерес Республики Корея к экономическому сотрудничеству с Беларусью объясняется наличием множества общих характеристик, таких как ориентированные на экспорт промышленные структуры, конкурентоспособность в области науки и информационно-коммуни-

кационных технологий, а также выдающиеся человеческие ресурсы, что обеспечивает большой потенциал для сотрудничества [см.: 6]. Кроме того, Беларусь имеет выгодное транспортно-географическое положение («мост» между ЕС и Азией), являясь международным транспортным центром.

25 июня 2012 г. было проведено первое заседание Совместной белорусско-корейской рабочей группы по науке и технологиям. Стороны договорились о реализации пяти проектов по следующим направлениям: материалы, оптика, био-, нано- и ядерные технологии [9]. Исследователь О Док Хи отмечал, что «одним из важных перспективных направлений научно-технического и инновационного сотрудничества между двумя странами должен стать трансфер передовых корейских технологий в Республику Беларусь в целях применения их для модернизации белорусской экономики, например в сфере развития системы электронного правительства (*E-Government services and solutions*) и проекте построения городов “*SmartCity*” на основе корейского образца» [5, с. 232].

Таким образом, исходя из учета интересов двух стран можно построить модель сотрудничества Республики Беларусь и Республики Корея. Факторами, способствующими повышению интереса Южной Кореи, могут выступать инфраструктурная привлекательность Беларуси, ее статус транспортно-логистического центра на пути в ЕС, создание альтернативных китайским торговых проектов и т. д.

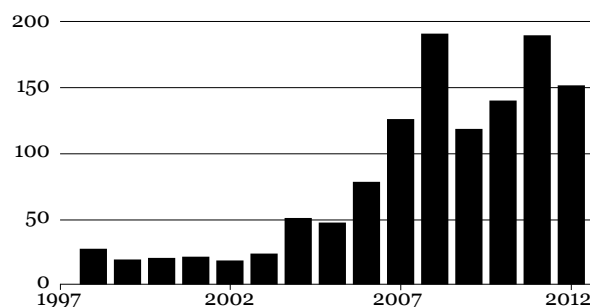

Рис. 1. Динамика импорта Республики Беларусь из Республики Корея, млн дол. США

Источник: [9].

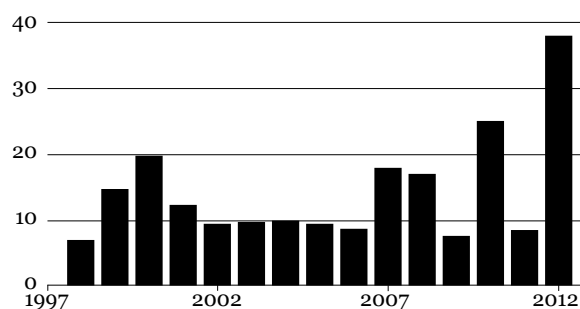

Рис. 2. Динамика белорусского экспорта в Республику Корея, млн дол. США

Источник: [10].

Для улучшения эффективности совместных проектов следует обратить внимание на более благоприятные условия для совместных предприятий. Роль государственных и межгосударственных органов должна в дальнейшем заключаться не только в устранении барьеров, но и в поддержке предприятий (например, на уровне корректировки инвестиционного законодательства), взаимодействующих друг с другом в приоритетных отраслях производства, увеличении совместных инвестиционных проектов в сфере развития производственной и транспортной инфраструктуры, отраслей электротехнической, металлургической, автомобильной промышленности, сельского хозяйства. Беларусь также может стать хорошей площадкой (транзитным узлом) для экспорта корейских товаров в Европу.

Исследователями отмечается, что весьма важным является межгосударственное сотрудничество Беларуси и Кореи в сфере информационно-коммуникационных технологий. Ко-

рейская ИТ-индустрия играет ключевую роль, так как «призвана обеспечивать долгосрочный и устойчивый рост национальной экономики и увеличивать конкурентоспособность страны на зарубежных рынках» [5, с. 233].

Итак, несмотря на географическую удаленность Республики Корея от Беларуси, страны смогли наладить взаимовыгодное торгово-экономическое сотрудничество, используя сильные стороны друг друга. В 1992—2012 гг. торгово-экономическое сотрудничество между Кореей и Беларусью развивалось по нарастающей. Своего максимального уровня (188 807 млн дол. США) товарооборот между странами достиг к концу исследуемого периода — в 2012 г. Опыт, накопленный Кореей в процессе экономического развития, был полезен для экономического развития Беларуси. Однако следует признать, что корейско-белорусское экономическое сотрудничество в исследуемый период в целом было недостаточно активным.

Список использованных источников

1. Ганчерёнок, И. Импортзамещение в Беларуси — опыт Южной Кореи / И. Ганчерёнок [Электронный ресурс] // СБ — Беларусь сегодня. — 29.12.2011. — Режим доступа: <<https://www.sb.by/articles/aktualnyy-kontekst.html?ysclid=lbgsivsp581860113>>. — Дата доступа: 20.10.2021.
2. Залесский, Б. Международные отношения и медиа. Взгляд из Беларуси / Б. Залесский. — Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2014. — 675 с.
3. Кривошеев, А. История отношений Беларуси и Южной Кореи ведет свой отсчет с 1992 года / А. Кривошеев [Электронный ресурс] // Белтелерадиокомпания. — Режим доступа: <https://www.tvr.by/news/politika/istoriya_otnosheniya_belarusi_i_yuzhnoy_korei_vedet_svoy_otschet_s_1992_goda_27_09_2014_21_09_00/>. — Дата доступа: 20.10.2021.
4. Кусойть, А. П. Отношения США и КНР в Юго-Восточной Азии / А. П. Кусойть, А. А. Розанов // Беларусь в современном мире: материалы XVII Междунар. науч. конф., посвящ. 97-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 26 окт. 2018 г. / редкол.: В. Г. Шадурский (пред.) [и др.]. — Минск: БГУ, 2018. — С. 37—38.
5. О Док Хи. Перспективы развития экономического сотрудничества между Республикой Корея и Республикой Беларусь в сфере информационно-коммуникационных технологий / О Док Хи // Беларусь в современном мире: материалы XIII Междунар. конф., посвящ. 93-летию образования Белорус. гос. ун-та, 30 окт. 2014 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. — Минск: Изд. центр БГУ, 2014. — С. 232—233.
6. Обзор Беларуси. — 2020. — № 2 [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Корея. — Режим доступа: <https://www.mofa.go.kr/www/brd/m_4099/view.do?seq=367615&srchFr=&srchTo=&srchWrd=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm=>>. — Дата доступа: 02.09.2021 (на кор. яз.).
7. Политическое взаимодействие [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://korea.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/political/>. — Дата доступа: 05.01.2022.
8. Серебряков, В. О. Экономическая дипломатия во внешней политике Республики Беларусь (на примере государств Юго-Восточной Азии): автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / В. О. Серебряков. — Минск, 2021. — 24 с.
9. Сотрудничество в сфере науки [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Республике Корея. — Режим доступа: <https://korea.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/scientific/>. — Дата доступа: 20.10.2021.
10. Торговое соглашение между Правительством Республики Корея и Правительством Республики Беларусь от 17 мая 2004 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.
11. Торгово-экономическое сотрудничество [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Республике Корея. — Режим доступа: <https://korea.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/trade_economic/>. — Дата доступа: 20.10.2021.
12. Хван Джон Хва. Сравнительный анализ Республики Корея и Республики Беларусь в конце XX—XXI вв.: политический и социально-экономические аспекты / Хван Джон Хва // Международные отношения: история, теория, практика: материалы X науч.-практ. конф. молодых ученых фак. междунар. отношений Белорус. гос. ун-та, Минск, 5 февр. 2020 г. / редкол.: В. Г. Шадурский (гл. ред.) [и др.]. — Минск: БГУ, 2020. — С. 55—59.
13. Belarus Imports from South Korea [Electronic resource] // Trading Economics. — Mode of access: <<https://tradingeconomics.com/belarus/imports/south-korea>>. — Date of access: 02.09.2021.
14. Jeonghee Lee. Foreign Policymaking in South Korea / Jeonghee Lee [Electronic resource] // The National Bureau of Asian Research. — 08.04.2020. — Mode of access: <<https://www.nbr.org/publication/foreign-policymaking-in-south-korea/>>. — Date of access: 02.09.2021.
15. Nillsson-Wright, J. South Korean foreign policy innovation amid Sino-US rivalry. Strategic partnerships and managed ambiguity / J. Nillsson-Wright, Yu Jie [Electronic resource] // Chatham House. — 21.07.2021. — Mode of access: <<https://www.chathamhouse.org/2021/07/south-korean-foreign-policy-innovation-amid-sino-us-rivalry>>. — Date of access: 02.09.2021.
16. On Ratification of Trade Agreement between Belarus and Korea [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus. — 05.10.2004. — Mode of access: <https://mfa.gov.by/en/press/news_mfa/bd903b1501f53805.html>. — Date of access: 02.09.2021.

Статья поступила в редакцию 6 февраля 2022 г.

КОНЦЕПЦИЯ МОЛДОВЕНИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА (1989—2009 гг.)

Никита Косяк

В статье исследуется феномен концепции молдовенизма в укреплении молдавской идентичности. Ключевое внимание обращается на соперничество двух концепций по вопросу государственного устройства: молдовенизма и унионизма. Рассматривается их теоретическая составляющая. Подчеркивается роль молдовенизма в политике памяти Молдовы через призму молдавской идентичности. Автор предлагает периодизацию основных этапов развития концепции молдовенизма в 1989—2009 гг. Значительное внимание уделяется политическим партиям, поддерживающим один из вариантов концепции. Подчеркивается роль Партии коммунистов Республики Молдова в разворачивании концепции молдовенизма. Делается вывод о том, что молдовенизм в истории молдавского народа на современном этапе выступает объединяющим фактором для консолидации общества внутри государства, тем самым показывая независимость от румынской идеи государственности.

Ключевые слова: молдовенизм; национальная идентичность; партия коммунистов; политика памяти; румынизм; унионизм.

«Concept of Moldovenism in the Republic of Moldova (1989—2009)» (Nikita Kosyak)

The article deals with the phenomenon of the concept of Moldovenism in strengthening the Moldovan identity. The key attention is paid to the rivalry of two concepts on the issue of the state system: Moldovenism and unionism. Their theoretical component is considered. The role of Moldovenism in the policy of memory of Moldova is emphasised through the prism of Moldovan identity. The author proposes a periodisation of the main periods in the development of the concept of Moldovenism in 1989—2009. Considerable attention is paid to political parties that support one of the variants of the concepts. The role of the Party of Communists of the Republic of Moldova in the development of the concept of Moldovenism is emphasised. It is concluded that Moldovenism in the history of the Moldovan people at the present stage acts as a unifying factor for the consolidation of society within the state, thereby showing independence from the Romanian idea of statehood.

Keywords: Communist Party; memory politics; Moldovenism; national identity; Romanianism; unionism.

Уникальной особенностью Республики Молдова является дуализм национального самосознания, проявляющего в виде одновременно противоборствующих друг с другом концепций молдавской идентичности: румынской (унионистской) и молдовенистской (унионистами в Молдове называют сторонников интеграции с Румынией).

Унионисты рассматривают территорию Молдовы исконно своей территорией, где господствующим является румынский язык. За основу концепции принимается тот факт, что Бессарабия на протяжении межвоенного периода входила в состав «Великой Румынии».

Молдовенисты, напротив, считают, что Молдова — это независимое государство, никак не зависящее от Румынии. Особенностью течения является «русская» направленность, где имперский и советский периоды воспри-

нимаются в положительном ключе. Унионисты, наоборот, считают эти периоды в истории годами оккупации молдавского населения [1, с. 173].

Постоянные противоречия концепций накладывают отпечаток на внутривнутриполитическую ситуацию в стране со дня провозглашения независимости. Споры вокруг молдавской идентичности можно разделить на несколько этапов. Первый этап затрагивает 1989—1994 гг. — период господства унионистской идеи. Второй этап охватывает 1994—1996 гг., характеризующиеся оформлением молдовенистской идеи. Третий этап затрагивает 1996—2001 гг. — это коммунистический поворот в концепции молдовенизма, заключавшийся в смене политических элит. Четвертый этап приходится на 2001—2009 гг. как «советский» вариант молдовенистской концепции.

Автор:

Косяк Никита Александрович — аспирант кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, e-mail: nik.kosyak.1998@mail.ru
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Kosyak Nikita — post-graduate student of the Department of History of Russia of the Faculty of History, Belarusian State University, e-mail: nik.kosyak.1998@mail.ru
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

Хронологические рамки статьи охватывают период с 1989 по 2009 г. Нижняя хронологическая граница объясняется национальным движением за суверенитет республики. Верхняя хронологическая граница (2009 г.) характеризуется изменением политического вектора в государственном строительстве республики. Целью статьи является рассмотрение эволюции концепции молдовенизма в условиях становления молдавской государственности.

В историографии среди русскоязычных авторов можно выделить работы Н. В. Нечаевой-Юрейчук [5] и К. Нойкирха [6], отстаивающих тезис существования в республике различных концепций устройства государственной власти. Идею национальной обособленности региона в своей работе предлагает И. Е. Коchedыков [3]. Эволюцию идей молдовенизма в 2000-е гг. демонстрируют А. А. Воронович [1] и А. А. Язькова [18].

В молдавской историографии обозначилось два подхода к решению вопроса. Одни видят будущее Молдовы в тесном сотрудничестве с Румынией и Европейским союзом (ЕС) [19—21]. Вторая группа исследователей придерживается концепции национально-самобытного существования республики [13—15].

Разнообразна и источниковедческая база исследования, представленная юридическим законодательством республики. Основной акцент в законодательных актах ставился на вопросах изменения подходов в изучении истории в регионе [9—11] и формирования собственной национальной политики через реализацию сопутствующих мероприятий [7; 8; 12].

Кризис советской государственности на рубеже конца 1980-х — начала 1990-х гг. способствовал запросу молдавского населения на провозглашение национального независимого государства. Этими тенденциями активно воспользовалась прорумынски настроенная часть общества, сконцентрировавшаяся вокруг Народного фронта Молдовы (НФМ), который и сформировал первое независимое правительство. Деятельность НФМ способствовала принятию соответствующих законодательных актов, носивших унионистский характер.

Так, 31 августа 1989 г. Верховный Совет Молдавии издал указ «О возврате молдавскому языку латинской графики» [10], который на период с 1989 по 1994 г. не являлся государственным языком. Кроме того, государственный гимн был идентичен с румынским. Один из руководителей НФМ М. Друк утверждал, что Молдова — это искусственное государство, созданное на советской основе, и ее независимость в современных реалиях невозможна, так как эта территория является исторически румынской [3, с. 88].

Однако после провозглашения суверенной республики унионизм к началу 1990-х гг. выполнил свою главную функцию — объедине-

ния этноса против советской государственности и начал постепенно терять популярность в обществе. Наряду с этим причиной спада популярности прорумынской верхушки стали неудачи в социально-экономической политике государства. Кризисом идей унионизма стал тезис М. И. Снегура «одна нация в двух государствах» [6, с. 161].

На фоне кризиса румынизма в результате парламентских выборов 1994 г. к власти пришли сторонники молдовенистской концепции (победу одержала Аграрно-демократическая партия Молдовы, выступавшая за независимую политику государства и отказ от интеграционных процессов с Румынией). Окончательным крахом для унионистов стало проведение референдума в марте 1994 г., инициированного президентом республики М. И. Снегуром. В условиях референдума значился один вопрос, согласно ли местное население с тем, чтобы «Республика Молдова развивалась как независимый субъект международного права». Итоги голосования показали, что 95 % поддержали инициативу независимости государства [5, с. 137].

В итоге ко второй половине 1990-х гг. унионистские тенденции в молдавском обществе потерпели крах, сменившись концепцией построения независимого государства.

Правящая элита начала формировать собственную идентичность, опираясь на давно забытый молдавский этнос. Реализация программы возрождения заключалась, с одной стороны, в обозначении в Конституции республики, что Молдова — это независимый субъект международного права, а с другой — в разработке собственной идеи государственности и линии истории, подчеркивающей независимый характер.

В июле 1994 г. была принята Конституция Республики Молдова, где ставился акцент на провозглашении суверенитета. Уже в преамбуле Конституции отмечается «вековое стремление народа жить в суверенной стране» [2], что подчеркивает независимый характер молдавского этноса и признание государственным молдавского языка.

Кроме того, происходит трансформация в образовательном дискурсе. Парламент Молдовы издал постановление «Об образовании Государственной комиссии по разработке концепции изучения истории в учебных заведениях Республики Молдова», согласно которому в стране стала разрабатываться концепция и учебные планы преподавания истории в вузах [7, ст. 2].

В 1996 г. к власти пришли прокоммунистические силы: на президентских выборах 1996 г. победил П. К. Лучинский, которого активно поддерживал прокоммунистический электорат, а на парламентских выборах 1998 г. сенсационную победу одержала Партия коммунистов Республики Молдова (ПКРМ). Концепция

молдовенизма в это время стала приобретать черты коммунистического начала. Причина коммунистического поворота заключалась в том, что действующий на тот момент президент М. И. Снегур пытался уйти от крайнего молдовенизма, заняв центристскую позицию. Для спада в обществе идей молдавской идентичности президент инициировал обсуждение в Парламенте республики объявления в Конституции румынского языка государственным. Парламент не поддержал решения президента [16, с. 295—296].

2001 г. в истории Молдовы ознаменовался окончательным приходом к власти «левых» сил (победу на парламентских выборах одержала ПКРМ).

Всю политику, проводимую коммунистами в русле концепции молдовенизма, можно разделить на два этапа: «советский молдовенизм», охватывавший период с 2001 по 2003 г., подчеркивающий коренные изменения в сфере образования и утверждение концепции национальной политики государства. Второй период затронул 2004—2009 гг. и ознаменовался отходом от советского варианта молдовенизма и втягиванием молдавского этноса в общую европейскую структуру памяти с постепенным выходом из «кризиса» унионистской идеи.

ПКРМ в 2001—2003 гг. отстаивала идеи национальной идентичности на молдавской основе путем коренного изменения образовательной сферы. Для этого были предприняты шаги по реформированию системы образования.

15 февраля 2002 г. парламент принял постановление «О введении курса “История Молдовы” как учебной дисциплины в учебных заведениях», который полностью заменил курс «История румын» в школьной программе [9]. 22 февраля 2002 г. появилось постановление «О некоторых мерах по улучшению изучения истории», предусматривавшее создание специальной комиссии по разработке концепции истории Молдовы [11, ст. 2].

Следующим шагом молдавских коммунистов стала разработка национальной концепции республики. Преамбула Закона Республики Молдова гласит, что концепция «базируется на многовековом прошлом молдавского этноса в его историческом и этническом пространстве национального строительства» [8]. Национальная концепция провозглашала, что Молдова как независимый субъект оформилась с 1359 г. (Молдавское княжество) и сохранилась как независимая страна, территориально раздробленная и находящаяся долгие промежутки времени под иностранным владычеством. Возрождению молдавской государственности способствовал 1917 г. в связи с провозглашением Молдавской Демократической Республики, а с 1924 г. — Автономной Молдавской Республики. Государственность Молдовы в ее современных границах была подтверждена правовыми актами 1940 и 1991 гг. [8]. Закон может

свидетельствовать о том, что коммунисты трактовали государственность Молдовы как существование независимого субъекта международного права на протяжении многовековой истории.

Следовательно, на первом этапе правления коммунистов их задачей было укрепление своего авторитета на позициях молдовенистского начала через поиск доказательной базы национальной идентичности в истории народа.

С 2004 г. курс действия ПКРМ сменился в сторону евроинтеграции (стремление было вызвано уходом от «русского» начала в общественной тенденции к укреплению независимости национального государства. Следствием нового курса стала победа ПКРМ на парламентских выборах 2005 г.). Новая программа действий коммунистов заключалась в нескольких аспектах: с одной стороны, уступки унионистам (в первую очередь в культурно-образовательном вопросе), а с другой — поиск национального героя для утверждения своей независимой идентичности на молдовенистских началах.

Так, к 2004 г. ПКРМ в сфере подачи с точки зрения изучения истории в школах разработала альтернативный курс, который уменьшал румынский аспект. Итогом стала замена двух курсов: «История румын» и «Всеобщая история» общим курсом «История» (в рамках интегрированного курса ПКРМ пыталась вписать историю Молдовы в общемировую и европейский дискурс, показав тем самым, что молдаване являются независимым этносом, никак не относящимся к румынам) [1, с. 176]. Но сильные позиции унионистов в культурно-образовательной сфере способствовали тому, что часть общества выступила с претензиями к правительству об ущемлении их прав на изучение истории их детьми. Результатом стало возвращение в 2006 г. курса истории под общим названием «История румын и всеобщая история».

Важным аспектом легимитизации молдавской идентичности на втором этапе стал поиск национального героя в истории Молдовы, являвшегося олицетворением независимости молдавского этноса. Актуальным вопросом стал после крушения советской государственности для подчеркивания национальной обособленности от румынского этноса. Такой личностью являлся Штефан III Великий, который в истории Молдовы описывается с положительной стороны, так как он сумел полностью централизовать власть внутри государства, подавив турецкую оппозицию и укрепив тем самым позиции Молдавского княжества во второй половине XV в. В связи с этим в декабре 2003 г. по инициативе ПКРМ был подготовлен законопроект, провозглашавший 2004 г. годом памяти Господаря Молдовы Штефана Великого Святого, а 2 июля днем его памяти [12, ст. 1].

Своеобразной чертой стало постепенное возрождение идей унионизма в обществе. Причиной этого может служить вступление Румынии в Евросоюз в 2007 г. Одним из продвижений идей унионизма в Молдове стала практика двойного гражданства: румынский паспорт могли получить те, кто до 1940 г. проживал на территории Бессарабии, а также их потомки до третьего колена [4]. Однако принятая практика в годы правления ПКРМ не получила распространения среди населения, поддерживающего курс правительства.

По этой причине позиции ПКРМ с 2001 по 2009 г. в обществе были сильны. Успехи политики заключались в гибком курсе политической программы, разработке национальной концепции в ракурсе промолдавской настро-

енности, мягкой политике в сфере образования, политике меньших уступок румынистам.

Таким образом, концепция молдовенизма в политике памяти Молдовы занимала лидирующие позиции в 1989—2009 гг. На рубеже конца 1980-х — начала 1990-х гг. унионизм выступал объединяющим фактором после распада социалистического общества в целях подтверждения собственной идентичности. Ко второй половине 1990-х гг. идеи сместились в русло поиска собственной концепции независимости от сторонников интеграции с Румынией, поэтому возник молдовенизм как опора национальной государственности. К началу 2000-х гг. молдовенизм стал полноправной концепцией государственного устройства в политике памяти.

Список использованных источников

1. Воронович, А. А. Роль европейской политики памяти в государственной исторической политике Молдовы и Украины в 2000-х годах / А. А. Воронович // Полит. наука. — 2018. — № 3. — С. 167—189.
2. Конституция Республики Молдова от 27 июля 1994 г. [Электронный ресурс] // Государственный реестр правовых актов Республики Молдова. — Режим доступа: <https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=128016&lang=ru>. — Дата доступа: 03.04.2022.
3. Кочедыков, И. Е. Национализмы Молдовы / И. Е. Кочедыков // Сравнительная политика. — 2015. — № 2. — С. 86—99. ([https://doi.org/10.18611/2221-3279-2015-6-2\(19\)-86-99](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2015-6-2(19)-86-99))
4. Лару, Д. Тихая ассимиляция / Д. Лару, А. Забродин [Электронный ресурс] // Известия. — 28.02.2018. — Режим доступа: <<https://iz.ru/713681/dmitrii-laru-aleksei-zabrodin/tikhaia-assimiliatcia#:~:>>. — Дата доступа: 04.03.2022.
5. Нечаева-Юрейчук, Н. В. Особенности формирования молдавской государственности после обретения независимости / Н. В. Нечаева-Юрейчук // Русин. — 2010. — № 4 (22). — С. 136—144.
6. Нойкирх, К. Республика Молдова между унионизмом, молдаванизмом и национализмом граждан государства / К. Нойкирх // Национализм в поздней и посткоммунистической Европе. В 3 т. Т. 2. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 155—181.
7. Об образовании Государственной комиссии по разработке концепции изучения истории в учебных заведениях Республики Молдова: постановление правительства Респ. Молдова от 16 авг. 1994 г. № 617 [Электронный ресурс] // Государственный реестр правовых актов Республики Молдова. — Режим доступа: <https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=82967&lang=ru>. — Дата доступа: 03.04.2022.
8. Об утверждении Концепции национальной политики Республики Молдова: Закон Респ. Молдова от 19 дек. 2003 г. № 546 [Электронный ресурс] // Государственный реестр правовых актов Республики Молдова. — Режим доступа: <https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=12367&lang=ru>. — Дата доступа: 03.04.2022.
9. О введении курса «История Молдовы» как учебной дисциплины в учебных заведениях: постановление правительства Респ. Молдова от 15 февр. 2002 г. № 180 [Электронный ресурс] // Государственный реестр правовых актов Республики Молдова. — Режим доступа: <https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=31390&lang=ru>. — Дата доступа: 03.04.2022.
10. О научном подходе к истории и использованию глотонима «молдавский язык»: постановление Парламента Респ. Молдова от 28 июля 1994 г. № 198 [Электронный ресурс] // Государственный реестр правовых актов Республики Молдова. — Режим доступа: <https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=87007&lang=ru>. — Дата доступа: 03.04.2022.
11. О некоторых мерах по улучшению изучения истории: постановление правительства Респ. Молдова от 22 февр. 2002 г. № 217 [Электронный ресурс] // Государственный реестр правовых актов Республики Молдова. — Режим доступа: <https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=31005&lang=ru>. — Дата доступа: 03.04.2022.
12. О чествовании в 2004 году памяти Господаря Молдовы Штефана Великого и Святого в связи с 500-летием со дня смерти: постановление правительства Респ. Молдова от 30 дек. 2003 г. № 1604 [Электронный ресурс] // Государственный реестр правовых актов Республики Молдова. — Режим доступа: <https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=31525&lang=ru>. — Дата доступа: 03.04.2022.
13. Процик, О. Партийная конкуренция в Молдове: идеология, организационные стратегии и подходы к разрешению этнотерриториальных конфликтов / О. Процик, И. Букатару, А. Волентир. — Кишинев: CEP USM, 2007. — 214 с.
14. Степанов, В. П. Этнополитическое конструирование гражданской идентичности на двух берегах Днестра (1989—2014 гг.) / В. П. Степанов. — М.: Тирасполь, 2015. — 222 с.
15. Степанюк, В. Государственность молдавского народа: исторические, политические и правовые аспекты. — Кишинев: Tipografia centrală, 2006. — 630 с.
16. Фурман, Д. Е. Молдавские молдаване и молдавские румыны / Д. Е. Фурман // ПРОГНОЗИС. — 2007. — № 1 (9). — С. 278—315.
17. Фурман, Д. Е. Молдова: молдаване или румыны / Д. Е. Фурман, К. Батог // Современная Европа. — 2007. — № 3. — С. 40—56.
18. Язькова, А. А. Румыния — Молдова: вместе или порознь / А. А. Язькова // Междунар. процессы. — 2007. — № 1. — С. 116—121.
19. Cîmpoeșu, D. Republica Moldova între România și Rusia, 1989—2009 / D. Cîmpoeșu. — Chișinău: «Serebia» SRL, 2010. — 427 p.
20. Ghimpu, Gh. Conștiința națională a românilor moldoveni / Gh. Ghimpu. — Chișinău: GARUDA — ART, 2002. — 500 p.
21. King, Ch. Moldovenii: România, Rusia și politica culturală / Ch. King. — Chișinău: Arc, 2005. — 314 p.

Статья поступила в редакцию 8 сентября 2022 г.

МУСУЛЬМАНСКАЯ ДИАСПОРА ИРЛАНДИИ: ПОИСК НОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Игорь Котляров, Павел Потапейко

В статье рассматриваются возникновение и развитие мусульманской диаспоры в Ирландии, ее состав и структура, анализируются ее особенности, характеризуется политика, проводимая государством в ее отношении. Анализ показывает, что мусульманская диаспора Ирландии по ряду параметров существенно отличается от таких диаспор в ряде государств Западной Европы. Это обусловило относительно успешное сосуществование мусульман и коренного населения, несмотря на наличие трений между ними. В последние десятилетия ирландское общество под влиянием внутренних и внешних проблем находится в условиях новой идентичности, уменьшается количество убежденных католиков, однако определенное место отводится мусульманам.

Ключевые слова: диаспора; интеркультурализм; Ирландия; конфессия; мусульмане; этнос.

«Muslim Diaspora of Ireland: Looking for New Identity» (Igor Kotlyarov, Pavel Patapeika)

The article considers the emergence and development of the Muslim community in Ireland, its composition and structure, analyses its specifics, describes the state policy towards it. Analysis shows that the Muslim community in Ireland is significantly different from Muslim communities in many states of Western Europe in a number of characteristics. Their presence has made ground for relatively successful coexistence of Muslims with the Irish though it is not possible to say that there are no tensions between them. In recent decades, the Irish society, influenced by inner and outer problems, feels new identity, the number of devoted Catholics is decreasing but Muslims find a certain place in it.

Keywords: community (diaspora); confession; ethnic group; interculturalism; Ireland; Muslims.

Ирландия и Беларусь занимают в рейтинге стран мира по количеству мусульманского населения соседние строки. В Ирландии, по данным 2022 г., проживают 70,9 тыс. мусульман (1,4 % населения), все население составляет 5020,2 тыс. человек, в Беларуси — 72,5 тыс., или 0,75 % населения, оцениваемого в 9432,8 тыс. человек [14]. Цель данной статьи — показать, что специфический опыт Ирландии, связанный с наличием мусульманской диаспоры, представляет интерес для отечественной науки.

Мусульманская диаспора Ирландии привлекает недостаточно внимания ученых, хотя отличается рядом особенностей. Поэтому данное исследование в значительной мере опирается на статистические данные и социологические опросы, а также публикации в ирландских СМИ. Тем не менее, проблеме посвящен ряд

научных публикаций. В первую очередь это монографии профессора Бирмингемского, Честерского (Великобритания) и Лундского (Швеция) университетов О. Шарбродта, крупнейшего специалиста по мусульманской диаспоре Ирландии [15; 18]. Следует отметить публикации С. Азиза [2], Т. Кентла [3], Дж. Карра и А. Хейнс [4], К. Хоган [11]. Выделяется глубокий социально-психологический анализ отношения населения Ирландии к мусульманским мигрантам, проведенный И. Фейхи, Ф. Макгиннити и Р. Гротти [8]. Причины отсутствия в Ирландии антииммигрантских сил исследует Э. О'Мэлли (Дублинский университет) [16].

На сегодняшний день в отечественной науке данная проблематика практически не изучена. Однако формирование мусульманской диаспоры в Ирландии представляет несомненный интерес для белорусского исследователя.

Авторы:

Котляров Игорь Васильевич — доктор социологических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала «Иппокрена», научный консультант ЗАО «МедиаИзмеритель»

ЗАО «МедиаИзмеритель». Адрес: 1, пер. Броневой, Минск, 220034, БЕЛАРУСЬ

Потапейко Павел Олегович — кандидат исторических наук, редактор частного предприятия «ТрэвэлХаус», e-mail: pavpt@mail.ru

ЧП «ТрэвэлХаус». Адрес: 15/4, Логойский тракт, Минск, 220113, БЕЛАРУСЬ

Authors:

Kotlyarov Igor — Doctor of Sociology, Professor; deputy editor-in-chief, Ippokrena journal; scientific consultant, MediaMeasurer CJSC

MediaMeasurer CJSC. Address: 1, Bronevoy lane, Minsk, 220034, BELARUS

Patapeika Pavel — Candidate of History, editor, Travel House Company, e-mail: pavpt@mail.ru

Travel House Company. Address: 15/4, Logoysky trakt, Minsk, 220113, BELARUS

Анализ опыта Ирландии, где данная диаспора стала формироваться относительно недавно, на наш взгляд, позволяет глубже понять закономерности сосуществования этноконфессиональной общины, не укорененной в сложившемся социуме, с самим этим социумом, имеющим иной цивилизационный код, осознать проблемы и возможности такого сосуществования.

Временные рамки исследования охватывают период с 1950-х гг., когда стало возможным говорить о формировании мусульманской диаспоры, а не об отдельных случаях проживания мусульман в Ирландии, и по 2022 г.

Ислам — третья по количеству верующих религия Ирландии после католицизма и протестантской Церкви Ирландии (ответвление англиканской церкви). По данным переписи 2016 г., все христиане составляли 84,6 % населения (по оценкам на 2022 г. — 82,3 %), из них 3,5 млн (78,3 % всех ирландцев) называли себя католиками [5]. Но если в 1971 г. ими себя считали 93,9 %, то в 2002 г. — 88,4 %, а в 2011 г. — 84,6 % [2]. Одновременно все больше людей не имели религиозной принадлежности (агностики, атеисты и т. д.) — с 1991 по 2016 г. рост в 7 раз, до 10 % населения (с 67,4 до 481,3 тыс. чел.) [5].

И хотя Ирландия остается второй страной Европы (после Польши) по регулярности посещения мессы, налицо кризис католичества, ранее доминировавшего в жизни общества. В 1972 г. на референдуме была отменена статья Конституции 1937 г., наделявшая его статусом церкви большинства. Если в 1991 г. еженедельно мессу посещали 81 % ирландцев, то в 2006 г. — 48 %, а в 2016 г. — 35 % [5].

Примечательно, что второй по темпам роста деноминацией Ирландии после ислама стало православие (до 1 % населения к 2022 г. за счет иммиграции из постсоветских стран, в 2011—2016 гг. община удвоилась) [5; 14]. К нему близко возрождающееся так называемое кельтское христианство. Растет Церковь Ирландии — до 126,4 тыс. в 2016 г. и 375 тыс. в 2022 г., есть и другие протестантские деноминации — пресвитериане, методисты, евангелисты и др.

Среди нехристианских конфессий численность индуистов с 2006 по 2016 г. возросла на 135 % (с 6 до 14,3 тыс. чел., или 0,3 % населения), буддистов — с 8,7 тыс. в 2006 г. до 9,3 тыс. (0,2 %) в 2022 г. При этом более половины — этнические ирландцы. Иудеев в 2016 г. было 2,5 тыс. (рост на 29 % с 1984 г.) [5].

Однако наиболее быстрорастущей конфессией Ирландии является ислам. По оценкам социологов, при сохранении существующей динамики к 2043 г. он станет второй религией страны [17]. Перепись населения учитывает мусульман лишь с 1991 г., когда они составляли 0,1 % жителей страны (3,8 тыс. чел.). К 2011 г. диаспора выросла в 10 раз — до 1,1 %, в 2016 г.

она насчитывала 63,4 тыс. (1,3 %) [5]. С 2006 по 2022 г. количество мусульман почти удвоилось. Согласно расчетам Исследовательского центра Пью, к 2030 г. их будет 125 тыс. человек (2,2 %) в силу иммиграции и устойчивого естественного прироста [20].

Больше всего мусульман в Дублине с пригородами (27,5 тыс.), затем следуют Корк (3,6 тыс.), Лимерик (3,4 тыс.). Наибольшее число мусульман в 2016 г. работали в медицинской сфере (свыше 2 тыс. чел., или 12 % трудоспособных). Второе место занимали работники сферы питания (1,3 тыс.), третье — торговли [5].

Особенностью мусульманской диаспоры Ирландии является то, что она возникла относительно недавно. Отдельные мусульмане появились в Ирландии в конце XVIII в., но постоянная община возникла лишь в 1950-е гг., когда молодые мусульмане начали приезжать для изучения медицины. Сначала это были индийцы — уроженцы Южной Африки, за ними последовали студенты из Индии, Пакистана, Малайзии и стран Персидского залива. В 1970-х гг. изучать авиационное приземление приезжали студенты из Алжира, Ливии, Саудовской Аравии и Малайзии. Первая организация мусульман в Ирландии под названием «Дублинское исламское общество» (позднее — Исламский фонд Ирландии) была основана в 1959 г. студентами. Первая мечеть была открыта в 1976 г. в Дублине при поддержке короля Саудовской Аравии. С 1981 г. Кувейт стал выделять средства на оплату постоянного имама. В 1983 г. было приобретено и перестроено действующее здание мечети — исламского центра. Сейчас в Ирландии около 50 мечетей [15, р. 53].

В результате экономического бума в эпоху «кельтского тигра» (с 1995 по 2008 г.) Ирландия из страны эмиграции превратилась в страну иммиграции, а ее общество перестало быть гомогенным и приобрело культурное и религиозное разнообразие. Страна привлекала мусульман-предпринимателей, которые все чаще оседали здесь [18, р. 147]. Многих интересовал сектор медицинских услуг. В тот же период наблюдался и приток беженцев из Боснии и Герцеговины, Косово, Нигерии, Алжира, Ливии, Судана, Сомали, Ирака, Ливана и Афганистана. Многие новые иммигранты не имели хорошего образования или высокой квалификации, часть из них недостаточно владела английским языком и в силу связанной с этим замкнутости в рамках диаспоры зачастую была консервативнее в вопросах религии, чем прежние иммигранты-мусульмане. К 2016 г. в составе диаспоры имелись представители более 40 национальностей [18, р. 148].

Община начала структурироваться. В 2006 г. была создана «зонтичная» структура, координирующая мечети — Ирландский совет имамов (ICI), включающий 14 имамов мечетей (суннитов и шиитов). Председателем совета

является имам Хусейн Халауа (глава Исламского культурного центра Ирландии), заместителем — имам Дублинской мечети Яхья аль-Хусейн, глава Исламского фонда Ирландии. Подавляющее большинство мечетей находится под контролем суннитов (у шиитов лишь два исламских центра — в Дублине и Корке). Важную роль играет Исламский культурный центр Ирландии (*ISCI*, фактически филиал Фонда аль-Мактума, ОАЭ) [15, р. 5].

Первым и пока единственным мусульманином, избранным в парламент Ирландии (от графства Клэр на западе страны), был в 1992—1997 гг. лейборист Мусаджи Бхамджи, уроженец Южной Африки, хирург по профессии.

Особое место в диаспоре занимает течение ахмадия, не считающееся большинством мусульман единоверцами. Община зарегистрирована в Ирландии в 1992 г., но ахмадиты появились здесь еще в 1960-е гг., с 1970-х гг. стали активно иммигрировать. В Ирландии у них две мечети — Голуэйская (мечеть Мариам, открыта в 2014 г.) и в пригороде Дублина. Имамом мечети в Голуэе является Ибрагим (Майкл) Нунан, коренной ирландец. Ахмадитов объединяет Сообщество мусульман ахмадия Ирландии. Сообщество насчитывает до 500 человек, около 40 % из них проживают в Голуэе, остальные в основном в Дублине, Корке и Лимерике [1].

Мусульманские организации подчеркивают уважение к их религии в ирландском обществе, что позволяет легче уживаться с коренным населением, чем в большинстве стран Европы. Лидеры диаспоры единодушно осуждают экстремизм. Однако и в Ирландии наблюдается радикализация части мусульманской молодежи [4, р. 22].

Поскольку Ирландия поощряла иммиграцию мусульман с высшим образованием и квалифицированных специалистов, возникла другая особенность диаспоры — высокий уровень образованности [15, р. 224]. Еще одна особенность — отсутствие преобладания определенного этноса в ее составе. Так, по данным переписи 2016 г., 17,7 % мусульман были европейского происхождения, многие из них — коренные ирландцы, принявшие ислам. Южноазиатские и ближневосточные корни имели 42,2 % (в том числе 11,4 % — пакистанского происхождения, немало арабов, бангладешцев и афганцев), африканские — 17,1 %. Есть турки и даже выходцы из Китая [5].

Еще более важной особенностью является то, что, в отличие от многих стран Западной Европы, Ирландия не являлась колониальной державой и всегда вызывала симпатии в исламском мире своей позицией, например, по палестинскому вопросу [18, р. 150].

Свою роль играет историческая память: ирландцы не забыли, что во время Великого голода середины XIX в. османский султан Абдул-Меджид I выделил жертвам трагедии 1 тыс. фунтов стерлингов и тайно прислал суда с

провизией для голодающих ирландцев в порт Дрохеда в 1847 г. [12]. На это обстоятельство до сих пор указывают как на причину дружелюбного отношения ирландцев к туркам.

Все это обусловило более терпимое отношение ирландского общества к мигрантам-мусульманам. Исследования мусульманской диаспоры Ирландии показывают, что ей лишь отчасти присущи черты, характерные для таковой в странах Европы, принявших основные потоки мигрантов-мусульман. Социально-экономическая маргинализация мусульман, боязнь радикального исламизма и исламизации затронули Ирландию в меньшей степени. Интеграцию мусульман в этой стране можно назвать относительно успешной, а ирландский опыт — особым случаем для Западной Европы, с чем согласны исламские организации, христианские церкви, СМИ и исследователи [15, р. 224].

Государство в период «кельтского тигра» подерживало культурное разнообразие. В 1998 г. был создан Национальный консультативный комитет по вопросам расизма и интеркультурализма (*NCCRI*). Принципом разрабатываемой интеграционной стратегии стал интеркультурализм (этот термин появился в официальных документах). В его основе лежала идея избежать ошибок политики мультикультурализма в Европе [3, р. 88].

Сторонники интеркультурализма подчеркивали важность взаимной адаптации большинства и меньшинств друг к другу. Государство давало понять, что именно так можно добиться интеграции мусульман, в отличие от мультикультурализма.

Однако идеи интеркультурализма подрывались ростом ограничений в отношении мигрантов. Так, можно указать на ужесточение депортационной политики иммиграционными актами 1999, 2003 и 2004 гг. и референдумом 2004 г., отменивший автоматическое предоставление гражданства при рождении (теперь детям иммигрантов, родившимся в Ирландии, его предоставляли только в том случае, если родители легально прожили в стране не менее 3 лет, не включая период учебы или ожидания убежища). После 2008 г. прекратили свою работу занимавшиеся вопросами миграции структуры, созданные в эпоху «кельтского тигра». *NCCRI* был распущен в 2008 г., передав свои функции Министерству интеграции, в свою очередь ликвидированному в 2011 г. Комиссия по правам человека и Ведомство по вопросам равенства объединены в 2014 г., их финансирование сокращено [15, р. 211].

Исследователь А. Триандафилиду предложила концепцию «значимого Другого» — образ иной этнической группы, живущей рядом или на территории некоего этноса. «Значимый Другой» олицетворяет для него все то, что ему не присуще [21, р. 286]. В Европе иммигранты-мусульмане стали именно таки-

ми. Для Ирландии же «значимым Другим» раньше была Британия как колониальная метрополия. Возникла дихотомия «британскость — ирландскость», ставилась задача восстановить доколониальную ирландскую идентичность, мусульмане «значимым Другим» не стали.

Массовая иммиграция и сравнительная легкость получения ирландского гражданства привели к нарастанию в ирландском обществе беспокойства. К референдуму 2004 г. о гражданстве в обществе и СМИ развернулось обсуждение вопросов иммиграции (в целом, а не только мусульманской), будущего этнокультурной гомогенности ирландского общества и злоупотребления социальными льготами со стороны иммигрантов и беженцев. До референдума существовало три способа получения ирландского гражданства: происхождение, рождение и проживание в стране в течение определенного периода. По итогам референдума было отменено право на гражданство в силу рождения на ирландской земле. Основные партии страны поддержали это решение [9, p. 109]. Был ужесточен контроль над мигрантами в целях недопущения махинаций с социальным обеспечением. Но мусульмане в особую категорию не выделялись.

В конце 2000—2010-х гг. внимание привлек ряд резонансных, по меркам ирландского общества, событий, связанных с исламской диаспорой. Когда в 2008 г. родители одной из школьниц в графстве Уэксфорд запросили Министерство образования, можно ли их дочери носить хиджаб, оно передало этот вопрос на усмотрение каждой школы [11, p. 556—557]. Это вызвало общественную дискуссию, в ходе которой хиджаб подавался как символ доминирования мужчин над женщинами и нежелания интегрироваться [13]. И хотя большинство ирландских школ разрешает ученицам-мусульманкам носить хиджаб, есть и случаи прямого запрета [6]. Имеются свидетельства вербальных и физических выпадов против мусульманок в хиджабах. Строительство новых мечетей в Корке и Голуэе в 2013 г. вызвало протесты местных жителей якобы из-за проблем дорожного движения. Имели место и эксцессы вроде рассылки мусульманским организациям и отдельным лицам писем с угрозами в 2013 г. [7].

Подобные случаи, нехарактерные ранее для Ирландии, указывают на рост напряженности в связи со все более заметным присутствием исламской диаспоры в обществе. Для части населения мусульманские иммигранты и новообращенные становятся вызовом ирландской национальной идентичности. Они пока не стали «значимым Другим», как во многих странах Западной Европы, но, по мнению О. Шарбротта, в отношении к мусульманской диаспоре Ирландия движется от некой исключительности к общеевропейской «нормальности» [18, p. 156]. Окончание эпохи «кельтско-

го тигра» делает Ирландию несколько более склонной к антиисламским настроениям, которые в остальной Европе помогают создать из мусульман «значимого Другого».

В 2019 г. исследователи И. Фейхи и Ф. Макгиннити из Института экономических и социальных исследований (Дублин) совместно с итальянским исследователем Р. Гротти из университета Тренто провели социопсихологическое исследование отношения коренного населения Ирландии к мусульманским мигрантам в отличие от их отношения к прибывающим из стран Центральной и Восточной Европы. Исследование подтвердило существование «этнической иерархии» иммигрантов в глазах коренного населения, с более позитивным отношением к переселенцам из европейских стран (Польша, Литва и т. д.) и доказало, что террористические акты во Франции и других странах ЕС негативно повлияли на отношение ирландцев к иммигрантам-мусульманам [8, p. 499—500].

Несмотря на специфический опыт, в Ирландии проводилось недостаточно исследований мусульманской диаспоры. Тематика ислама практически отсутствует в национальном политическом дискурсе. В Ирландии, в отличие от Франции, Нидерландов или Австрии, нет «правой» антииммигрантской силы [16, p. 962]. У мусульман здесь достаточно высокий социально-экономический уровень, они практически все проживают в крупных городах, часто имеют высокие профессиональную квалификацию и уровень образования. Треть из них родились в Ирландии, в ходе переписи 2016 г. до 18 % мусульман заявили о европейской идентичности, около половины декларируют ирландскую идентичность, что указывает на стремление к интеграции в общество [8, p. 492]. Важным является то обстоятельство, что выдача разрешений на работу в Ирландии лицам не из Европейской экономической зоны ограничена и многие мусульмане въезжают в поисках убежища либо по студенческим визам.

Общенациональный опрос 2007—2008 гг. об отношении коренных ирландцев к 51 социальной, политической, этнической и религиозной группе, имеющейся в стране, показал, что мусульмане занимают предпоследнее 50-е место в рейтинге тех, по отношению к кому ирландцам хотелось бы устранить социальную дистанцию, опережая лишь употребляющих наркотики. При этом выявлено, что люди с высшим образованием относятся к иммигрантам терпимее, безотносительно к их этнической либо религиозной принадлежности [8, p. 502].

Так как мусульмане в Ирландии относительно немногочисленны, большинство населения с ними сталкивается нерегулярно и формирует мнение о них на основе СМИ, в том числе социальных, отношение к которым

часто негативное. Ряд исследований выявил, что во многих странах, включая Ирландию, восприятие мусульман формируется в большей степени под влиянием сообщений о связанных с ними событиях за рубежом, нежели о произошедших в их собственной стране [19, р. 275]. Другие исследования показывают, что личные контакты с меньшинством снижают влияние негативных сообщений СМИ о нем [10, р. 773]. После терактов мусульман-радикалов во Франции и Великобритании отношение к мусульманам в Ирландии ухудшилось, но это смягчалось редкостью обсуждения «исламской угрозы», немногочисленностью диаспоры и ограниченностью контактов с ее представителями.

Мусульманская диаспора Ирландии по ряду параметров существенно отличается от таких диаспор во многих странах Западной Европы — Великобритании, Франции, Нидерландах и др., с их колониальным прошлым и источниками притока мусульман-мигрантов. В Ирландии диаспора возникла значительно позднее, чем в этих странах, — лишь к концу 1950-х гг., причем долгое время была весьма немногочисленной (около 0,1 % населения). Ее с самого начала формировали студенты и квалифицированные специалисты, многие из которых заняли достаточно престижные рабочие места (в частности, в медицине). В период трансформации Ирландии в эпоху «кельтского тигра» в 1990—2000-х гг. диаспора стала стремительно расти, удельный вес менее квалифицированных и образованных иммигрантов в ее составе стал заметно выше, но ее по-прежнему отличал более высокий уровень образованности в сравнении с мусульманами большинства западноевропейских стран.

В составе исламской диаспоры Ирландии отсутствует доминирующий этнос (подобный выходцам из Пакистана у британских мусуль-

ман или из стран Магриба в исламском населении Франции). Ее отличает значительное этническое и конфессиональное разнообразие. Среди ирландских мусульман немало новообращенных представителей коренного населения. Ирландцы исторически воспринимаются как «собратья» по страданиям в эпоху колониализма и борьбы с ним. Все это обуславливает относительно успешное сосуществование мусульман и коренного населения, невысокий уровень конфликтности.

Немаловажно и то, что в Ирландии была выдвинута модель интеркультурализма, несколько отличная от реализуемой в большинстве стран ЕС политики мультикультурализма. В ее основе — взаимная адаптация большинства и меньшинств, взаимопроникновение их культур. И хотя степень несхожести этой политики с мультикультурализмом небесспорна, следует признать ее определенные успехи. «Исламский дискурс» практически отсутствует в политической повестке Ирландии, здесь не возникло политических сил с антиисламскими лозунгами и программой, нет и террористических актов под лозунгами радикального исламизма. Это не означает полного отсутствия трений между мусульманами и коренным населением (есть данные и о проявлениях исламофобии), но ничего подобного тому, что имеет место в ряде стран ЕС, в Ирландии нет. Ирландское общество под влиянием внутренних и внешних проблем находится в условиях новой идентичности, которая формирует политическое поведение граждан страны, воздействуя на ожидания и мотивацию, ценности и ориентиры, лояльность и восприятие себя и других. Уменьшаются как количество убежденных католиков, так и лояльность к другим конфессиям, но в новой модели идентичности мусульманам отводится определенное место.

Список использованных источников

1. Ahmadiyya Muslim Association Ireland [Electronic resource]. — Mode of access: <<http://www.islamahmadiyya.ie/about-ahmadiyya-muslim-association-ireland.php>>. — Date of access: 07.01.2022.
2. Aziz, S. No Identity Please: on Integration of Muslims in Ireland / S. Aziz // Irish Journal of Public Policy. — 2012. — Vol. 4, N 1. — P. 34—39. (<https://doi.org/10.33178/ijpp.4.1.5>)
3. Cantle, T. Interculturalism: the new era of cohesion and diversity / T. Cantle. — London: Palgrave Macmillan, 2012. — 256 p.
4. Carr, J. Clash of Racializations: the Policing of 'Race' and Anti-Muslim Racism in Ireland / J. Carr, A. A. Haynes // Critical Sociology. — 2015. — Vol. 41, N 1. — P. 21—40. (<https://doi.org/10.1177/0896920513492805>)
5. Census of Population 2016 — Profile 8 Irish Travellers, Ethnicity and Religion [Electronic resource] // Central Statistics Office. — Mode of access: <[https://www.cso.ie/en/releasesandpublications/ep/p-cp8iter/p8iter/p8rnc/#:~:text=There % 20were %2063 %2C443 %20Muslims %20in,2006 %20and %2049 %2C204 %20in %202011](https://www.cso.ie/en/releasesandpublications/ep/p-cp8iter/p8iter/p8rnc/#:~:text=There%20were%2063%2C443%20Muslims%20in,2006%20and%2049%2C204%20in%202011)>. — Date of access: 10.08.2021.
6. Connolly, S. Quinn refuses to intervene in veil ban / S. Connolly [Electronic resource] // Irish Examiner. — 16.08.2013. — Mode of access: <<http://www.irishexaminer.com/ireland/quinn-refuses-to-intervene-in-veil-ban-240039.html>>. — Date of access: 20.01.2022.
7. Dillon, F. Muslims target in «Hate Mail» campaign / F. Dillon, T. Brady [Electronic resource] // Irish Independent. — 26.11.2013. — Mode of access: <<http://www.independent.ie/irish-news/muslims-targeted-in-hate-mail-campaign-29783626.html>>. — Date of access: 13.01.2022.
8. Fahey, E. Irish Attitudes to Muslim Immigrants / E. Fahey, F. McGinnity, R. Grotti // The Economic and Social Review. — 2019. — Vol. 50, N 3. — P. 491—514.
9. Garner, S. Ireland and Immigration: Explaining the Absence of a Far Right / S. Garner // Patterns of Prejudice. — 2007. — Vol. 41, N 2. — P. 109—130. (<https://doi.org/10.1080/00313220701265486>)
10. Gilliam, F. D. Jr. Where You Live and What You Watch: The Impact of Racial Proximity and Local Television News on Attitudes about Race and Crime / F. D. Gilliam Jr., N. A. Valentino, M. N. Beckmann // Political Research Quarterly. — 2002. — Vol. 55, N 4. — P. 755—780.

11. Hogan, C. Accommodating Islam in the Denominational Irish Education System: Religious Freedom and Education in the Republic of Ireland / C. Hogan // *Journal of Muslim Minority Affairs*. — 2011. — Vol. 31, N 4. — P. 554–573. (<https://doi.org/10.1080/13602004.2011.630862>)
12. Kelly, A. New evidence shows Turkey delivered food to Ireland during the famine / A. Kelly [Electronic resource] // *IrishCentral*. — 02.06.2012. — Mode of access: <<http://www.irishcentral.com/news/new-evidence-shows-turkey-delivered-food-to-ireland-during-the-famine-156681255-237507681.html>>. — Date of access: 24.02.2022.
13. McDonagh, P. Muslim anger at opposition calls for school ban on hijab / P. McDonagh [Electronic resource] // *Irish Independent*. — 02.06.2008. — Mode of access: <<http://www.independent.ie/irish-news/muslim-anger-at-opposition-calls-for-school-ban-on-hijab-26451464.html>>. — Date of access: 03.03.2022.
14. Muslim Population by Country 2022 [Electronic resource] // *World Population Review*. — Mode of access: <<https://worldpopulationreview.com/country-rankings/muslim-population-by-country>>. — Date of access: 03.04.2022.
15. Muslims in Ireland / O. Scharbrodt [et al.]. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015. — 272 p.
16. O'Malley, E. Why Is There No Radical Right Party in Ireland? / E. O'Malley // *West European Politics*. — 2008. — Vol. 31, N 5. — P. 960–977. (<https://doi.org/10.1080/01402380802234631>)
17. Riegel, R. Islam to become Ireland's second religion by 2043 / R. Riegel [Electronic resource] // *Independent.ie*. — 30.12.2013. — Mode of access: <<https://www.independent.ie/irish-news/islam-to-become-irelands-second-religion-by-043-29874239.html>>. — Date of access: 03.04.2022.
18. Scharbrodt, O. From Irish Exceptionalism to European Normality? The New Islamic Presence in the Republic of Ireland / O. Scharbrodt // *Études Irlandaises*. — 2014. — Vol. 39, N 2. — P. 147–160. (<https://doi.org/10.4000/etudesirlandaises.3928>)
19. Strabac, Z. Anti-Muslim Prejudice in Europe: a Multilevel Analysis of Survey Data from 30 Countries / Z. Strabac, O. Listhaug // *Social Science Research*. — 2008. — Vol. 37, N 1. — P. 268–286. (<https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2007.02.004>)
20. Table: Muslim Population by Country [Electronic resource] // *Pew Research Center*. — 27.01.2011. — Mode of access: <<https://www.pewresearch.org/religion/2011/01/27/table-muslim-population-by-country>>. — Date of access: 20.04.2022.
21. Triandafyllidou, A. Nations, Migrants and Transnational Identifications: an Interactive Approach to Nationalism / A. Triandafyllidou // *The Sage Handbook of Nations and Nationalism* / ed. G. Delanty, K. Kumar. — London: Sage, 2006. — P. 285–306. (<https://dx.doi.org/10.4135/9781848608061>)

Статья поступила в редакцию 26 апреля 2022 г.

ВЛИЯНИЕ ТОРГОВОЙ ВОЙНЫ США И КИТАЯ НА ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Коу Синьсянь

В статье проведен анализ влияния торгово-экономического сотрудничества США и Китая на развитие Республики Беларусь путем построения корреляционных матриц и регрессионных моделей. В результате определено, что наблюдаемое в последние годы торговое противостояние между странами при его дальнейшем развитии способно оказать существенное негативное влияние на экономику Республики Беларусь через сокращение объема экспорта и валовой добавленной стоимости в сфере услуг и, как следствие, падение ВВП. Полученные результаты привели к выводу о высоком значении учета внешних дестабилизирующих факторов, связанных с развитием торгового конфликта США и Китая, в рамках национальной внешней политики.

Ключевые слова: американо-китайские отношения; корреляционно-регрессионный анализ; показатели развития Республики Беларусь; торговая война.

«Impact of the Trade War between the United States and China on the Development Indicators of the Republic of Belarus» (Kou Xinxian)

The article analyses the impact of trade and economic cooperation between the USA and China on the development of the Republic of Belarus by constructing correlation matrices and regression models. As a result, it was determined that the development of trade confrontation between countries observed in recent years, with its further development, can have a significant negative impact on the economy of the Republic of Belarus through a reduction in exports and gross value added in the service sector, and, as a result, a fall in GDP. The obtained results led to the conclusion about the high importance of taking into account external destabilising factors associated with the development of the US-China trade conflict in the framework of national foreign policy.

Keywords: correlation and regression analysis; development indicators of the Republic of Belarus; trade war; US-China relations.

Сотрудничество США и Китая во все времена характеризовалось сложным сочетанием двух подходов — вовлечения и сдерживания, а двустороннее торговое взаимодействие выстраивалось на основе ряда противоречий, связанных с принципиальными различиями их идеологий, систем ценностей и политико-экономических моделей. Стабильное развитие Китая в XXI в. и его превращение в основного игрока мирового рынка, а также рост влияния данной страны на большинство стран восточноазиатского и сопредельных регионов привели к возникновению дополнительных разногласий, рассмотрение природы которых стало одной из ключевых тематик современных исследований в области международных отношений. При этом труды специалистов, изучающих проблемы американо-китайских взаимоотношений, в большинстве своем отражают особенности внешнеэкономического и внешнеполитического сотрудничества дан-

ных стран, и лишь некоторые из них содержат оценку степени влияния торгового конфликта на развитие иных государств.

Так, попытку оценки влияния торгового конфликта США и Китая на ВВП иных стран предприняли специалисты *Bloomberg Economics* и Организации экономического сотрудничества и развития. Было рассмотрено два сценария, определяющих влияние торговой войны на экономики стран мира. В результате было определено, что независимо от течения событий в рамках первого либо второго варианта при дальнейшем развитии торгового конфликта будет наблюдаться, в первую очередь, падение макроэкономических показателей небольших азиатских экспортеров комплектующих в Китай (Тайвань, Малайзия, Южная Корея, Сингапур и Таиланд) [3]. Специалисты Международного валютного фонда в отчете *World Economic Outlook*, а также исследователи Й. Боллен и Х. Рохаз-Ромагоза в

Автор:

Коу Синьсянь — аспирант кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: 1973173632@qq.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Kou Xinxian — post-graduate student of the Department of International Economic Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: 1973173632@qq.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

рамках оценки течения противостояния США и Китая одновременно установили, что наиболее значительные потери от него будут понесены экспортерами промежуточных товаров в Китай (Сингапуром, Южной Кореей, Японией и Тайванем) [7; 12, р. 126]. Э. Беккерс, Р. Тех дополнительно выяснили, что при сохранении негативных тенденций уровень реального ВВП стран Ассоциации государств Юго-Восточной Азии к концу 2022 г. в совокупности снизится на 4,12 % [6, р. 7–8].

Одновременно важно отметить отсутствие схожих исследований для стран с переходной экономикой в целом и Республики Беларусь в частности, влияние торгового конфликта на которую обуславливается сложившейся структурой белорусской экономики и ее внешнеторгового сектора, характеризующейся высокой степенью подверженности внешним воздействиям (существенным влиянием конъюнктуры мирового рынка на экономическую устойчивость). Исходя из представленного основной целью данной статьи является оценка влияния торгового конфликта США и Китая на показатели развития Республики Беларусь с последующим выделением наиболее эффективных инструментов внешней политики, предусматривающих стабильный рост белорусской экономики в условиях значительных колебаний мирового рынка.

Развитие торгового соперничества между двумя наиболее крупными экономиками мира (США и Китаем), наблюдаемое на современном этапе, вызывает проявление ряда негативных эффектов, которые значительно усугубляются последствиями распространения коронавирусной инфекции. Совокупное воздействие данных эффектов стимулирует сокращение темпов развития мировой экономики и, как следствие, негативно влияет на экономику ряда стран. При этом степень такого влияния на отдельные страны существенно различается, что объясняет необходимость проведения тщательного анализа, основанного на конкретных статистических показателях.

Для установления факта наличия определенного воздействия и (при наличии) оценки его величины в рамках данной статьи был про-

веден корреляционно-регрессионный анализ. Данный анализ строился на информации международных организаций [8–11] и включал оценку воздействия торгово-экономического сотрудничества США и Китая на экономику Республики Беларусь. При этом в качестве факторов влияния и результирующих показателей были определены:

– $ВВП_{РБ}$ – ВВП Республики Беларусь в текущих ценах, млн дол. США;

– $Э_{РБ}$ – объем экспорта Республики Беларусь в текущих ценах, млн дол. США;

– $ВДС_{пром.РБ}$ – валовая добавленная стоимость в промышленности в Республике Беларусь, млн дол. США;

– $ВДС_{усл.РБ}$ – валовая добавленная стоимость в сфере услуг в Республике Беларусь, млн дол. США;

– $ПИИ_{РБ}$ – объем инвестирования в Республику Беларусь, млн дол. США;

– T – объем торговли между США и Китаем, млрд дол. США;

– I – объем инвестиционного взаимодействия США и Китая, млн дол. США.

В рамках исследования первоначально была определена степень корреляции данных показателей. Период исследования составил 20 лет – с 2000 по 2019 г. Результаты корреляционного анализа отражены в табл. 1.

Как показывают полученные в рамках корреляционного анализа результаты, на показатели развития Республики Беларусь значительное влияние оказывают как уровень торговли между США и Китаем, так и уровень их инвестиционного сотрудничества. При этом для Республики Беларусь характерно наличие более существенного воздействия со стороны торговой политики стран (например, для показателя ВВП уровень тесноты связи с объемом торговли характеризуется коэффициентом 0,8875, в то время как уровень взаимосвязи с объемом инвестирования – коэффициентом 0,6968). Отмеченная величина тесноты связи свидетельствует о ее значительном уровне, т. е. указывает на необходимость дальнейшего проведения анализа путем построения регрессионных уравнений. При этом в целях линеаризации тренда в рамках анализа важно

Таблица 1

Корреляционный анализ влияния сотрудничества США и Китая на экономику Республики Беларусь

Показатель	$ВВП_{РБ}$	$Э_{РБ}$	$ВДС_{пром.РБ}$	$ВДС_{усл.РБ}$	$ПИИ_{РБ}$	T	I
$ВВП_{РБ}$	1						
$Э_{РБ}$	0,9389	1					
$ВДС_{пром.РБ}$	0,9876	0,9468	1				
$ВДС_{усл.РБ}$	0,9883	0,9049	0,9544	1			
$ПИИ_{РБ}$	0,7768	0,8076	0,7949	0,7445	1		
T	0,8875	0,8061	0,8121	0,9353	0,6378	1	
I	0,6968	0,5758	0,5792	0,7777	0,4149	0,8951	1

Источники: разработка автора на основе [2; 5].

использовать не значения показателей, а их натуральные логарифмы. В таком случае полный перечень используемых в рамках анализа переменных включает:

- $\ln_ВВП_{РБ}$ — логарифм ВВП Республики Беларусь в текущих ценах;
- $\ln_Э_{РБ}$ — логарифм объема экспорта Республики Беларусь в текущих ценах;
- $\ln_ВДС_{пром,РБ}$ — логарифм ВДС в промышленности в Республике Беларусь;
- $\ln_ВДС_{усл,РБ}$ — логарифм ВДС в сфере услуг в Республике Беларусь;
- $\ln_ПИИ_{РБ}$ — логарифм объема инвестирования в Республику Беларусь;
- \ln_T — логарифм объема торговли между США и Китаем;
- $\ln_И$ — логарифм объема инвестиционного взаимодействия США и Китая;
- u_t — случайную ошибку, введенную для исключения автокорреляции в остатках.

Полученные итоговые модели и показатели их качества, а также уравнения по моделям, полученные после устранения автокорреляции в остатках, представлены в табл. 2.

Проведенное исследование показало важность двух из пяти моделей: модели объема экспорта Республики Беларусь и модели ВДС в промышленности в Республике Беларусь. Иные модели включали в себя незначительную переменную $\ln_И$. Последующая оценка важных моделей показала, что значения коэффициентов детерминации для них составили 0,887 и 0,889, т. е. изменение объема экспорта страны обуславливается изменением торговых и инвестиционных потоков США и Китая на 88,7 %, а изменение ВДС в промышленности в стране зависит от торгово-инвестиционного сотрудничества США и Китая на 88,9 %. При этом характер установленной связи прямой для переменной \ln_T и обратный — для $\ln_И$, т. е. при росте торгового потока между США и Китаем на 1 млрд дол. США и неизменности уровня инвестиций будет наблюдаться рост объема экспорта и ВДС в промышленности на 1,261 и 1,373 млрд дол. США соответственно, а при росте уровня инвестиционного обмена между странами на 1 млрд дол. США и неизменности торгового потока будет наблюдаться снижение данных показателей на 0,385 и 0,402 млрд дол. США соответственно.

Оценка качества важных уравнений с помощью ошибки аппроксимации показала значительное превышение критического значения в 5 % над расчетными для обоих уравнений (1,319 % для модели объема экспорта Республики Беларусь и 1,555 % для модели ВДС в промышленности в Республике Беларусь), т. е. установила возможность прогнозирования с использованием данных моделей. Оценка автокорреляции в остатках при помощи критерия Дарбина — Уотсона (DW) одновременно показала низкое качество моделей (расчетное значение критерия оказалось ниже

критического), т. е. установила, что найденные оценки параметров уравнения регрессии не являются эффективными ввиду нарушения предпосылок метода наилучших квадратов и ранее сделанные выводы не являются достоверными. Для получения достоверных оценок параметров был использован метод пересчета параметров уравнения, отраженный в работах Н. Н. Валеева, А. В. Аксяновой и Г. А. Гадельшиной [1] и Н. И. Шанченко [5]. Результаты регрессионного анализа, полученные при исключении автокорреляции в остатках, также отражены в табл. 2. После исключения автокорреляции в остатках были получены уравнения, статистическое значение коэффициента при переменной $\ln_И'$ которых меньше установленного критического значения, что не позволило проводить дальнейший анализ в границах полученных моделей.

Таким образом, попытка моделирования показала наличие определенных взаимосвязей, однако не позволила точно определить величину имеющегося влияния ввиду неважности одной из переменных, включенных в регрессионные модели. В данных условиях было принято решение о рассмотрении моделей парной регрессии для всех ранее упомянутых показателей развития и одной объясняющей переменной — объема торговли между США и Китаем. Оценка полученных в результате такого моделирования уравнений показала их значение и адекватность, однако привела к выводу о наличии автокорреляции в остатках каждой из них. Поэтому, как и в предыдущем случае, был произведен их пересчет, результаты которого представлены в табл. 3.

Полученные после исключения автокорреляции в остатках регрессионные модели отражают заметную зависимость от торгового сотрудничества США и Китая таких показателей развития, как ВДС в сфере услуг в Республике Беларусь и объем инвестирования в Республику Беларусь (значения коэффициентов детерминации для данных моделей составили 0,686 и 0,516 соответственно). Одновременно для ВВП Республики Беларусь и объема экспорта обозначена умеренная зависимость (значения коэффициентов детерминации для данных моделей составили 0,411 и 0,415 соответственно). Полученная модель для ВДС в промышленности в Республике Беларусь показала слабую зависимость (коэффициент детерминации составил 0,267), что позволяет говорить о фактическом отсутствии взаимосвязи между переменными и обуславливает исключение данной модели из дальнейшего анализа.

Оценка автокорреляции в остатках ранее обозначенных важных уравнений при помощи критерия Дарбина — Уотсона позволила установить ее отсутствие (все полученные значения находятся в границах нормативного интервала), а следовательно, найденные оцен-

**Результаты регрессионного анализа по показателям развития
Республики Беларусь (до и после исключения автокорреляции в остатках)**

Зависимая переменная, млн. дол. США	Регрессионное уравнение	Показатели качества модели	Критические значения показателей
Первоначально полученные модели			
ВВП Республики Беларусь в текущих ценах	$\ln_ВВП_{РБ} = 1,243 \ln_Т - 0,266 \ln_И + 6,188$	$R^2 = 0,929$ $F = 111,651$ $t_a = 10,765$ $t_{торг} = 6,048$ $t_{ПНИ} = -1,773$ $A = 1,172$ $DW = 0,788$	$F = 3,592$ $t_{кр} = 2,110$ $A > 5\%$ $1,271 < DW < 2,729$
Объем экспорта Респуб- лики Беларусь в текущих ценах	$\ln_Э_{РБ} = 1,261 \ln_Т - 0,385 \ln_И + 6,789$	$R^2 = 0,887$ $F = 67,115$ $t_a = 10,687$ $t_{торг} = 5,551$ $t_{ПНИ} = -2,323$ $A = 1,319$ $DW = 0,902$	$F = 3,592$ $t_{кр} = 2,110$ $A > 5\%$ $1,271 < DW < 2,729$
ВДС в промышленности в Республике Беларусь	$\ln_ВДС_{промРБ} = 1,373 \ln_Т - 0,402 \ln_И + 5,823$	$R^2 = 0,889$ $F = 67,923$ $t_a = 8,253$ $t_{торг} = 5,445$ $t_{ПНИ} = -2,182$ $A = 1,555$ $DW = 0,807$	$F = 3,592$ $t_{кр} = 2,110$ $A > 5\%$ $1,271 < DW < 2,729$
ВДС в сфере услуг в Респуб- лике Беларусь	$\ln_ВДС_{усл.РБ} = 1,226 - \ln_Т - 0,174 \ln_И + 14,460$	$R^2 = 0,958$ $F = 192,467$ $t_a = 9,169$ $t_{торг} = 7,049$ $t_{ПНИ} = -1,368$ $A = 1,138$ $DW = 0,943$	$F = 3,592$ $t_{кр} = 2,110$ $A > 5\%$ $1,271 < DW < 2,729$
Объем инвестирования в Республику Беларусь	$\ln_ПНИ_{РБ} = 1,963 \ln_Т - 0,327 \ln_И - 1,289$	$R^2 = 0,791$ $F = 32,175$ $t_a = -0,704$ $t_{торг} = 2,999$ $t_{ПНИ} = -0,684$ $A = 6,368$ $DW = 1,213$	$F = 3,592$ $t_{кр} = 2,110$ $A > 5\%$ $1,271 < DW < 2,729$
Модели, полученные в результате исключения автокорреляции в остатках			
Объем экспорта Респуб- лики Беларусь в текущих ценах	$\ln_Э'_{РБ} = 0,923 \ln_Т' - 0,139 \ln_И' + u_t + 2,773$	$R^2 = 0,609$ $F = 12,477$ $t_a = 6,189$ $t_{торг} = 3,041$ $t_{ПНИ} = -0,739$ $A = 2,465$ $DW = 1,455$	$F = 3,634$ $t_{кр} = 2,120$ $A > 5\%$ $1,263 < DW < 2,737$
ВДС в промышленности в Республике Беларусь	$\ln_Т'_{РБ} = 0,727 \ln_Т' - 0,004 \ln_И' + u_t + 2,179$	$R^2 = 0,556$ $F = 10,015$ $t_a = 5,027$ $t_{торг} = 2,385$ $t_{ПНИ} = -0,021$ $A = 2,745$ $DW = 1,094$	$F = 3,634$ $t_{кр} = 2,120$ $A > 5\%$ $1,263 < DW < 2,737$

Источники: разработка автора на основе [1; 2; 4; 5].

Примечание: R^2 — коэффициент детерминации; F — статистическая величина дисперсии; t_a — отношение стандартной ошибки оценки коэффициента к его абсолютной величине; $t_{торг}$ — объем торговли между США и Китаем; млн дол. США; $t_{ПНИ}$ — объем инвестиционного взаимодействия США и Китая, млн дол. США; A — критерий ошибки абсолютной аппроксимации; $t_{кр}$ — критические значения.

ки параметров уравнения регрессии являются эффективными. Оценка качества важных уравнений с помощью ошибки абсолютной аппроксимации одновременно показала, что не для всех моделей соблюдено условие превышения критического значения в 5%: уровень ошибки аппроксимации для модели объема инвестирования в Республику Беларусь

более чем в 2 раза превышает критическое значение, что, как и в случае с моделью ВДС в промышленности в Республике Беларусь, не позволяет ее использовать в дальнейшей оценке.

Исходя из отмеченного в рамках анализа влияния торгового сотрудничества США и Китая на показатели развития Республики

Таблица 3

Результаты регрессионного анализа влияния торгового сотрудничества США и Китая на показатели развития Республики Беларусь (после исключения автокорреляции в остатках)

Зависимая переменная, млн дол. США	Регрессионное уравнение	Показатели качества модели	Критические значения показателей
ВВП Республики Беларусь в текущих ценах	$\ln_ВВП'_{РБ} = 0,693 \ln_T' + u_t + 1,618$	$R^2 = 0,411$ $F = 11,876$ $t_a = 5,339$ $t_{торг} = 3,446$ $A = 2,979$ $DW = 1,295$	$F = 4,451$ $t_{кр} = 2,120$ $A > 5\%$ $1,132 < DW < 2,868$
Объем экспорта Республики Беларусь в текущих ценах	$\ln_Э'_{РБ} = 0,795 \ln_T' + u_t + 1,525$	$R^2 = 0,415$ $F = 12,069$ $t_a = 3,838$ $t_{торг} = 3,474$ $A = 3,889$ $DW = 1,519$	$F = 4,451$ $t_{кр} = 2,120$ $A > 5\%$ $1,132 < DW < 2,868$
ВДС в промышленности в Республике Беларусь	$\ln_ВДС'_{пром.РБ} = 0,680 \ln_T' + u_t + 1,203$	$R^2 = 0,267$ $F = 6,183$ $t_a = 3,312$ $t_{торг} = 2,487$ $A = 4,712$ $DW = 1,340$	$F = 4,451$ $t_{кр} = 2,120$ $A > 5\%$ $1,132 < DW < 2,868$
ВДС в сфере услуг в Республике Беларусь	$\ln_ВДС'_{усл.РБ} = 0,797 \ln_T' + u_t + 1,790$	$R^2 = 0,686$ $F = 37,133$ $t_a = 6,510$ $t_{торг} = 6,094$ $A = 2,249$ $DW = 1,224$	$F = 4,451$ $t_{кр} = 2,120$ $A > 5\%$ $1,132 < DW < 2,868$
Объем инвестирования в Республику Беларусь в виде ПИИ	$\ln_ПИИ'_{РБ} = 1,496 \ln_T' + u_t - 1,231$	$R^2 = 0,516$ $F = 18,150$ $t_a = -0,978$ $t_{торг} = 4,260$ $A = 10,236$ $DW = 2,158$	$F = 4,451$ $t_{кр} = 2,120$ $A > 5\%$ $1,132 < DW < 2,868$

Источники: разработка автора на основе [1; 2; 4; 5].

Беларусь можно явно установить его умеренное воздействие на ВВП страны и объем экспорта, а также существенное влияние на ВДС в сфере услуг в Республике Беларусь. Характер установленной для всех моделей связи прямой, т. е. дальнейшее ухудшение отношений между США и Китаем может привести к снижению темпов развития Республики Беларусь. Так, при снижении торгового потока между странами на 1 млрд дол. США будет наблюдаться снижение ВВП Республики Беларусь на 0,693 млрд дол. США, объема экспорта — на 0,795 и ВДС в сфере услуг — на 0,797 млрд дол. США. Негативное влияние на показатели развития страны при этом будет объясняться:

- ускорением инфляции вследствие девальвации валют и связанного с этим ухудшения инфляционных ожиданий из-за значительного уровня долларизации экономики страны;

- сокращением мировой торговли и, соответственно, снижением экспорта товаров и услуг со стороны малых открытых экономик;

- общим замедлением мировой экономической активности и уменьшением спроса иностранных инвесторов на активы стран с переходной экономикой ввиду ухудшения прогнозных величин их экономического роста.

Указанные факты отражают содержание основных рисков событий и свидетельствуют о высокой актуальности учета внешних дестабилизирующих факторов, связанных с развитием торгового конфликта США и Китая, в рамках внешней политики Республики Беларусь, с одновременным обоснованием мер реагирования. Данные меры должны опираться на уже установленные внешнеэкономические связи, а также учитывать сложившуюся практику взаимоотношений с США и Китаем и сформировавшиеся политические взгляды. Исходя из отмеченного в целом могут быть выделены следующие группы мер, способствующих устойчивому развитию страны в условиях наличия внешних дестабилизирующих факторов:

- по минимизации влияния ускорения инфляции, включающие переход к инфляционному таргетированию и пересмотр политики руководства страны по определению целевых ориентиров (в границах смены основной установки на достижение максимально высоких темпов экономического роста установкой обеспечения сбалансированного развития национальной экономики);

- минимизации степени ослабления белорусского рубля по отношению к свободно конвертируемым валютам, основу которых должна составить дедолларизация экономики;

— поддержанию высоких объемов экспорта, включающие наращивание экспортных поставок в Китай товаров, выступающих заместителями продукции, попавшей под торговые ограничения, а также организацию работы по дальнейшей диверсификации экспортных поставок. При этом в качестве приоритетного стоит обозначить рост экспорта сельскохозяйственной продукции и продуктов питания;

— сохранению объемов инвестиционного обмена, предполагающие формирование условий для эффективного развития перспективных отраслей экономики как важнейшего фактора привлечения инвестиций и повышение инвестиционной привлекательности за счет реализации рациональной коммуникационной политики.

Представленные меры являются основными в условиях дестабилизации мировых рынков, так как в совокупности позволяют свести к минимуму наблюдаемые негативные последствия. Реализация отмеченных мер государственного регулирования позволит сохранить среднегодовые темпы роста национальной экономики, а в случае рационального использования возможностей дополнительного экспорта в Китай обеспечить улучшение показателей развития.

Таким образом, наблюдаемое в последние годы развитие торгового противостояния между США и Китаем оказывает существенное

негативное влияние на показатели развития Республики Беларусь. Полученные результаты анализа позволили установить умеренное прямое влияние торгового сотрудничества США и Китая на такие показатели развития, как ВВП Республики Беларусь и объем экспорта, а также существенное прямое влияние на показатель ВДС в сфере услуг. В отмеченных условиях дальнейшее ухудшение отношений между США и Китаем может привести к снижению темпов развития Республики Беларусь.

Исходя из сложившихся обстоятельств руководству страны важно предусмотреть воздействие потенциальных рисков и обосновать пути их минимизации, а также оценить возможность реализации мер, исключающих негативное влияние замедления мировой экономики за счет более глубокого развития двусторонних отношений. В целом обеспечение устойчивого развития Республики Беларусь в условиях торгового противостояния США и Китая может быть произведено путем минимизации влияния инфляционных и девальвационных процессов на экономику за счет перехода к инфляционному таргетированию и дедолларизации экономики, а также реализации возникших возможностей через экспорт товаров-заменителей и формирование условий для эффективного развития перспективных отраслей.

Список использованных источников

1. Валеев, Н. Н. Анализ временных рядов и прогнозирование / Н. Н. Валеев, А. В. Аксянова, Г. А. Гадельшина. — Казань: Казан. нац. иссл. технолог. ун-т, 2010. — 160 с.
2. Елисева, И. И. Эконометрика / И. И. Елисева. — М.: Финансы и статистика, 2003. — 344 с.
3. Макаров, О. Долгосрочный ущерб: кто пострадает от торговой войны между США и Китаем / О. Макаров [Электронный ресурс] // РБК. — 18.09.2018. — Режим доступа: <<https://www.rbc.ru/economics/18/09/2018/5ba11b839a79477489970c6a>>. — Дата доступа: 03.08.2021.
4. Тест Дарбина — Уотсона на наличие автокорреляции остатков [Электронный ресурс] // Эконометрика онлайн. — Режим доступа: <<https://math.semestr.ru/trend/prim8.php>>. — Дата доступа: 13.06.2021.
5. Шанченко, Н. И. Эконометрика: лабораторный практикум / Н. И. Шанченко. — Ульяновск: УлГТУ, 2004. — 79 с.
6. Bekkers, E. Potential Economic Effects of a Global Trade Conflict: Staff Working Paper ERSD-2019-04 / E. Bekkers, R. Teh [Electronic resource] // World Trade Organization. — Mode of access: <https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd201904_e.pdf>. — Date of access: 07.08.2021.
7. Bollen, J. Trade Wars: Economic Impacts of US Tariff Increases and Retaliation: an International Perspective: CPB Background Document, November 2018 / J. Bollen, H. Rojas-Romagosa [Electronic resource] // CPB Netherlands Bureau for Economic Policy Analysis. — Mode of access: <<https://www.cpb.nl/sites/default/files/omnidownload/CPB-Background-Document-November2018-Trade-Wars-update.pdf>>. — Date of access: 07.08.2021.
8. Data Center [Electronic resource] // United Nations Conference on Trade and Development. — Mode of access: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en>. — Date of access: 07.08.2021.
9. Data on activities of multinational enterprises [Electronic resource] // Bureau of Economic Analysis. U.S. Department of commerce. — Mode of access: <<https://apps.bea.gov/iTable/iTable.cfm?ReqID=2&step=1>>. — Date of access: 07.08.2021.
10. Foreign Holdings of U.S. Securities at the end of the period shown [Electronic resource] // U.S. Department of the Treasury. — Mode of access: <<https://ticdata.treasury.gov/resource-center/data-chart-center/tic/Documents/shlhistdata.html>>. — Date of access: 07.08.2021.
11. Trade in value by partner countries [Electronic resource] // Organisation for Economic Co-operation and Development. — Mode of access: <<https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=PARTNER#>>. — Date of access: 07.08.2021.
12. World Economic Outlook: Growth Slowdown, Precarious Recovery // International Monetary Fund. — Washington, D.C., 2019. — 216 p.

Статья поступила в редакцию 21 марта 2022 г.

ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ НА ТЕОРИИ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Чжуаньсунь Цяочу

Актуальность данной статьи определяется существенно возросшей интенсивностью миграционных процессов, ростом их влияния на экономические, общественно-политические, социально-демографические параметры развития стран. Как следствие, повышается потребность широкой совокупности сторон в объяснении причин наблюдаемых процессов, инструментария влияния на них, методов прогнозирования миграционных потоков. Поиск ответов на эти вопросы лежит в плоскости теорий миграции и их составного элемента — теорий трудовой миграции. Ряд авторов критикуют современное состояние теории трудовой миграции, указывая на снижение интенсивности разработок, негативно сказывающееся на глубине понимания миграционных процессов. В подобных условиях видятся важными и актуальными ретроспективная оценка развития взглядов на теорию трудовой миграции и характеристика наиболее важных работ в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: теория миграции; трудовая миграция; эволюция научных взглядов.

«Study of the Development of Views on Theories of Labour Migration» (Zhuansun Qiaochu)

The relevance of the chosen topic is determined by the significantly increased intensity of migration processes, the growth of their impact on the economic, socio-political, socio-demographic parameters of the development of countries. As a consequence, the need for a wide range of parties to explain the causes of the observed processes, the tools to influence them, and methods for predicting migration flows increases. The search for answers to these questions lies in the plane of migration theories and, as their constituent element, the theories of labour migration. A number of authors criticise the current state of the theory of labour migration, pointing out the decrease in the intensity of research, negatively affecting the depth of understanding of migration processes. Under such conditions a retrospective assessment of the development of views on the theory of labour migration and the characteristics of the most significant works in this field seem important and relevant.

Keywords: development; labour migration; migration theory.

Трудовая миграция в системе миграционных процессов исторически относилась к сфере внимания ученых из разных областей науки. Миграция в широком смысле относится к группе демографических процессов, характеризующих механическое движение населения. Демографические процессы оказывают комплексное воздействие на социально-экономическое развитие территории. Обобщенно можно разделить это воздействие на имеющее экономическую, социальную и политическую природу. Экономическая природа демографических процессов проявляется через воспроизводство населения как носителя знаний, умений и навыков, участника рынка труда и фактор экономического роста (развитие человеческого капитала). Социальная природа связана с влиянием на культурную идентификацию, изменение поведенческих сценариев,

состояние общественной безопасности. В настоящей статье выбрана логика анализа процессов развития взглядов на теории трудовой миграции посредством комбинации двух подходов: отраслевого и хронологического. Отраслевой подход описывает теории в рамках таких укрупненных групп, как экономическая теория, социология и их комбинация. Хронологический подход состоит в выделении в укрупненных отраслевых группах наиболее значительных позиций и перехода от более ранних к актуальным в 2022 г.

Цель статьи — проследить процесс эволюции научных взглядов на теории трудовой миграции и проанализировать характеристики различных подходов в целях их применения к конкретным проблемам трудовой миграции. Анализ эволюции взглядов на теории трудовой миграции освещен в работах И. В. Ивахнюк [3],

Автор:

Чжуаньсунь Цяочу — аспирант кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: zsp1992767@yandex.by
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Zhuansun Qiaochu — post-graduate student of the Department of International Economic Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: zsp1992767@yandex.by
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

Ли Ли [6], Ма Янься [7], А. А. Нестеровой [8], Л. И. Ниворожкиной, Н. А. Колосовой [9], А. В. Седовой [10], Л. Е. Тихоновой, В. П. Пугачёва [11], У Ди [12], Чжан Сиси [15], Д. Мэсси [24; 31] и др. По мнению китайского ученого Ма Янься, развитие теории трудовой миграции показывает, что, хотя этническая дискриминация, религиозное угнетение, плохой климат и условия жизни могут быть факторами, определяющими мобильность населения, экономическая ориентация всегда является решающим фактором в определении трудовой миграции [7, с. 137]. Белорусские ученые Л. Е. Тихонова и В. П. Пугачёв утверждают, что в условиях глобализации пересматриваются многие традиционные теории, объясняющие природу и движущие силы международных трудовых миграций, расширяются понятия «миграция» и «мигрант», принимаются более сложные и гибкие классификации миграции [11, с. 91]. Анализируя формирование теоретической базы исследования миграции населения в последней трети XX — начале XXI в., И. В. Ивахнюк утверждает, что современные методы управления миграцией, которые во многом направлены на ограничение миграционных потоков, тем самым, по сути, вступают в противоречие с глобализацией, основным принципом которой является открытость [3, с. 36].

Первые попытки осмысления взглядов на теории трудовой миграции в большинстве источников приписываются исследователям в сфере экономики (А. Смит «Исследование о природе и причины богатства народов», 1776), статистики (У. Фарр, конец XIX в.). В конце XIX в. в социальных науках появились различные теории, направленные на понимание процессов, определяющих миграцию. А. Смит с позиции экономической теории определял в качестве факторов трудовой миграции пространственное неравновесие на рынке труда и различия в уровне оплаты труда [28, р. 83—84]. Представители экономического подхода к объяснению причин трудовой миграции по мере усложнения и разветвления экономических наук во многом сохраняли эти взгляды. Так, Дж. Р. Хикс в работе «Теория заработной платы», спустя 150 лет после публикации А. Смита, также называл в качестве движущих сил трудовой миграции ожидания экономических преимуществ от смены места занятости индивидуума (в основном речь шла именно об ожидаемой разнице в уровне дохода) [21, р. 76]. В то же время в рамках экономического подхода концептуальное осмысление трудовой миграции находилось под влиянием школ экономической науки.

Единым для экономических взглядов на трудовую миграцию остается рассмотрение ее как механизма перераспределения рабочей силы. Из этого следует и одно из важнейших ограничений большинства теорий, объединен-

ных в рамках экономического направления: определенная ограниченность рассмотрения факторов, побуждающих индивидуумов к смене места приложения своих сил. В тех теориях, где главенствующая роль отводится диспропорциям развития производительных сил, уровню развития рынка труда, неоправданно снижается роль личного выбора трудовых мигрантов (фактически трудовым мигрантам отводится пассивная роль) [14, с. 172]. К числу ограничений (вернее, особенностей) теорий экономической направленности можно отнести также и определенную односторонность рассмотрения трудовой миграции. В своей работе А. А. Гребенюк резюмировал, что меркантилисты (Т. Мен, Ж.-Б. Кольбер и др.) акцентировали свое внимание преимущественно на государственном управлении миграционными потоками (осуждая эмиграцию граждан как носителей знаний, умений и навыков) [2, с. 21]. Представители классической политэкономии (А. Смит, Д. Рикардо, Дж. Милль и др.) рассматривали в качестве движущей силы трудовой миграции функционирование рынка труда, регуляцию спроса и предложения, дифференциацию заработной платы [см.: 2, с. 22]. Представители марксизма выделяли в качестве движущих сил трудовой миграции различия в степени эксплуатации рабочей силы, условиях труда и заработной плате, а также неравномерное распределение рабочей силы вследствие неритмичности процессов расширения мирового воспроизводства. Большое внимание трудовой миграции уделяли кейнсианцы, отмечая несовершенство рыночных механизмов перераспределения рабочей силы [2, с. 23].

Неоклассическое направление в экономической теории характеризуется более выраженной узкой спецификой изучения миграции, в том числе в работах:

— Дж. Р. Хикса, определявшего в качестве основной движущей силы трудовой миграции дифференциацию уровня оплаты труда (как следствие дифференциации в распределении факторов производства — труда и капитала) [21, р. 76];

— М. Фридмана и П. Самуэльсона, проиллюстрировавших концептуальный подход к описанию рынка труда международной миграции как механизма движения трудовых ресурсов, в качестве доминирующих факторов миграционного движения отмечавших экономические характеристики страны въезда, в том числе уровень заработных плат [см.: 1, с. 6];

— М. Тодаро (модель индивидуального выбора) [32, р. 141—146];

— О. Старка, чьи работы были посвящены проблеме возвратной миграции [29].

По мере использования отдельных теоретических положений неоклассического подхода к объяснению причин трудовой миграции к эмпирическим данным накапливалась критика его теорий. Основным направлением кри-

тики было излишнее упрощение причин трудовой миграции, игнорирование более узкого перечня предпосылок [5, с. 545]. В то же время безусловным достоинством экономического подхода к изучению трудовой миграции стоит считать обоснование значения максимизации доходов индивидуума как одного из важнейших побуждающих мотивов движения трудовых ресурсов.

Дальнейшее развитие экономической подход к теоретической проработке вопросов трудовой миграции получает в рамках:

- теории обратной связи экономических циклов (Б. Томас и др.) [17, с. 438];
- концепции новой экономики миграции (О. Старк и др.) [30, р. 173—174];
- теории мирового рынка труда (Э. П. Плетнёв, Дж. Джонстон и др.) [см.: 17, с. 439];
- концепции общемировой миграционной системы (И. Валлерстайн) [33, р. 229—233];
- концепции нового международного экономического порядка (Д. Бхагвати, В. Бенинг и др.) [см.: 17, с. 440];
- адаптации теории человеческого капитала (Т. Шульц) [26, р. 23] к теории трудовой миграции (Л. Сжаастад) [27, р. 91—92] с выделением в качестве важных факторов миграционного движения условий занятости в родной стране и потенциальной стране назначения, возраста и издержек переезда;
- теории миграционной системы (Дж. Фосетт, Х. Злотник) [см.: 31, р. 454].

Таким образом, объединенные в рамках экономического подхода теории трудовой миграции при объяснении причин движения населения во главу угла ставили ожидания от изменения уровня дохода индивидуумов и их домохозяйств. По мере развития экономических наук трактовка причин трудовой миграции усложнялась посредством добавления новых факторов, включая структурные потребности экономики в труде, цикличность экономического развития, технологию производства и другие факторы. Немаловажную роль в теориях экономической природы играли ожидания индивидуумов, что позволяло перейти

от чисто экономических теорий к теориям социологической природы. Наиболее современной теорией трудовой миграции в экономическом аспекте можно назвать синтетическую теорию международной трудовой миграции (см. рисунок).

В ряде источников главенствующая роль в современном исследовании теорий трудовой миграции отводится работам Э. Г. Равенштейна, предложившего ряд законов миграционных процессов (в работе «Законы миграции») в качестве критики идей У. Фарра о хаотичном характере миграционных процессов [см.: 13, с. 687]. Э. Г. Равенштейн утверждал, что основной целью миграции населения является улучшение его экономического положения, обобщил механизмы, структуры и пространственные характеристики миграции населения, выдвинув знаменитые семь законов миграции [см.: 19, р. 3]. Наряду с законами Э. Г. Равенштейна к классическим миграционным теориям относят также эконометрическую модель Э. Ли (*Push/Pull factors*) [23, р. 57], разработанную в 1960-е гг. Он обобщил факторы, влияющие на миграционное поведение, в четыре области: факторы, связанные с местом въезда, факторы, связанные с местом выезда, различные промежуточные барьеры и личные факторы. Китайский ученый Ян Юньян исследовал коннотацию этих четырех факторов, предположив, что как входящие, так и исходящие факторы содержат выталкивающие и притягивающие, а также нейтральные факторы. При этом последние не оказывают влияния на миграцию, в то время как выталкивающие и притягивающие различны для разных людей [18, с. 99]. Индивидуальные факторы, такие как возраст, ценности, образ жизни и уровень дохода, влияют на оценку человеком внешней информации и решение о миграции, которое зависит от их сочетания.

Неоклассические экономисты ввели взаимосвязь между спросом и предложением в изучение миграции населения, утверждая, что региональные различия в спросе и предложении рабочей силы вызывают ее корректировку

Синтетическая теория международной трудовой миграции

Источники: разработка автора на основе [13, с. 688—689].

между регионами, а миграция населения является отражением такой корректировки. В то же время, согласно теории человеческого капитала Шульца, для отдельных людей миграция рассматривается как инвестиция в их личный человеческий капитал, индивидуальная инвестиция, которая повышает их собственные экономические показатели и, следовательно, общий уровень жизни. Исследования показали, что миграция — это прежде всего выбор, который люди делают ради экономической выгоды [25, р. 4]. Одним из наиболее ярких примеров является модель Льюиса — Тодаро с точки зрения экономики развития, прошедшая три стадии: модель Льюиса, модифицированная модель Раниса — Фейя и модифицированная модель Тодаро. Неоклассическая экономика предполагает, что индивидуум является наименьшей единицей миграционного процесса. В то же время в практических исследованиях многие ученые обнаружили, что индивидуальные решения часто имеют тесную связь с семьей, что породило новую теорию семейной миграции, основанную на неоклассической экономической теории. Эта теория утверждает, что индивидуальные решения о миграции принимаются совместными решениями членов семьи, что факторы миграции (особенно краткосрочной) сводятся к семейной стратегии максимизации экономической выгоды и минимизации рисков и что циклическая миграция туда и обратно позволяет наилучшим образом использовать городские и сельские (семейные) ресурсы. На миграционное поведение человека влияют не только ожидаемый доход, но, что более важно, и семейные факторы [12, с. 4].

С развитием теорий трудовой миграции появилось много новых подходов. Теория мировых систем фокусируется на понимании и объяснении миграции населения с точки зрения экономической глобализации (И. Валлерстайн) [33]. В условиях экономической глобализации и расширения мирового рынка конкуренция приводит к маргинализации большинства развивающихся стран и остановке процесса их собственного развития. Капитал из развитых стран проникает во все сферы развивающихся стран и контролирует землю, сырье, рабочую силу и рынки, поэтому двустороннее движение неизбежно. Экспансия капитала в развивающиеся страны сопровождается перемещением рабочей силы, сырья и т. д. из развивающихся стран в развитые. Эта мобильность является результатом не различий в уровне заработной платы, а рыночной конкуренции и экономической глобализации [12, с. 4].

Китайский ученый Чжу Цзиндэ в 1999 г. разработал теоретическую модель двухэтапной миграции в условиях тернарного рынка труда, принимая во внимание реальную ситуацию в Китае. Тернарный рынок труда — это

сельский рынок труда в условиях совершенной конкуренции, городской рынок труда в условиях совершенной конкуренции и городской рынок труда в условиях несовершенной конкуренции. Теория (модель) двухэтапной миграции разделяет процесс миграции из сельской местности в город на два этапа. В этом случае миграция, которая происходит в основном между двумя совершенно конкурентными рынками труда, городским и сельским, рассматривается как первый этап миграции, а миграция, которая происходит после этого, рассматривается как второй этап, таким образом, объясняя явление трудовой миграции такими факторами, как степень открытости рынка и ставки заработной платы [16, с. 8].

Рассмотрим экономическое и социологическое направление разработки теорий трудовой миграции в комплексе. Один из известных исследователей в рассматриваемой области Х. де Хаас предлагает объединять ранние теории миграции в две основные парадигмы: функционалистскую и историко-структурную [20, р. 30]. Функционалистская парадигма рассматривает трудовую миграцию как оптимизационную стратегию отдельных лиц или семей (домохозяйств), производящих расчеты затрат и выгод. В рамках историко-структурной парадигмы (также известной как «теория конфликта») Х. де Хаас предлагает включать неомарксистскую теорию конфликта, теорию зависимости (А. Г. Франк, 1966), теорию мировых систем (И. Валлерстайн, 1974, 1980), теорию двойного рынка труда (М. Пиоре, 1979) и критическую теорию глобализации (С. Сассен, 1991). Указанные теории и концепции, по мнению Х. де Хааса, рождают схожие интерпретации миграции как сформированной структурным экономическим и властным неравенством как внутри общества, так и между обществами, а также способами, которыми миграция играет ключевую роль в воспроизводстве и усилении такого неравенства [20, р. 4].

В отдельную группу теорий Х. де Хаас выделяет более гибридную группу теорий мезоуровня, которые сосредоточены на продолжении или внутренней динамике миграции [20, р. 5]: сетевые теории, теория миграционных систем и теория кумулятивной причинности (Д. Мэсси, 1990) [24, р. 4–9].

В отдельную группу можно выделить те теории, вектор рассмотрения которых определял приоритетной попытку комплексного рассмотрения причин трудовой миграции, в отрыве от исключительно экономики и социологии. Более ранние работы в этой области, такие как теория миграции Э. Ли (1966) [23, р. 49], теория перехода мобильности У. Зеллинского (1971) [34, р. 219], теория кумулятивной причинности Д. Мэсси (1990) [24, с. 17], пытались выделить обобщенное понимание миграционных явлений. Польский ученый М. Купишевский утверждал, что всеобъем-

лющая или универсальная теория миграции никогда не возникнет, потому что миграция — слишком сложное и разнообразное явление [22, с. 123]. Однако этот аргумент не является убедительным по двум основным причинам. Во-первых, было бы ошибочно полагать, что целью социальной теории является разработка все объясняющих, универсальных теорий, поскольку социальные явления всегда должны быть поняты в конкретных исторических и социальных контекстах, в которых они происходят, и не могут быть охвачены простым набором формул, законов, моделей или уравнений регрессии. Во-вторых, сложность никогда не может быть причиной отказа от попыток построения более совершенных социальных теорий. В конце концов, социальные явления сложны по своей природе, но сложность не стояла на пути теоретического прогресса в других областях социальных исследований.

Во второй половине XX в. зародилось одно из наиболее представленных в источниках направление изучения трудовой миграции — эмпирическое. В его рамках миграционные потоки рассматриваются на базе математического инструментария, а концептуальные основы при отборе факторов формируются в результате синтеза экономического, социологического, географического, политического и иных подходов. Е. В. Козлова перечислила важные работы в рамках этого направления:

— работа К. Бишопа (1967), посвященная эмпирическому анализу трудовой миграции в контексте урбанизации и провалов рынка труда;

— вариации миграционной модели М. Тодаро (1969, 1970) и связанный с ними «парадокс Тодаро», описывающие миграционное движение как результат сопоставления ожидаемых и фактических доходов;

— работа Э. Баркли (1990), показавшего, что конъюнктура рынка труда страны происхождения трудовых мигрантов оказывает на них большее влияние, чем ограничения в странах назначения;

— работа Р. Эмерсона (1989 и др.), посвященная исследованию официальной и неофициальной трудовой миграции [4, с. 128—129].

В дальнейшем факторные и трендовые подходы к описанию трудовой миграции стали одним из наиболее востребованных направлений исследования, но во многом они опираются именно на концепции, разработанные ранее в рамках экономической географии, экономической теории и социологии (в том числе на

укрупненную классификацию *push-pull* факторов и ее модификации). Немаловажную роль в развитии этого укрупненного направления играет накопление значительного эмпирического материала (преимущественно макроэкономических показателей, миграционной статистики). Безусловным достоинством данного направления исследования является подтверждение одного из ключевых доводов теоретиков трудовой миграции — доминирующего влияния на ее интенсивность и направления уровня доходов трудового мигранта в стране назначения. В то же время можно признать и определенные ограничения исследований в рамках данного укрупненного направления: как правило, новых концептуальных основ в вопросах причин трудовой миграции эмпирический подход не дает, так как носит описательный характер.

Таким образом, трудовая миграция является продуктом и важным элементом процесса глобализации. Теория трудовой миграции прошла различные этапы развития, каждый из которых сохраняет свои особенности и отпечатки времени. В целом вышперечисленные теории являются комплексными интерпретациями сложного явления трудовой миграции и не дают исчерпывающее объяснение ее процесса и развития, сохраняя различные недостатки, поскольку трудовая миграция по своей природе является социальным и многофакторным явлением, а в эпоху быстрых перемен и многократной глобализации нелегко дать рациональное объяснение этому явлению. Существующие теории трудовой миграции сосредоточены в семи областях: политические структуры, рамки социальных сетей, неоклассика, новая экономика, структура рабочей силы, человеческий капитал и глобализация. Каждая теория обладает определенной аргументацией, но, строго говоря, имеет свои ограничения во времени и пространстве. С точки зрения нынешнего состава теории трудовой миграции опыт миграции из развивающихся стран все еще в меньшей степени способен участвовать в общей трансформации теории миграции ввиду существования определенных различий между теориями миграции развитых и развивающихся стран. Например, миграция, изучаемая в теории миграции развивающихся стран, в большей степени сосредоточена на миграции между городом и деревней. Поэтому основные понятия и теоретические основы теории миграции должны анализироваться в конкретном контексте.

Список использованных источников

1. Абылкаликов, С. И. Экономические теории миграции: рабочая сила и рынок труда / С. И. Абылкаликов, М. В. Винник [Электронный ресурс] // Бизнес. Общество. Власть. — 2012. — № 12. — С. 1—19. — Режим доступа: <<https://www.hse.ru/mag/27364712/2012--12/71249233.html>>. — Дата доступа: 01.03.2022.
2. Гребенюк, А. А. Теоретические подходы к изучению международной трудовой миграции / А. А. Гребенюк // Миграция и социально-экономическое развитие. — 2016. — Т. 1, № 1. — С. 17—38. (<http://doi.org/10.18334/migration.1.1.38078>)
3. Ивахнюк, И. В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации / И. В. Ивахнюк // Век глобализации. — 2015. — № 1 (15). — С. 36—51.

4. Козлова, Е. В. Современные теории международной трудовой миграции как методология разработки отечественной миграционной политики / Е. В. Козлова // Вестн. Томск. гос. ун-та. Экономика. — 2015. — № 2 (30). — С. 127–137. (<http://doi.org/10.17223/19988648/30/12>)
5. Колосницына, М. Г. Международная трудовая миграция: теоретические основы и политика регулирования / М. Г. Колосницына, И. К. Суворова // Экон. журн. Высш. школы экономики. — 2005. — Т. 9, № 4. — С. 543–565.
6. Ли Ли. Лао дун ли куа гуо лю дун де янь цзю цзун шу = Обзор исследований по трансграничной мобильности рабочей силы / Ли Ли // Гай гэ юй чжань люэ = Реформа и стратегия. — 2005. — № 8. — С. 18–20 (на кит. яз.).
7. Ма Янься. Чжун гуо си бу мин цзу ди цю лао дун ли чжуань ии ли лунь янь цзю цзун шу цзи пин цзя = Обзор и оценка теоретических исследований трудовой миграции в западных этнических районах Китая / Ма Янься // Си нань мин зу да сюэ сюэ бао = Журн. Юго-запад. ун-та национальностей. — 2011. — № 2. — С. 135–139 (на кит. яз.).
8. Нестерова, А. А. Ретроспективный взгляд на теории, объясняющие трудовую миграцию / А. А. Нестерова // Беларусь и мировые экономические процессы. Вып. 8. — Минск: БГУ, 2011. — С. 80–88.
9. Ниворожкина, Л. И. Эволюция научных взглядов на трудовую миграцию как движущую силу развития мирохозяйственных связей / Л. И. Ниворожкина, Н. А. Колосова // Вестн. Ростов. гос. экон. ун-та РИНХ. — 2014. — № 1 (45). — С. 148–155.
10. Седова, А. В. Теория трудовой миграции / А. В. Седова // Вестн. Алтай. акад. экономики и права. — 2019. — № 2, ч. 1. — С. 137–145.
11. Тихонова, Л. Е. Трудовая миграция в Республике Беларусь: теория и практика в современных условиях / Л. Е. Тихонова, В. П. Пугачёв // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. — 2021. — № 13. — С. 89–96. (<https://doi.org/10.52928/2070-1632-2021-58-13-89-96>)
12. У Ди. Лао дун ли гуо цзи лю дун юань инь де янь цзю цзун шу = Обзор исследований о причинах международной мобильности рабочей силы / У Ди // Цзин цзи янь цзю дао кань = Журн. экон. исследований. — 2011. — № 8. — С. 3–4 (на кит. яз.).
13. Усанова, Ж. У. Методологические основы изучения внешней трудовой миграции / Ж. У. Усанова // Актуальные вопросы современной экономики. — 2019. — № 3-1. — С. 686–695.
14. Усанова, Ж. У. Научно-методические аспекты изучения внешней трудовой миграции / Ж. У. Усанова, З. М. Маатова // Изв. Ош. технолог. ун-та. — 2018. — № 1, ч. 2. — С. 171–178.
15. Чжан Сиси. Лао дун ли лю дун вэнь ти янь цзю ре дьянь фэнь кси = Анализ основных вопросов исследований в области трудовой мобильности / Чжан Сиси // Цзин чжи сюэ дун тай = Новости экономики. — 2015. — № 6. — С. 125–136 (на кит. яз.).
16. Чжу Цзиндэ. Чжун гуо сань юань лао дун ли ши чан гэ чжу ся дэ лянь цзе дуань сян чэн цянй и ли лунь = Теория двухэтапной миграции из сельской местности в город в тернарной модели рынка труда Китая / Чжу Цзиндэ // Чжун гуо жэнь коу кэ сюэ = Наука о народонаселении в Китае. — 1999. — № 1. — С. 7–12 (на кит. яз.).
17. Экономика народонаселения: учеб. / под ред. проф. В. А. Ионцева. — М.: ИНФРА-М., 2007. — 668 с.
18. Ян Юньян. Чжун гуо жэнь коу цянй и де гуй мо це суань юй цян ду фэнь си = Измерение размеров и анализ интенсивности миграции населения в Китае / Ян Юньян // Чжун гуо шэ хуэй кэ сюэ = Китайские общественные науки. — 2003. — № 6. — С. 97–107 (на кит. яз.).
19. Corbett, J. Ernest George Ravenstein, The Laws of Migration, 1885 / J. Corbett. — UC Santa Barbara: Center for Spatially Integrated Social Science, 2003. — 4 p. [Electronic resource] // eScholarship: University of California. — Mode of access: <<https://escholarship.org/uc/item/3018p230>>. — Date of access: 23.02.2022.
20. De Haas, H. A theory of migration: the aspirations-capabilities framework / H. de Haas // Comparative Migration Studies. — 2021. — Vol. 9, N 1. — P. 1–35. (<https://doi.org/10.1186/s40878-020-00210-4>)
21. Hicks, J. R. The Theory of Wages. 2nd ed. / J. R. Hicks. — London: Macmillan, 1963. — 384 p.
22. Kupiszewski, M. Modelowanie dynamiki przemian ludności w warunkach wzrostu znaczenia migracji międzynarodowych / M. Kupiszewski. — Warszawa: Polska Akademia Nauk, 2002. — 174 s. [Electronic resource] // Repozytorium Cyfrowe Instytutów Naukowych. — Mode of access: <https://www.rcin.org.pl/Content/588/Wa51_3562_r2002-nr181_Prace-Geogr.pdf>. — Date of access: 24.02.2022.
23. Lee, E. S. A Theory of Migration / E. S. Lee // Demography. — 1966. — Vol. 3, N 1. — P. 47–57. (<https://doi.org/10.2307/2060063>)
24. Massey, D. S. Social Structure, Household Strategies, and the Cumulative Causation of Migration / D. S. Massey // Population Index. — 1990. — Vol. 56, N 1. — P. 3–26. (<https://doi.org/10.2307/3644186>)
25. Schultz, T. W. Investment in Human Capital / T. W. Schultz // American Economic Review. — 1961. — Vol. 51, N 1. — P. 1–17.
26. Schultz, T. W. Theodore William Investing in people: the economics of population quality / T. W. Schultz. — Berkeley; Los Angeles; London: University of California press, 1981. — 173 p.
27. Sjaastad, L. A. The Costs and Returns of Human Migration / L. A. Sjaastad // Journal of Political Economy. — 1962. — Vol. 70, N 5, part 2. — P. 80–93.
28. Smith, A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / A. Smith. — Amsterdam: MetaLibri, 2007. — 741 p.
29. Stark, O. Tales of Migration without Wage Differentials: Individual, Family and Community Contexts: Discussion Papers on Development Policy N 73 / O. Stark. — Bonn: Center for Development research, 2003. — P. 1–15. (<https://doi.org/10.22004/ag.econ.18743>)
30. Stark, O. The New Economics of Labor Migration / O. Stark, D. E. Bloom // The American Economic Review. — 1985. — Vol. 75, N 2. — P. 173–178.
31. Theories of International Migration: a Review and Appraisal / D. S. Massey [et al.] // Population and Development Review. — 1993. — № 19. — P. 431–466. (<https://doi.org/10.2307/2938462>)
32. Todaro, M. P. A model of labor migration and urban unemployment in less developed countries / M. P. Todaro // American Economic Review. — 1969. — Vol. 59, N 1. — P. 138–148.
33. Wallerstein, I. The Modern World System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century / I. Wallerstein. — New York: Academic Press, 1976. — 410 p.
34. Zelinsky, W. The Hypothesis of the Mobility Transition / W. Zelinsky // Geographical Review. — 1971. — Vol. 61, N 2. — P. 219–249. (<https://doi.org/10.2307/213996>)

Статья поступила в редакцию 17 марта 2022 г.

Памятка авторам статей для подачи в редакцию «Журнала международного права и международных отношений»

«Журнал международного права и международных отношений» является научным изданием с периодичностью выпуска 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим, историческим и экономическим наукам.

Журнал ориентирован на профессорско-преподавательский состав университетов, научных сотрудников, специалистов-практиков, аспирантов, магистрантов и студентов учреждений высшего образования, работающих в области международных отношений и международного права.

Все научные статьи проходят обязательное двойное слепое рецензирование. С 2019 г. фамилии рецензентов не публикуются в журнале.

Автор, желающий опубликовать статью в журнале, должен представить в редакцию:

— статью объемом около 10 печатных страниц текста (с учетом списка литературы) (формат страницы — А4, шрифт 12 пт (для компьютера), поля — по 2,5 см с каждой стороны, расстояние между строками — 1,5 интервала). При оформлении статьи автор должен пользоваться **Инструкцией о порядке оформления квалификационной научной работы (диссертации) на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, автореферата и публикаций по теме диссертации;**

— резюме (краткое содержание) статьи на русском/белорусском языке объемом до 0,5 страницы с аналогичными параметрами (резюме статьи будет переводиться на английский язык. Автор может приложить резюме, уже переведенное на английский язык (обязательно с русским/белорусским вариантом));

— выписку из протокола заседания кафедры (научного отдела или другой подобной структуры) о рекомендации статьи к печати;

— заполненную анкету (форма выдается в редакции).

Исключения возможны по решению редакционного совета.

Обращаем внимание авторов, что они несут ответственность за направление в редакцию уже ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями.

Кроме того, в журнале предоставляется возможность первоочередного опубликования статей, представленных лицами, осуществляющими послевузовское обучение (аспирантура, докторантура, соискательство) в год завершения обучения.

В журнале не взимается оплата за опубликование научных статей.

Научное издание

ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 2022 № 3-4 (102-103) июль—декабрь

Подписано в печать 30.12.2022 г. Выход в свет в январе 2023 г.

Формат 60x84¹/₈. Гарнитура Georgia.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 13,25. Тираж 100 экз. Заказ № 816Ц.

Отпечатано с готового оригинала-макета заказчика в ООО «Типография НьюГрафикс».

ЛП № 02330/483 от 19.04.2017 г.

220014, г. Минск, пер. С. Ковалевской, 52а, тел.: +375 29 684 63 33

Распространяется бесплатно